

Н.Г. Королева

**ПЕРВАЯ
РОССИЙСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
И
ЦАРИЗМ**

Издательство «Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории СССР

Н.Г.Королева

**ПЕРВАЯ
РОССИЙСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
И
ЦАРИЗМ**

Совет министров России
в 1905—1907 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1982

Монография посвящена истории образования в 1905—1907 гг. и деятельности высшего правительственного учреждения царской России — Совета министров. В ней освещается вопрос о месте исполнительной власти в системе реформированного государственного управления, об основных направлениях политики правительственных «кабинетов» периода революции.

Ответственный редактор
В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ

Надежда Георгиевна Королева
ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЦАРИЗМ
Совет министров России в 1905—1907 гг.

Утверждено к печати Институтом истории СССР Академии наук СССР
Редактор издательства Г. Н. Кухтенцова. Художник С. И. Сергеев. Художественный редактор Н. А. Фильчагина. Технический редактор М. Н. Фролова. Корректоры В. А. Бобров, Л. И. Левашова

ИБ 25447

Сдано в набор 20.04.82. Подписано к печати 23.06.82. Т-10652. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,5. Усл. кр. отт. 11,9. Уч. изд. л. 13,6. Тираж 4100 экз. Тип. зак. 1628. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наука» 117864, ГСП-7. Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

К 0505020000—259
042(02)—82 КБ-62-7-81

© Издательство «Наука», 1982 г.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории политических институтов России периода первой российской революции имеет большое научное и идеологическое значение. Революция 1905—1907 гг. была первой серьезной классовой битвой народных масс во главе с пролетариатом против самодержавия. Революционный натиск рабочих и крестьян грозил самой основе самодержавного строя. Историю героической борьбы народных масс можно глубже осмыслить и понять лишь тогда, когда будет изучен и объект, на который была направлена эта борьба,— самодержавная власть и господствующие классы. Центральным звеном государственного аппарата в 1905—1907 гг. являлся Совет министров. Изучение истории его реформы и деятельности позволяет детальнее выявить классовую сущность внутренней политики царизма, направленной на подавление революции. Мобилизуя на это все силы и средства, самодержавное правительство пыталось расширить свои социальные ресурсы. На этом пути оно делало второй шаг в сторону буржуазной монархии. Политика самодержавия в фокусе деятельности Совета министров дает возможность полнее охарактеризовать суть государственных преобразований, проведенных царизмом в годы революции, и обосновать причины неизбежности провала попыток обновления политического строя страны «сверху», без изменения его классовой и социальной сущности.

Разрабатывая стратегическую и тактическую платформу пролетарской партии в буржуазно-демократической революции, В. И. Ленин тщательно изучил и проанализировал политику самодержавия. За годы революции В. И. Ленин написал 58 статей по вопросам внутренней политики самодержавия. В 27 работах он останавливался на анализе тактики царского правительства, главной целью которой было подавление революции всеми средствами, начиная с карательно-репрессивных мер и вплоть до игры в парламентаризм и «конституционных обещаний». При этом В. И. Ленин беспощадно разоблачал «дарованные царские свободы», показывая, в каком вопиющем противоречии находились «посулы» и «обещания» правительства и его реальная политика.

Для понимания вопроса о сущности государственных преобразований важны ленинские оценки самодержавной «конституции», «законодательных учреждений» и «официального правительства». В самый разгар революции, в октябре 1905 г., Ленин в ряде статей, таких, как «Планы министра-клоуна», «Обострение положения в России», «Приближение развязки», «Между двух битв»,

«Первая победа революции», вскрыл истинный смысл «царской конституции». Оценивая обнародование манифеста 17 октября как первую и серьезную победу революции, он в то же время указывал, что «... эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. Царь далеко еще не капитулировал. Самодержавие вовсе еще не перестало существовать»¹. Манифест 17 октября вызвал конституционный угар среди либералов. Начался период конституционных иллюзий, особенно опасный для дела революционной борьбы пролетариата. Именно поэтому В. И. Ленин неоднократно указывал, что марксистское понимание конституционализма исходит не из оценки той или иной редакции актов Основных государственных законов разных стран, а из вопроса о реальной политической власти представительных учреждений, о степени участия народных масс в государственном управлении. В связи с этим В. И. Ленин подчеркивал, что самодержавие не может жить при действительно конституционных порядках². «У нас нет конституции на деле,— говорил В. И. Ленин,— нет почвы для наших открытых выступлений, а есть дубавоский „конституционализм“»³. Конституционные иллюзии выступают на первый план тогда, когда кажется, что конституция есть, а на деле ее нет⁴.

Касаясь переговоров правительства и буржуазии по вопросу о власти, В. И. Ленин показал контрреволюционность русской буржуазии всех оттенков — от октябристов до кадетов. В связи с этим В. И. Ленин, характеризуя суть борьбы буржуазных либералов за создание «ответственного министерства», подчеркивал, что «на деле такое министерство будет лишь переряживанием самодержавия в новый лжеконституционный костюм»⁵.

Сговариваясь с правительством, лидеры буржуазных партий предавали интересы революции, ставили восставшие массы в критическое положение, помогая царизму переходить постепенно к ограничению уступок, вырванных революцией⁶.

Маневры Совета министров в период предвыборных кампаний, тактика председателей Совета министров по отношению к кадетскому руководству первой и второй Государственной думы анализировались и разоблачались В. И. Лениным во многих работах. Например, в статье «Современное положение России и тактика рабочей партии» В. И. Ленин указывал, что правительство, широко используя карательные методы борьбы с революционным движением, ослабило силы революции и, подавив вооруженное восстание в Москве, сумело к началу 1906 г. добиться некоторого перевеса сил, после чего объявило о начале избирательной кампании⁷.

В работах «Дума и народ», «Правительство, Дума и народ», «Горемычники, октябристы и кадеты», «О современном политическом положении», «Накануне», «Колебания сверху, решимость снизу» В. И. Ленин сравнивает размежевание политических сил в Думе и в «глубинах народной жизни» и отмечает, что «первое протекало тускло и глухо» по сравнению со вторым и что это

дало возможность правительству не только игнорировать думские законопроекты, но и исподволь готовить разгон Думы⁸

Остаиваясь на характеристике политики правительства в крестьянском вопросе в годы революции, В. И. Ленин делал вывод, что перемена аграрной политики самодержавия являет собой глубочайший сдвиг в сторону аграрного бонапартизма⁹. В статье «Пятидесятилетие падения крепостного права» В. И. Ленин подчеркивал, что проведенная сверху помещиками-крепостниками крестьянская реформа 1861 г. открыла для русской деревни болезненный прусский путь развития капитализма¹⁰, т. е. такой путь, когда происходит медленная эволюция крепостнических латифундий в юнкерско-буржуазные хозяйства, влекущая за собой разорение мелких и средних крестьянских хозяйств, обнищание трудящихся масс крестьянского населения, усиление гнета и зависимости крестьянства не только от сохранившего в своих руках громадные земельные наделы и угождая помещика, но и от богатейшей деревенской буржуазии. 1905 год показал, что в России возможен и второй путь преобразования аграрных отношений — ликвидация крепостнического землевладения, национализация земель, открывавшие дорогу быстрому развитию капиталистического земледелия. В годы революции решался вопрос, по какому пути пойдет развитие капитализма в деревне.

Революция потерпела поражение, но она определила дальнейший ход исторического развития России.

В дореволюционной исследовательской литературе вопрос о Совете министров рассматривался весьма поверхностно, как правило, в трудах либеральных историков права, появившихся в связи с оценкой ими различных законодательных актов, принятых в 1905—1906 гг.

Остаиваясь на организации исполнительной власти, созданной указом 19 октября, буржуазные праведы считали Совет министров правительственным кабинетом, появившимся в системе высших учреждений в связи с переходом России от абсолютистского самодержавия к конституционному строю¹¹. Эта концепция органически вытекала из программы и тактической платформы кадетов, стремившихся свести политическую борьбу в стране с революционных рельсов на реформистские.

Оценивая указ 19 октября 1905 г., кадетские историки права неизменно приходили к выводу о создании в России всех звеньев управления, присущих конституционным государствам, и связывали появление указа 19 октября с созывом Государственной думы и с обнародованием Основных законов. Юристы-кадеты относили Россию к числу так называемых дуалистических государств. С помощью определения «особых юридических элементов», присущих государствам этого типа, кадетские профессора пытались найти обоснование явной призрачности русской конституции¹². Они подчеркивали, что раз есть «парламент» — Государственная дума и Государственный совет, то необходим и «кабинет». Совет министров, по мнению В. М. Гессена, являлся

правительственным кабинетом, поскольку председатель Совета министров получил в нем «преобладающее значение»¹³ Касаясь компетенции Совета министров, Гессен пришел к ошибочному выводу, указывая на то, что она «в значительной степени складывается из компетенции Комитета министров»¹⁴.

В работах А. И. Болдыря «Ответственность министров и ответственное министерство», К. Н. Соколова «Манифест 17 октября и право запросов» ставился знак равенства между Советом министров России и правительственными кабинетами западноевропейских государств¹⁵. Эта мысль звучала и в работе Л. А. Алексеева, хотя автор критически относился к проводимому реформированию высшей исполнительной власти. «Государственная дума,— писал он,— не представляет собой силы, с которой министры принуждены считаться и вопреки которой они не могут управлять государственными делами, и, тем самым, русский кабинет эмансипирован от влияния народных представителей»¹⁶.

Наиболее значительным исследованием, посвященным истории реформы Совета министров в 1905 г., является соответствующая глава «Очерков русского государственного права», написанных Б. Э. Нольде. С позиций конституционной концепции государственного строя России после 17 октября 1905 г. Б. Э. Нольде проанализировал указ 19 октября и попытался определить компетенцию Совета министров¹⁷.

«Существование Совета министров,— писал автор,— необходимая часть конституционного порядка России и конституционного порядка вообще»¹⁸. Он указал, что составители указа 19 октября заимствовали законодательство о политических институтах западноевропейского конституционного и административного права. При этом особое удареение Нольде делал на том, что русский кабинет якобы «воплощает идеи единства и солидарности». Залог этого единства, как и другие кадетские юристы, он видел в предоставлении «средств контроля и влияния председателя Совета министров на своих коллег». Правами председателя Совета министров, по мнению Нольде, восполнялся не прозвучавший в указе буржуазно-правовой принцип коллективной ответственности кабинета перед парламентом. Что касается многочисленных оговорок, недомолвок указа, носящих объективный характер, то автор находил им объяснение, как и другие кадеты (и левого и правого крыла), в том, что они явились лишь следствием бюрократических консервативных тенденций, «сопутствующих выработке всех актов государственных реформ». Этим объясняли все ученые-кадеты «недостатки» конституции¹⁹.

В указе от 19 октября Нольде видел «акт, оригинальный в том отношении, что ни в одном из современных законодательств мы не находим столь же подробного и столь обстоятельного ограничения закона, определяющего устройство и функции кабинета. В большинстве стран Совет министров живет обычаями и конституционными соглашениями. Устройство и функции Совета министров России исходят из определенных законодательных постано-

влений»²⁰. В идеализации влияния Совета на развитие «правового» строя в России Нольде пошел дальше других кадетских юристов. Он усматривал в правах Совета министров определенную степень ограничения императорской власти.

Интересную хронику событий, особенно в приложениях, содержит подготовленная В. П. Обнинским в трех частях летопись русской революции «Новый строй». Излагая события революции, автор высказывает свое отношение к ним. Взгляды его в целом не отличаются от взглядов других кадетских исследователей. Так, показывая картину погромов, прокатившихся по всем городам России после дарованных манифестом «свобод», В. Обнинский не прочь подчеркнуть, что вооруженная борьба народных масс вызвала лишь усиление погромов. «Следует раз и навсегда установить, — писал он, — что в больших городах, каковы обе столицы, всякие попытки к массовому вооруженному выступлению заранее обрекаются на неудачу»²¹. Московское вооруженное восстание В. Обнинский характеризует лишь как эпизод, занимающий очень «скромное место» в числе событий после 9 января 1905 г.²²

В акте созыва Думы автор, как и другие кадетские исследователи, видел начало перехода к конституционному строю. В том, что «„Дума народных надежд“ постепенно терялась из виду, — пишет он, — виновата стена бюрократизма, все та же несвеженная администрация, которая не могла следовать до конца курсу 17 октября и которой ничего другого не оставалось, как повернуть голову в сторону реакции. Министры не понимали существа конституционализма»²³.

Итак, основной тенденцией развития российской государственности после 1905 г. кадеты считали установление правового, конституционного начала. Под этим углом зрения рассматривалось и преобразование Совета министров.

В современной буржуазной историографии политическим институтам дореволюционной России и реформе высших государственных учреждений уделяется немалое внимание²⁴. Объясняется это тем, что история революционной борьбы российского пролетариата служит примером для всех трудящихся, борющихся за социальное и национальное освобождение от гнета капитала. Поэтому, как правильно отметили П. Н. Зырянов и В. В. Шелохаев, «для буржуазной и реформистской историографии характерно стремление, хотя бы на бумаге „перестроить“ ход, уроки и итоги этой революции»²⁵.

Советские историки ведут большую и планомерную работу по разоблачению фальсификаторских теорий буржуазной историографии²⁶.

Остановимся на анализе некоторых вышедших в последние годы работ английских и американских историков, имеющих непосредственное отношение к исследуемым нами вопросам. Для современной буржуазной историографии, изучающей внутреннюю политику России в эпоху империализма, характерно рассмотрение

исторического процесса в России в свете господствующих на Западе концепций «надклассовости» самодержавия, «вестернизации» и «модернизации». Борьбу пролетариата, возглавившего революционное движение трудящихся масс России за полное социальное и экономическое освобождение, буржуазные историки хотят представить как процесс борьбы «русской общественности за реформы». С помощью теории «разумного» разрешения противоречий между угнетенными и угнетателями эти историки стремятся ревизовать марксистско-ленинскую теорию необходимости низвержения власти господствующих классов, слома всей машины государственного управления для полного освобождения трудящихся масс.

Выдвинув фальсификаторскую концепцию «мирной модернизации» экономических и социально-политических институтов без «насильственной революции», современная буржуазная историография пытается на примере России доказать возможность подобного рода модернизации²⁷. При этом современные «специалисты» русской истории повторяют доводы дореволюционной буржуазной кадетской профессуры о том, что все противоречия России можно было бы разрешить путем «приведения русской жизни в соответствие с западными моделями». Поэтому «самые передовые» люди России (буржуазные либералы) «искали путей для реформирования своего отечества»²⁸. «Этот единственно разумный путь,— пишет американский историк Адамс,— оказался неосуществимым потому, что аполитичный царь и высшие чиновники решительно защищали традиции и институты русского самодержавия»²⁹. На основании этих рассуждений Адамс, «размышляя» над проблемой динамического процесса России, приходит к знакомому нам по эмигрантской литературе выводу о том, что, оказывается, вплоть до 1917 г. «еще была определенная надежда на то, что Россия сможет выработать мирный путь к своей модернизации, что в улучшавшейся экономической обстановке должностные лица и думские лидеры проявят достаточно опыта и зрелости, чтобы трансформировать парламентский эксперимент в эффективную политическую систему»³⁰.

Подобные выводы делает и Дж. Уолкин. Сославшись в книге «Рост демократии в дореволюционной России...» на недостаточную изученность российского «конституционного эксперимента», Уолкин «восполняет» этот пробел.

Если до 1906 г., пишет он, в России «министры старались работать в противоположных направлениях друг с другом и в том числе с царем», то утверждение конституции в 1906 г. наметило поворот к повышению роли закона³¹. Далее ход рассуждений автора сводится к тому, что «все дефекты Основных законов вполне допустимы и они должны быть признаны тем важным шагом вперед, который означает возможный конец или начало конца всех несовершенств государственного строя страны»³². Как видим, далее трактовка кадетских лидеров современный историк не

пошел. Те же обвинения высшей бюрократии, от которой якобы и шли все несовершенства государственного управления, и те же упования на «конституцию», которая положила бы начало «правопорядку». Отсюда и рассуждения Уолкина о переходе законодательной власти в руки Думы и Государственного совета, об ограничении власти царя и министров.

Являясь одним из главных проповедников теории «вестернизации», Уолкин рассматривает государственные преобразования 1905—1906 гг. в плане влияния на русскую жизнь такого «благоприятного фактора», как стремление следовать европейским образцам (европеизация)³³.

Не отрицая полностью вынужденного характера манифеста 17 октября, Уолкин тем не менее всячески подчеркивает, что «дни свободы последовали немедленно за обнародованием октябрьского манифеста, когда революционное движение находилось в упадке»³⁴.

Более научно-объективной позиции придерживается Д. Хоскинг. В книге «Русский конституционный эксперимент. Правительство и Дума, 1907—1914 гг.», рассматривая на довольно широком круге источников проблемы третьейюнской монархии, Хоскинг берет под сомнение возможность мирной модернизации царской России. Однако, что касается периода революции, то автор утверждает, что начало «конституционного эксперимента складывалось вполне благоприятно»³⁵.

Американский исследователь Риха считает, что русский конституционализм официально родился в 1906 г. Рихе нельзя отказать в знании фактического материала и в справедливости некоторых выводов. Касаясь взаимоотношений правительства и Думы, автор отмечает, что «правительство, уже не такое напуганное, как в 1905 году, выбрало худшую из возможных тактик по отношению... к выборному законодательному учреждению»³⁶.

Риха при оценке деятельности П. А. Столыпина делает ударение на то, что «Столыпин с точки зрения длительного прогноза был прав. Но у России не было возможности обеспечить время, необходимое для мирного развития, которое лежало в основе его планов»³⁷.

Как и его коллеги по перу, Риха основные причины краха «конституционного эксперимента» видит в том, что «император имел странное понимание того, что понимается под конституцией». «Не вызывает удивления тот факт,— продолжает автор,— что он ненавидел радикальные партии. Но он был также одинаково подозрителен по отношению к октябристам, которые в конце концов хотели только провести в жизнь октябрьский манифест, который он сам издал»³⁸.

Английский историк Д. Ейни в статье «Некоторые вопросы имперского русского управления накануне первой мировой войны» останавливается на деятельности трех министерств: внутренних дел, финансов, главного управления землеустройства и

земледелия, делая при этом особый упор на политику царизма по крестьянскому вопросу. Частично он поднят и в статье «Социальная стабильность в предреволюционной России»³⁹. Реформы местного самоуправления рассматриваются в статьях американских историков М. Конрой⁴⁰ и А. Левина⁴¹.

Для них характерно стремление оторвать реформу от революции, представить столыпинскую аграрную реформу и связанные с ней реформы местного управления как панацею, способную разрешить самые острые вопросы внутренней жизни России в начале XX в. без революционной ломки социально-экономических отношений⁴².

Прямое отношение к истории деятельности Совета министров имеет работа английских историков Г. Мелинджера и Д. Томпсона «Граф Витте и царское правительство в революции 1905 года»⁴³. Являясь сторонниками концепции Т. фон Лауэ, Мелинджер и Томпсон подчеркивают, что Витте «всю свою жизнь посвятил борьбе за мирную трансформацию России из аграрной страны в индустриальную», «направляя постоянно правительство на путь конституционализма».

Тем не менее авторы не могут отрицать вынужденный характер манифеста 17 октября. «Значение манифеста 17 октября,— пишут они,— и сопутствующего ему доклада Витте ... заключается в том, что эти два документа представляют собой ту основу, с помощью которой Витте надеялся остановить революцию и направить русское общество по пути современного общества»⁴⁴. Не признавая манифест конституционным актом, Мелинджер и Томпсон в то же время подчеркивают, что «он частично ограничил царя конституционными рамками и в значительной степени изменил русское самодержавие»⁴⁵. На протяжении всей работы авторы проводят давно известную по кадетской литературе и широко распространенную сейчас в буржуазной литературе концепцию о конституционном развитии русской жизни на манер западных государств (модернизации).

Касаясь оценки деятельности правительства Витте, Мелинджер и Томпсон пишут, что начиная с 17 октября правительство ставило перед собой одну цель — «выполнить свое обещание».

Чтобы направить общество по пути «правового развития», С. Ю. Витте попытался создать кабинет, «который смог руководить бы, имея за своими плечами поддержку общественности». И конечно, кабинет этот создавался «по западным образцам», но был «ответствен перед царем»⁴⁶. Далее авторы переходят к переговорам Витте с «земскими лидерами» о вхождении их в состав правительства. Но и здесь повторяется давно известный еще в дореволюционной литературе вывод о том, что «основным пунктом разногласий, касающихся образования кабинета, явилось расхождение по вопросу избрания министра внутренних дел». Из этого малозначительного факта авторы делают далеко идущие выводы о том, что «настояние Витте на кандидатуре Дурново было его первой и главной ошибкой как председателя Совета министров и

вызвало капитуляцию правительства, которому тем самым была нанесена смертельная рана»⁴⁷.

Констатировав то обстоятельство, что «кабинет Витте не достиг в своей основе того, к чему стремился», Мелинджер и Томпсон попытались проанализировать причины этого явления. На первый план при этом выдвигаются характерные для буржуазных идеологов причины — неумеренные требования социал-демократов и «радикально настроенных рабочих», которые не сумели «использовать данную им свободу. Призыв к спокойствию, раздавшийся со стороны правительства, услышан не был». Этим, по мнению английских историков, и объясняется то, что «правительство вынуждено было принять экстренные репрессивные меры, чтобы поддержать свою власть»⁴⁸. В таком ключе рассматриваются и карательные экспедиции царизма, и подавление вооруженного восстания в Москве. «Революционеры и радикально настроенные рабочие провели испытание силой в борьбе с правительством в декабре». На это «Витте вынужден был ответить серией вызовов, что привело к поражению и к роспуску правительства». В общем, вывод таков: правительство хотело идти по пути позитивных реформ, а революция помешала этому.

В число других главных причин краха реформ Мелинджер и Томпсон включают и «политическую незрелость либерального лагеря, отказавшегося поддержать Витте»⁴⁹.

Кроме того, указывается на отсутствие проправительственной партии, на которую мог бы опереться Витте, на нежелание Николая II и части министров вести такую политику, которая совпала бы с программой Витте⁵⁰. «В этой ситуации положение Витте не было безнадежно,— подчеркивают авторы,— он все еще хотел порядка и реформ. Но он разрывался между тем, что мог разрешить царь, и тем, чего требовали радикальные слои общества»⁵¹. При этом неизменно звучит тезис о том, что Витте не выступал защитником ни идеалов самодержавия, ни идеалов демократии.

Показательна трактовка английскими историками «достижений», которые были при Витте, и прежде всего характеристика Основных законов. «Основные законы,— уверяют авторы,— были конституцией. Их можно назвать так же уверенно, как и конституции в Нидерландах, Голландии и Пруссии... Они были высшим законом, правилами, по которым государство управлялось и на основе которых должны были формироваться все будущие законы». И хотя по сравнению с конституциями государств Западной Европы это был, «без всякого сомнения, реакционный документ, но он утверждал, что абсолютизм в России прекратился. Царь был обязан подчиняться законам, как и его подданные»⁵².

В заключение следует почти традиционный для современной буржуазной литературы вывод о том, что если бы не помешали названные причины, то построенная «конституционная система послужила бы отправным пунктом работы правительства и Думы,

что, хотя конституционная концепция Витте была ограничена... она стояла на страже прав как граждан страны, так и своего монарха и вовлекала руководителей общества в правительственную деятельность»⁵³.

Подробно изучая «историю трансформации всего общества России», Томпсон и Мелинджер не скрывают большой политической заостренности этой проблемы на сегодняшний день. Для них это важно как изучение первого опыта в современном мире «проблемы реформы сверху», проблемы мирной модернизации социально-экономических отношений.

Этим политическим и идеологическим задачам подчинена вся концепция буржуазных авторов. И это не случайно. На протяжении многих десятилетий, и особенно в последние годы, когда идеологическая борьба коммунизма и империализма резко обострилась, буржуазные историки всеми силами стремятся навязать борющимся, развивающимся странам Азии, Африки и Латинской Америки империалистические теории «модернизации» общественных отношений, опорочить революционный опыт российского пролетариата, навсегда покончившего с экономическим и социальным неравенством, очернить Октябрьскую революцию в России, открывшую новую эру в истории человечества. Об этом откровенно пишет Адамс: «Лидерам развивающихся наций, а также народам западных стран, пытающимся им помочь, очень полезно еще раз вдуматься в историческое развитие России после 1861 г., чтобы понять, как некоторые из самых дорогих ошибок, сделанных русскими, можно избежать сегодня и завтра»⁵⁴.

В советской историографии проблеме внутренней политики царизма в годы первой российской революции и после нее уделяется большое внимание начиная с 20-х годов и вплоть до наших дней. Предметом специального изучения явились такие вопросы, как рабочий, аграрный, образование и деятельность первой и второй Государственной думы и Государственного совета, взаимоотношения буржуазии и царизма в годы революции и после нее, а также отдельные стороны карательной политики царизма⁵⁵. В нашу задачу не входит дать историографию вопроса в целом⁵⁶.

Работ, непосредственно посвященных деятельности Совета министров в 1905—1907 гг., очень немного. К их числу можно отнести вышедшую в 40-е годы статью историка права К. Н. Мироненко, в которой был дан интересный анализ с правовой точки зрения указа 19 октября 1905 г. Автор справедливо связывала реформирование высшего исполнительного органа власти с ростом революции. И правильно, на наш взгляд, подчеркивалось, что реформа Совета министров не являлась реализацией буржуазных принципов разделения властей⁵⁷. Да и в целом выводы автора не страдают той однобокостью оценок, которая была присуща до-революционным юристам — сторонникам «конституционной» концепции государственного строя России после 17 октября 1905 г. К сожалению, это исследование не было продолжено далее.

В 50-60-х годах выходят в свет обобщающие работы по истории государства и права. В них имеются сведения по истории Совета министров, хотя и очень лаконичные⁵⁸.

Наиболее полно, насколько это позволяет сделать учебник, вопрос о высшем правительственном учреждении был поставлен Н. П. Ерошкиным в книге по истории государственных учреждений дореволюционной России». В небольшом очерке автор говорит о причинах и цели реформирования Совета министров, дает краткую характеристику председателей Совета министров и деятельности правительства с 1905—1907 гг.⁵⁹

Центральный Комитет КПСС, определяя основные направления научно-исследовательской работы Института истории СССР АН СССР, в числе актуальных проблем советской исторической науки назвал проблемы экономики, социальной структуры и политических институтов дореволюционной России⁶⁰.

Не случайно в 60-х и особенно в 70-х годах возрос интерес исследователей к истории политических институтов России периода трех революций как в правовом, так и в историческом плане. Предметом активного внимания становится деятельность законодательных учреждений. При этом ставился и изучался один из важнейших вопросов отечественной истории — о природе российского абсолютизма и его эволюции в ходе исторического развития страны. Для решения этой проблемы предстоит еще много сделать.

В последние годы снова наметился определенный интерес у историков права к проблеме самодержавия и его эволюции. Анализируя правовые акты, принятые царским правительством в годы революции, историки права Н. И. Васильева, А. И. Королев и Г. Б. Гальперин посвятили специальный параграф анализу указа 19 октября 1905 г.⁶¹ При этом обосновываются причины, побудившие царизм реформировать высший административный орган власти, и делается вывод о том, что «преобразование Совета не создало в России кабинета министров в конституционном смысле слова, а явилось лишь робким шагом в этом направлении»⁶². Аналогичная мысль проводится и в работе А. М. Давидовича, посвященной эволюции российского самодержавия в период империализма. Остановившись на оценке указа 19 октября 1905 г., автор делает вывод, что «российский Совет министров не являлся кабинетом в западноевропейском понимании»⁶³.

Таким образом, в названных работах в основном рассматривается указ 19 октября и анализируется юридический статус Совета министров. Деятельность Совета министров и его роль в системе политических институтов, созданных государственными преобразованиями 1905—1907 гг., не была предметом специального исследования. Однако отдельные стороны проводимой Советом министров политики, чаще — его председателями, затрагивались в связи с изучением проблем взаимоотношения самодержавия, буржуазии и дворянства и образования и деятельности первой и второй Государственной думы. При этом, естественно, на первом плане в

данных исследованиях находятся вопросы тактики столпов помещичьего дворянства, лидеров буржуазных партий по отношению к председателям Совета министров и некоторым членам правительства, в связи с чем эти исследования представляют интерес для автора данной работы. Так, в монографии С. М. Сидельникова «Образование и деятельность первой Государственной думы» всесторонне изучена история первой Государственной думы. В работе дается анализ причин и обстановки, вынудившей правящие классы прибегнуть к политике маневрирования и обещания, к сделке с крупной буржуазией, в связи с чем автор освещает вопрос о переговорах первого председателя Совета министров С. Ю. Витте с лидерами буржуазных партий, касаясь и процесса формирования «кабинета». Справедливо указав на то, что состав правительства С. Ю. Витте (либеральные, реакционные и узкобюрократические представители чиновничества) не обеспечивал единства действий министров, С. М. Сидельников дает краткую историю создания «объединенного министерства»⁶⁴. Отсутствие единства в объединенном министерстве, невозможность осуществления на практике даже тех принципов, которые узаконивались указом 19 октября, автор объясняет ориентацией председателя Совета министров на реакционные и старобюрократические элементы, двойственностью его характера, стремлением провести реформы государственного аппарата без ущерба для самодержавия. С этим нельзя не согласиться, однако причины нестыковки единства действия министров, даже при наличии объединяющего органа, сложнее и объективнее. Они в самой природе самодержавной (абсолютистской) государственности России, в сохранении и после реформ 1905—1906 гг. абсолютизма, хотя и в подновленном виде, а отсюда — в традиционности ряда феодальных институтов административного управления.

Касаясь отношений Думы и правительства, автор аргументированно показывает, почему правительство медлило с роспуском ненавистной Думы. Но при этом, к сожалению, не разграничиваются планы министра иностранных дел А. П. Извольского и министра внутренних дел П. А. Столыпина⁶⁵.

Истории высших органов государственной власти в период осуществления самодержавием второго шага по пути к буржуазной монархии посвящена работа А. Д. Степанского «Государственный совет в 1905—1907 гг. (Из истории второго шага)». На основе обширного круга источников и глубокого анализа архивных материалов автор подробно изучил роль и деятельность Государственного совета в годы революции, впервые поднял вопрос, касающийся всех исследований в области государственного аппарата России в период революции, перехода самодержавия к бонапартистскому политическому курсу уже в момент наивысшего подъема революции.

Для нас важно то, что А. Д. Степанский показал отношения различных групп Государственного совета к правительственным

законопроектам, а следовательно, отношение Государственного совета к тому или иному составу «кабинета».

А. Д. Степанский уделяет внимание переговорам о коалиционном министерстве, останавливаясь, в отличие от других исследователей, на всех трех центрах переговоров, в том числе и на переговорах членов Государственного совета и членов Совета министров⁶⁶.

Тактика контрреволюционной буржуазии и ее сговор с царизмом изучены в монографии Е. Д. Черменского. В ней анализируются взаимоотношения руководства первой и второй Государственной думы и председателей Совета министров, излагаются переговоры лидеров буржуазных партий с председателями Совета министров о распределении портфелей министров. Автор подробно останавливается на всех этапах этих переговоров, вскрывает причины краха попыток буржуазии сторговаться с царизмом, но основное внимание он уделяет позиции лидеров буржуазии, меньшее — намерениям правительства. Поэтому, видимо, встречается некоторая односторонность в оценках разных стадий переговоров. Что касается, например, переговоров П. А. Столыпина с лидерами октябристов и кадетов, то, на наш взгляд, этот этап существенно отличается от первого. Его нельзя рассматривать просто как возврат «к идее образования коалиционного кабинета с участием общественных деятелей» для того, чтобы обеспечить более благоприятный для правительства состав новой Думы⁶⁷.

Летом 1906 г. уже были иные, чем в ноябре — декабре 1905 г., условия. Изменились и планы правительства. Переговоры преследовали иные цели.

Попытка создания в России правительства с участием деятелей буржуазных партий, как один из вопросов взаимоотношения буржуазии и царизма, явилась предметом специального исследования в монографии В. И. Старцева⁶⁸.

В работе впервые шаг за шагом детально прослеживается ход переговоров царя, председателей Совета министров с лидерами буржуазных партий в октябре 1905 — июле 1906 г. и в июне 1915 — феврале 1917 г. При этом поставлен очень важный вопрос: «Была ли возможность для компромисса между правящей верхушкой и той или иной частью буржуазно-либерального лагеря, был ли шанс для „мирной передачи“ действительной законодательной и хотя бы части исполнительной власти в новые руки?» Автор правильно подчеркивает, что в ходе переговоров проявилось нежелание царского двора и бюрократии поступиться реальной властью, поскольку «царское правительство оставалось властью дворян, прежде всего дворян»⁶⁹.

Однако не все утверждения автора дают столь ясный ответ на поставленный вопрос. Так, порой чисто субъективно объясняются проблемы, имеющие глубокое социально-политическое значение. «Среди царского окружения было мало людей, — пишет автор, — которые руководствовались сознательной защитой классовых интересов, государственной мудростью, хотя бы и понятой в дво-

рянском смысле. Когда пристально вчитываешься в свидетельства очевидцев, в правительственные сообщения и речи государственных деятелей, убеждаешься, что действительными побуждениями защитников царской власти были эгоизм, честолюбие, страх за свою карьеру»⁷⁰.

В целом исследуемая в монографии проблема актуальна и давно требовала специального изучения.

Существенно продвинулось вперед изучение проблемы самодержавия во взаимоотношении с дворянством и буржуазией благодаря трудам Ю. Б. Соловьева и В. С. Дякина.

В монографии Ю. Б. Соловьева исследуется самодержавие во взаимодействии с его социальной опорой — дворянством в 1902—1907 гг. Автор показывает, что под ударами революции обе силы были вынуждены сделать известные шаги по пути обуржуазивания, но и самодержавие, и дворянство при этом сохранило свою прежнюю сущность. Ю. Б. Соловьев справедливо подчеркивает, что стремление отдельных государственных деятелей двинуть дальше процесс приспособления режима к новым условиям встретило сопротивление дворянства, неспособного порвать с прошлым⁷¹.

В монографии В. С. Дякина продолжается исследование проблем самодержавия и дворянства, но взаимодействуют не две, а три контрреволюционные силы — самодержавие, буржуазия, дворянство — в период третьеиюньской монархии. При этом автор выявляет процесс нарастания противоречий как внутри самого самодержавно-крепостнического лагеря, так и между двумя контрреволюционными лагерями. Столкновение бонапартистской политики Столыпина с легитимистскими течениями внутри правительственного лагеря автор считает одним из слагаемых общего социального и политического кризиса. В. С. Дякин делает вывод о том, что царизм «не снял вековых противоречий российской действительности» и политический кризис еще более углубился⁷².

Причины кризиса третьеиюньской монархии изучаются в диссертации М. Ф. Флоринского о Совете министров в 1907—1914 гг. Им рассматриваются такие вопросы, как характеристика состава Совета министров тех лет, организационное переустройство второго присутствия Совета — Малого Совета министров, отношения между Советом министров и «независимыми» ведомствами — иностранными дел и военными министерствами и взаимоотношения Совета министров и Государственной думы. Основное внимание в работах М. Ф. Флоринского уделяется вопросу о месте, которое занимало «объединенное правительство в системе третьеиюньской монархии. В итоге изучения поставленных вопросов М. Ф. Флоринский пришел к интересным выводам о том, что Совет министров оказался неспособным осуществлять руководство деятельностью бюрократического аппарата царизма в годы третьеиюньской монархии. Довольно ограниченными были и возможности «кабинета» выступать в роли буфера между Думой и царем⁷³.

Некоторые стороны карательной политики изучены в монографии Н. Н. Полянского и в диссертации А. В. Хохлова.

Монография Н. Н. Полянского посвящена истории военно-полевых судов. В ней упоминается о заседаниях Совета министров в связи с введением в стране военно-полевых судов. Автор приводит многочисленные документальные примеры о приговорах военно-полевых судов, показывает, что область применения их была значительно шире, чем трактовал закон, что еще раз говорит о проведении самодержавием традиционной репрессивной политики, направленной на физическую расправу с революцией⁷⁴.

Карательный аппарат царизма в революции 1905—1907 гг. исследовался А. В. Хохловым. На основе анализа преимущественно правового материала автор пришел к выводу о том, что «центральное место в государственной машине принадлежало карательному чиновничье-военному аппарату, с помощью которого царское самодержавие осуществляло кровавое подавление революции»⁷⁵.

Большое фактическое и теоретическое значение для исследуемой темы имеют работы советских ученых по истории отдельных проблем внутренней политики царского правительства, истории политических партий, становления гегемонии пролетариата в демократической революции, обобщающие труды по истории партии, истории первой русской революции, истории рабочего класса в СССР. Весьма ценно для нас изучение как общих, так и конкретных вопросов истории первой революции в трудах В. И. Бovyкина, В. Я. Лаверычева, Г. М. Деренковского, И. М. Пушкаревой, С. В. Тютюкина и других исследователей.

Очень широкое освещение получила аграрная политика царизма в период империализма. И это не случайно. «Аграрный вопрос,— писал В. И. Ленин,— составляет основу буржуазной революции в России...»⁷⁶

Советские историки-аграрники всесторонне изучают проблему капиталистического развития деревни. Опровергая теорию «декапитализации» сельского хозяйства, они доказали, что аграрная эволюция в России проходила в направлении капиталистического развития. С этих позиций исследовалась политика царизма по аграрному вопросу, оценивалась социально-экономическая сущность столыпинской аграрной реформы и рассматривались аграрные проекты политических партий. В то же время советские историки неизменно подчеркивают противоречивость правительственной политики, вскрывают причины, в силу которых она не могла принести результатов, ожидаемых реформаторами (см. труды С. П. Трапезникова, А. М. Анфимова, С. М. Дубровского, П. Н. Першина, С. М. Сидельникова, М. С. Симоновой, В. В. Шелохаева, Д. А. Колесниченко).

Долгое время изучение аграрной реформы искусственно отрывалось от последующих реформ местного управления. Этот пробел частично, но удачно восполнили исследования П. Н. Зырянова. Реформы местного управления он рассматривает как естественное

развитие и углубление принципов аграрной реформы. Автор убедительно доказывает, что власть и влияние на ход государственного управления черносотенного крупнопоместного дворянства привели к кризису, а затем и к краху политики третьей юнкерской монархии⁷⁷

Попытки приспособления царизма к новым историческим условиям посредством Государственной думы, новой аграрной политики, местной реформы освещались в советской исторической литературе. Изучение их внесло большой вклад в разработку проблемы трех политических лагерей, действовавших на арене политической борьбы. Однако правительственный лагерь и на сегодняшний день остается наименее изученным.

Подводя итог изучению вопроса о Совете министров, можно отметить, что имеется некоторая односторонность в изучении высших учреждений и институтов дореволюционной России. Исследуется, и очень активно, думская трибуна, а в последнее время и Государственный совет, но Совет министров как коллегиальный орган, где определялась и делалась реальная политика царизма, выпадает из поля зрения.

Поэтому в данной работе будет предпринята попытка выяснения места исполнительной власти — Совета министров — в системе реформированного государственного управления, изучении основных направлений политики правительственных «кабинетов» периода первой революции и самой лаборатории проводимых царизмом реформ в целях определения сути государственных преобразований 1905—1906 гг. и эволюционных возможностей самодержавия. Изучение механизма государственного управления и основных внутривластных аспектов сквозь призму деятельности Совета министров позволяет глубже рассмотреть главных ставленников революции — царское правительство и фактически стоящую над ним камарилью.

Вместе с тем в настоящей работе не ставится задача охарактеризовать все стороны деятельности Совета министров, включавшей в себя многочисленные текущие административные дела, а также внешние сношения, внешние займы и т. д., поскольку, несмотря на важность их, они или не являлись основным направлением политики Совета министров как коллегиального органа, или «кабинеты» принимали в их решении номинальное участие.

Роль и значение Совета министров в государственном управлении, история его деятельности в годы революции обусловили наличие широкой и разнообразной источниковой базы.

В связи с большой исследовательской работой по истории революции 1905—1907 гг. вышли в свет многие публикации документальных материалов из центральных архивов Москвы, Ленинграда и других городов.

Составители сборников документальных материалов ставили перед собой цель показать развитие революции, участие в ней рабочих и крестьян промышленных районов, национальных районов, зарождение и деятельность Советов. Одновременно в публи-

кациях воспроизведены и документы, характеризующие борьбу царизма с революцией, карательные методы расправы самодержавия с восставшим народом. Такие сборники, как «Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг.» (Л., 1936), «Революция 1905 года и самодержавие» (М., 1928), «Карательные экспедиции в Сибири» (М., 1932), вводят в оборот архивные документы фондов учреждений, в том числе и извлечения из документов фонда Совета министров, касающиеся организации карательных экспедиций, борьбы со стачечным и забастовочным движением, учреждения военно-полевых судов. В сборнике «Революция 1905 года и самодержавие» опубликована докладная записка С. Ю. Витте от 13 октября 1905 г., в которой декларативно излагалась программа намеченных им мероприятий по усмирению революции.

В 1924 г. Центрархивом был издан сборник «Аграрный вопрос в Совете министров в 1906 году». Эта публикация, представляет собой издание «Дела» фонда Совета министров по аграрному вопросу⁷⁸.

Среди изданий документальных материалов первое место занимает фундаментальная, многотомная публикация документов по истории первой революции, подготовленная Институтом истории СССР АН СССР совместно с центральными архивами к 50-летию первой российской революции. Эта юбилейная публикация — ценная источниковая база для исследования многих вопросов революции 1905—1907 гг. В отношении освещения деятельности правительственных учреждений наиболее полно представлены материалы, характеризующие карательную политику правительства⁷⁹.

Яркий материал о внутренней политике в годы революции содержат публикации «Красного архива»: «К истории борьбы самодержавия с аграрным движением в 1905—1906 гг.» («Красный архив», 1936, т. 5), «Прибалтийский край в 1905 году» (там же), «Записка Редигера о 1905 годе» («Красный архив», 1925, т. 11—12).

В 1925 г. в «Красном архиве» были опубликованы документы из архива С. Ю. Витте⁸⁰, которые вместе с публикацией «К истории манифеста 17 октября» раскрывают историю подписания манифеста и событий, развернувшихся в связи с «дарованной конституцией».

Карательная политика правительства выявлена в публикациях «Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины» и «Мобилизация реакции в 1906 году»⁸¹.

Документы, освещающие настроения правящих кругов, имеются в «Переписке Николая II и Марии Федоровны Романовых»⁸².

Привлечены также документы, опубликованные в журналах «Былое», «Красная летопись», «Голос минувшего». К ним относятся прежде всего стенограммы секретных петергофских и царскосельских совещаний.

Изучение вопроса о взаимоотношении Совета министров и Государственной думы проведено на фактическом мате-

риале стенографических отчетов Государственной думы первого и второго созывов и Государственного совета. Несмотря на широкий круг опубликованных источников, основное внимание было уделено нами изучению архивных материалов, которые еще мало были введены в научный оборот.

Реформа Совета министров, разработка основных направлений политики царизма, обсуждение в Совете министров законопроектов о государственных преобразованиях — эти сюжеты изучались на основании анализа архивных фондов Совета министров, канцелярии Совета министров, Особого совещания, образованного при Государственном совете, а также фонда особого делопроизводства по выборам в Государственную думу.

Заседания Совета министров и весь процесс разработки законопроекта фиксировались с 1906 г. в Особых журналах. На обсуждение Совета, как правило, выносились следующие документы: проект закона, разработанный каким-либо ведомством, комиссией или лицом; замечания министров письменные, заключение Совета, отражающее точки зрения членов Совета, исправленные согласно замечаниям варианты проекта и окончательный экземпляр Особого журнала, представляемый на утверждение царя. Большинство вопросов, обсуждаемых в Совете министров, рассматривались в нескольких заседаниях.

В публикациях документов по истории первой российской революции отражается лишь одна сторона вопроса — действие на местах царских сатрапов, донесения командующих карательными экспедициями и отрядами правительству о действиях войск, полиции и т. д. Другая сторона — разработка и проведение в жизнь карательных указов — получила очень незначительное освещение в публикуемых документах. Между тем в фонде Совета министров находится важнейший документальный материал, отражающий именно эту сторону вопроса. В Совете министров обсуждался проект правил о военно-полевых судах. Документы дела «О применении в местностях, где проявляются мятежные движения, военно-полевого суда» — яркая характеристика деятельности Совета министров двух составов⁸³. Особый журнал Совета от 17 августа 1906 г., циркуляры Совета министров, телеграммы председателя Совета Столыпина, переписка его с генерал-губернаторами, отложившиеся в деле, показывают, насколько широко царское правительство использовало машину скорострельной юстиции.

Не менее важный вопрос освещают и материалы фонда об отмене казней⁸⁴. Переписка военного министра и председателя Совета министров с военачальниками обличает злоупотребления местных властей, заменявших все статьи Уголовного кодекса чрезвычайным наказанием.

На протяжении всей деятельности трех составов правительства с октября 1905 г. и до третьекюньского государственного переворота Совет министров неустанно проводил в жизнь репрессивные меры. Были приняты такие указы, как «Усиление уго-

ловной ответственности за хранение снарядов», «О предании военно-полевому суду за убийство полицейских и должностных лиц», «Об участии в политических партиях, обществах и союзах», «О привлечении к ответственности лиц, обвиненных в антиправительственной пропаганде»⁸⁵. В Совете министров обсуждались и утверждались многочисленные дополнения и поправки, внесенные министрами внутренних дел, юстиции, расширяющие полномочия гражданских и военных властей, увеличивающие численность аппарата полиции и жандармерии в объятых революцией районах.

Материалы фонда Совета министров и канцелярии Совета проливают известный свет на истинные цели правительства, спешившего объявить о созыве первой Государственной думы, обнародовать избирательный закон и утвердить до созыва представительного учреждения Основные законы. Особый интерес представляют дела «О пересмотре Основных государственных законов», «Переписка председателя Совета министров с общественными деятелями» и т. д.

Подготовка и осуществление государственного переворота проводились с величайшей осторожностью на неофициальных заседаниях Совета министров с участием приближенных к царю лиц.

Поэтому в делах Совета не отложилось документации по вопросу разгона первой и второй Государственной думы. Исключение составляет лишь Особый журнал заседания Совета министров, происходившего 7 и 8 июня 1906 г., отражающий обсуждение в Совете министров вариантов плана расправы с первой Государственной думой⁸⁶.

Особый интерес представляют законопроекты, принятые в порядке чрезвычайно-указного законодательства (ст. 87 Основных законов). Среди них указы, положившие начало аграрной реформе, а также указы, касающиеся проведения карательной политики царизма.

Для более полного представления об особенностях положения Совета министров в системе государственного аппарата России, о взаимоотношениях членов царского правительства были исследованы личные фонды председателей Совета министров С. Ю. Витте, И. Л. Горемыкина, П. А. Столыпина, министров В. Н. Ковцова, И. Г. Щегловитова, А. В. Кривошеина, управляющего делами Совета министров бар. Э. Ю. Нольде. Проанализированы некоторые деловые письма, записки, телеграммы, черновые наброски докладов, извещения о повестке дня заседаний Совета министров⁸⁷. В фонде А. В. Кривошеина находится рукописная тетрадь записок государственного контролера П. Х. Шванебаха о подготовке третьешюньского переворота, опубликованная в журнале «Голос минувшего» за 1918 г.

Определенные сведения были получены при ознакомлении с материалами личных фондов Николая II, вел. кн. Николая Николаевича и дворцового коменданта Д. Ф. Трепова. Среди этой

группы архивных источников следует отметить «Дневники Николая Романова»⁸⁸.

История Совета министров, как и всех государственных учреждений, не может быть всесторонне изучена без привлечения мемуарной литературы. Последние 20 лет существования монархии в России получили освещение в воспоминаниях политических деятелей царского режима, лидеров крупнейших буржуазных партий. Трудность при работе над этим видом источников состоит в выяснении достоверности изложенных фактов, так как в силу своих классовых позиций царские сановники всемерно стремились обелить собственную деятельность.

Наиболее интересными нам представляются воспоминания первого председателя Совета министров гр. С. Ю. Витте⁸⁹. Он сообщает уникальные сведения о формировании правительства в 1905 г., о взаимоотношениях, деловых и личных качествах членов его кабинета. Мемуары Витте дают возможность яснее понять особенность русского «кабинета». В своих оценках политических событий С. Ю. Витте пытается объяснить и оправдать действия правительства ссылкой на вынужденный их характер, проговариваясь об истинных замыслах своего кабинета. Так, несмотря на затушевывание карательной стороны деятельности правительства, возглавляемого им, Витте не может скрыть своего враждебного отношения ко всем проявлениям революционного движения и не без гордости «конституционный премьер» пишет о принятых им «своевременных мерах» борьбы с революцией.

В воспоминаниях другого крупного царского сановника, министра финансов и с 1911 г. председателя Совета министров В. Н. Коковцова, как и в воспоминаниях Витте, приводятся неизвестные из документальных материалов факты о работе Совета министров. Однако мемуары В. Н. Коковцова с меньшей последовательностью излагают события тех дней. Бывший министр финансов предпочитал фактам область абстрактных рассуждений, собственных выводов. Более ценны для данной работы те разделы, где рассказывается о работе министерства Столыпина, членом которого Коковцов являлся.

Мемуары В. Н. Коковцова вкупе с воспоминаниями министра иностранных дел А. П. Извольского, государственного контролера П. Х. Шванебаха, товарища министра внутренних дел С. Е. Крыжановского и дневниками помощника военного министра А. А. Поливанова дали весьма ценные сведения о неофициальных заседаниях Совета министров, о взаимоотношениях Совета и законодательных органов, о попытках П. А. Столыпина создать работоспособный центр в Думе и Государственном совете, о переговорах членов правительства с лидерами буржуазных партий. Мемуары вышеназванных авторов — почти единственный источник, позволяющий проследить подготовку роспуска первой Государственной думы, разгон второй Думы и осуществление государственного переворота 3 июня 1907 г.⁹⁰

К другой группе источников этого характера относятся воспоминания участников секретных совещаний. Ценные сведения о настроениях участников частных заседаний гр. Д. М. Сольского в сентябре — октябре 1905 г. приводятся в дневнике А. А. Пловцева⁹¹.

Интересные факты воспроизведены в воспоминаниях Н. С. Таганцева — крупного юриста, непосредственного участника царско-сельских и петергофских секретных совещаний⁹².

К работе были привлечены неопубликованные воспоминания министра народного просвещения гр. И. И. Толстого, одного из представителей «либерального» чиновничества в Совете министров первого состава⁹³.

Некоторые разделы воспоминаний относятся к деятельности «кабинета» Витте. В воспоминаниях воспроизведен уникальный материал о порядке заседаний Совета министров, об отношении членов Совета между собой и с председателем Совета министров.

Остановимся еще на одной группе мемуаров. Речь идет о воспоминаниях лидеров буржуазных партий — октябриста Д. Н. Шишова, кадета П. Н. Милюкова и председателя второй Государственной думы кадета Ф. А. Головина⁹⁴.

Эта группа мемуаров использована в связи с тем, что авторы воспоминаний большое внимание уделяют переговорам о создании коалиционного министерства в 1905—1906 гг. Д. Н. Шишов подробно останавливается на ходе переговоров с С. Ю. Витте в октябре — ноябре 1905 г. и на переговорах с П. А. Столыпиным в августе 1906 г. При этом, помимо своего желания, автор вскрывает во всей неприглядности торг верхушки буржуазных партий, всей контрреволюционной буржуазии за министерские посты в царском правительстве⁹⁵.

Воспоминания лидера кадетской партии П. Н. Милюкова об этом периоде издавались дважды: в 1921 г. — в Париже и в 1953 г. — в Нью-Йорке⁹⁶. И в том и в другом варианте воспоминаний Милюков, подробно описывая закулисную игру кадетов с царизмом во время революции, непроизвольно указывает истинные причины провала сделки буржуазии и царизма.

В определенной степени в работе использованы материалы прессы.

Изученные в совокупности источники легли в основу документальной базы.

Примечания

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 27.

² См.: Там же, т. 13, с. 113, 159; т. 15, с. 103; т. 14, с. 106; т. 16, с. 16.

³ Там же, т. 12, с. 380.

⁴ См.: Там же, т. 13, с. 36; т. 12, с. 75.

⁵ Там же, т. 13, с. 224.

⁶ См.: Там же, т. 12, с. 52—53; т. 13, с. 120.

⁷ См.: Там же, т. 12, с. 175, 201

⁸ См.: Там же, т. 13, с. 206—207; 208—210; 215—217.

⁹ См.: Там же, т. 17, с. 273

¹⁰ См.: Там же, т. 20, с. 140.

¹¹ См.: Лазаревский Н. И. Народное представительство и его место в

- системе других государственных установлений.— В кн.: Конституционное государство. СПб., 1905; *Он же*. Русское государственное право. 3-е изд. СПб., 1913. Т. 1; *Котляревский С. А.* Конституционное государство. СПб., 1907; *Гессен В. М.* О правовом государстве. СПб., 1907; *Он же*. Теория конституционного государства. СПб., 1914; *Он же*. Основы конституционного права. Пг., 1917; *Елистратов А. И.* Основные начала административного права. М., 1917; *Алексеев А. А.* Министерская власть в конституционном государстве. Харьков, 1910; *Соколов К. К.* Манифест 17 октября и право запросов.— Юрид. вестн., 1914, № 5; *Нечаев В.* Манифест 17 октября и форма правления в России.— Полярная звезда, 1910, № 4/5; *Палиенко К. И.* Основные законы и форма правления в России. Харьков, 1910; *Болдырь А. И.* Ответственность министров и ответственное министерство.— Русская мысль, 1915, кн. 9; и др.
- ¹² См.: *Гессен В. М.* Основы конституционного права, с. 414; *Он же*. Русское государственное право. СПб., 1909, с. 348.
- ¹³ См.: Там же.
- ¹⁴ См.: Там же.
- ¹⁵ См.: *Болдырь А. И.* Указ. соч., с. 229; *Соколов К. Н.* Указ. соч., с. 89.
- ¹⁶ См.: *Алексеев А. А.* Министерская власть в конституционном государстве, с. 385.
- ¹⁷ См.: *Нольде Б. Э.* Очерки истории русского государственного права. СПб., 1911, с. 87.
- ¹⁸ См.: Там же.
- ¹⁹ См.: Там же, с. 155.
- ²⁰ См.: Там же,
- ²¹ См.: *Обнинский В. П.* Новый строй. М., 1913, ч. 1, с. 11, 43.
- ²² См.: Там же, с. 43.
- ²³ См.: Там же, с. 133; Там же. М., 1909, ч. 2, с. 230.
- ²⁴ См.: *Spector J.* The first Russian revolution Jts. Impact on Asia. Englewood Cliffs. N. J., 1962; *Shawars The Russian Revolution of 1905.* Chicago; *Wolkin J.* The Rise of Democracy in pre-Revolution Russia Political and Social Institutions under the last three cars. London, 1963; *Mehlinger H., Thompson J.* Count Witte and the Tzarist Government in the 1905 Revolution. L., 1972.
- ²⁵ См.: *Зырянов П. Н., Шелохаев В. В.* Первая русская революция в американской и английской историографии. М., 1976, с. 5.
- ²⁶ См.: *Игрицкий Ю. И., Романовский Н. В.* Критика буржуазной историографии трех революций в России. М., 1975; *Зырянов П. Н.* Современная англо-американская историография столыпинской аграрной реформы.— История СССР, 1973, № 6; *Зырянов П. Н., Шелохаев В. В.* Указ. соч.; *Думова Н. Г.* История российских буржуазных партий в новейшей англо-американской историографии.— История СССР, 1977, № 6.
- ²⁷ *Adams A.* Imperial Russian after 1861 Peaceful modernization of Revolution. Boston, 1965.
- ²⁸ *Ibid.*, p. 111.
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ См.: *Walkin J.* Op. cit., p. 33—39.
- ³² См.: *Ibid.*, p. 39—40.
- ³³ См.: *Ibid.*, p. 43.
- ³⁴ См.: *Ibid.*, p. 211.
- ³⁵ См.: *Hosking K.* The Russia constitutional Experiment **Q**overnment and Duma 1907—1914. Cambridge, 1973, p. 73.
- ³⁶ *Riza.* Op. cit., p. 84.
- ³⁷ *Ibid.*, p. 91.
- ³⁸ *Ibid.*, p. 96.
- ³⁹ *Janey G.* Some aspects of the Imperial Russia government on the over of the First World War. London, 1964; Op. cit., p. 15.
- ⁴⁰ См.: *Conroy M.* Stolypin's Atitude toward Local self government. Cambridge, 1968.
- ⁴¹ *Ibid.*, p. 5.
- ⁴² Подробно об этом см.: *Зырянов П. Н.* Современная англо-американская историография столыпинской аграрной реформы.
- ⁴³ См.: *Mehling H., Thompson J.* Op. cit., p. 16.
- ⁴⁴ *Ibid.*, p. 29, 46.
- ⁴⁵ *Ibid.*, p. 75.
- ⁴⁶ *Ibid.*, p. 78—81.
- ⁴⁷ *Ibid.*, p. 81.
- ⁴⁸ *Ibid.*, p. 132, 105, 106, 58.
- ⁴⁹ *Ibid.*, p. 93.
- ⁵⁰ *Ibid.*, p. 103.
- ⁵¹ *Ibid.*, p. 16.
- ⁵² *Ibid.*, p. 16.
- ⁵³ *Ibid.*, p. 316, 324, 329.
- ⁵⁴ *Adams A.* Op. cit., p. 18.

- ⁵⁵ См.: *Покровский М. И.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932, с. 356; *Панкратова А. М.* Первая русская революция 1905—1907 гг. М., 1940; *Бовыкин В. И.* Революция 1905—1907 гг. М., 1965; *Демочкин Н. Н., Ерман Л. К., Черменский Е. Д.* Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1965; *Пяскоцкий А. В.* Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1965; *Полянский Н. Н.* Царские военные суды в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1958; *Гернет М. М.* История царской тюрьмы. М., 1954. Т. 4; *Гуковский А. И.* Первая буржуазно-демократическая революция в 1905—1907 гг. Вологда, 1957; *Пушкарева И. М.* Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975; *Лаврычев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России, 1861—1917. М., 1972; *Он же.* По ту сторону баррикад. М., 1967; *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: В 2-х т. М., 1974; *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. М., 1966. Кн. 1; *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. М., 1963; *Симонова М. С.* Аграрная политика самодержавия в 1905 г.— В кн.: Исторические записки. М., 1963. Т. 81; *Василевский Е. Г.* Идеиная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. М., 1960; *Деренковский Г. М., Тютюкин С. В.* Рабочий класс в революции 1905—1907 гг.— В кн.: Исторические записки. М., 1973. Т. 95; *Шелозаев В. В.* Аграрная программа кадетов в первой русской революции.— Там же. М., 1970. Т. 86; *Колесниченко Д. А.* Аграрные проекты трудovieв в первой Государственной думе.— Там же, 1969. Т. 82; Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции. М., 1975; *В. И. Ленин* о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970; *В. И. Ленин* и история классов и политических партий в России. М., 1970; *Зырянов П. Н.* Третья Дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления.— История СССР, 1969, № 6; *Шаццлло К. Ф.* Первый день «свободы» в Петербурге.— В кн.: Археологический ежегодник за 1975 год. М., 1977; *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967; *Аврех А. Я.* Царизм и третьюеиюнская система. М., 1966; и др.
- ⁵⁶ Об итогах изучения первой революции см.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. История рабочего класса в СССР. Рабочий класс в первой российской революции. М., 1981, с. 1—26; Основные итоги изучения первой русской революции за последние двадцать лет.— История СССР, 1975, № 5; *Степанский А. Д.* Советская историография внутренней политики царизма в 1905—1907 гг.— В кн.: Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978.
- ⁵⁷ См.: *Мироненко К. Н.* Совет министров по указу 19 октября 1905 года.— Учен. зап. ЛГУ, 1948, вып. 1.
- ⁵⁸ См.: *Юшков С. В.* История государства и права в СССР. 4-е изд. М., 1961. Ч. 1; *Софроненко К.* История советского государства и права в СССР. М., 1961, ч. 1, с. 589.
- ⁵⁹ См.: *Ерошкин Н. П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960.
- ⁶⁰ Вопр. истории, 1969, № 1, с. 4.
- ⁶¹ См.: *Васильева Н. И., Гальперин Г. Б., Королев А. П.* Первая Российская революция и самодержавие. Л., 1975.
- ⁶² См.: Там же, с. 128.
- ⁶³ См.: *Давидович А. М.* Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975, с. 251.
См.: *Сидельников С. М.* Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962, с. 51.
- ⁶⁵ Там же, с. 344.
- ⁶⁶ См.: *Степанский А. Д.* Государственный совет в период революции 1905—1907 гг. (Из истории второго шага): Канд. дис. М., 1965.
- ⁶⁷ См.: *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970, с. 323.
- ⁶⁸ См.: *Старцев В. П.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1907 гг.: (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977.

- ⁶⁹ См.: Там же, с. 20, 265.
- ⁷⁰ См.: Там же, с. 86—87.
- ⁷¹ См.: *Соловьев Ю. В.* Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981.
- ⁷² См.: *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978, с. 3—7, 238.
- ⁷³ См.: *Флоринский М. Ф.* Совет министров и министерство иностранных дел в 1907—1914 гг.—Вестн. ЛГУ. Сер. ист. яз., лит., 1977, № 2. Вып. 1; *Он же.* Совет министров России в 1905—1914 гг. Канд. дис. Л., 1978.
- ⁷⁴ См.: *Полянский Н. Н.* Указ. соч.
- ⁷⁵ См.: *Хохлов А. В.* Карательный аппарат царизма в борьбе с революцией 1905—1907 гг.: Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 3.
- ⁷⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 403.
- ⁷⁷ *Зырянов П. Н.* Третья Дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления.—История СССР, 1969, с. 45—62.
- ⁷⁸ См.: Каторга и ссылка, 1926, № 6, с. 261.
- ⁷⁹ См.: Революция 1905—1907 гг.: Док. и материалы. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 1. М., 1955; Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 1—4. М., 1955; Второй период революции 1906—1907 гг. Ч. 1, 2. М., 1963.
- ⁸⁰ См.: Красный архив, 1925, т. 11—12; 1928, т. 4.
- ⁸¹ См.: Там же, 1929, т. 3; 1939, т. 9.
- ⁸² См.: Там же, 1924, т. 3.
- ⁸³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 92, 94.
- ⁸⁴ Там же, д. 81, 92, 98.
Там же, д. 93, 94, 89, 98; оп. 17 д. 55; оп. 20 д. 2, 3, 5, 6 и т. д.
- ⁸⁶ Там же, оп. 1, д. 96.
- ⁸⁷ ЦГИА СССР, ф. 1622, 1626, 1675.
- ⁸⁸ ЦГАОР СССР, ф. 601, 595.
- ⁸⁹ См.: *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2, 3.
- ⁹⁰ См.: *Кокорцов В. И.* Из моего прошлого: Воспоминания. Париж, 1923. Т. 1; *Извольский А. П.* Воспоминания. Пг.; М., 1924; *Крыжатовский С. Е.* Воспоминания. Берлин, Б. г.; *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний. М., 1924.
- ⁹¹ См.: *Половцев А. А.* Дневник.—Красный архив, 1923, т. 4.
- ⁹² См.: *Таганцев Н. С.* Пережитое. Пг.; М., 1924.
- ⁹³ РОГБЛ ф. 218, картон. 1290, д. 5.
- ⁹⁴ См.: *Головин Ф. А.* Воспоминания о II Государственной думе.—Истор. арх., 1959, № 4.
- ⁹⁵ См.: *Шилов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.
- ⁹⁶ См.: *Миллюков П. Н.* Три попытки. Париж, 1921; *Он же.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. Т. 1.

Глава первая

РЕФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ В 1905 г.

Проблема создания высшего исполнительного органа, призванного координировать деятельность министерств и ведомств, начиная со второй половины XIX в. была предметом многочисленных проектов и планов государственных деятелей. Усложнение задач и функций государственного управления, обусловленное развитием капитализма и кризисом крепостнической системы, вынуждало совершенствовать систему государственного аппарата. Особенно остро этот вопрос встал во время революционной ситуации 1858—1861 гг., когда государственное управление потребовало значительной активизации сил и единства действий высших звеньев государственного аппарата, всей правительственной верхушки. Существовавший с 1802 г. Комитет министров окончательно утратил к середине XIX в. значение коллегии, объединяющей высшие административные учреждения. Громоздкий состав, обширный и неопределенный круг заятий комитета, обсуждение важнейших вопросов государственной жизни страны в специально созданных совещательных секретных учреждениях, формальные функции председателя комитета, лишённого права влиять на министров, — все это не могло способствовать превращению Комитета министров в «правительственный кабинет».

Не случайно в конце 50-х годов XIX в. появляется идея «объединения деятельности министерств и ведомств». Но в середине века она уже трансформируется в идею создания правительственного «кабинета» для коллегиального обсуждения важнейших вопросов государственной жизни¹.

После отмены крепостного права развитие капитализма в России шло более быстрыми темпами. В несколько десятилетий произошли такие социально-экономические изменения, на которые в странах Западной Европы потребовались столетия². На рубеже XIX—XX вв. капитализм в России перерос в свою высшую стадию. Основные черты его развития в странах Западной Европы и в России, «несмотря на громадные особенности последней как в экономическом, так и во внеэкономическом отношении», оказались тождественными³.

Подчеркивая эту общность, В. И. Ленин глубоко проанализировал и специфические черты российского капитализма, показал, что новейший капитализм в России соседствовал с остатками феодально-крепостнических отношений, опутывавшими весь социально-экономический строй страны. В начале XX в. в капиталистической России сохранялась старая политическая надстройка — абсолютная монархия с дворянско-крепостническим бюро-

кратическим аппаратом, в 60—70-е годы XIX в. сделавшая первый робкий шаг в сторону буржуазной монархии⁴.

Революционная ситуация на рубеже 50—60-х годов потребовала от царского правительства координации его деятельности. Оно осуществлялось в двух направлениях. Во-первых: началось медленное и вынужденное приспособление к развивающимся капиталистическим отношениям и, во-вторых, укрепление всей государственной машины управления в целях сдерживания и подавления революционных движений в стране. Существовавшая система правительственного управления не в силах была справиться с поставленными задачами. Назрела потребность в стабильном, действующем длительное время коллегиальном учреждении совещательного характера, где бы обсуждались и разрабатывались основные политические мероприятия. Поэтому в системе государственных органов официально с 1861 г. (фактически с 1859 г.) появилось новое учреждение совещательного характера — Совет министров, возглавляемый царем. Правительственное управление координировалось с этого времени не только «всеподданнейшими докладами» министров, но и вновь созданным учреждением. В этом учреждении обсуждалось большинство буржуазных реформ 60-х годов XIX в., принимались меры, направленные на укрепление самодержавно-бюрократического государственного аппарата. Именно на этот период деятельности Совета министров приходится большинство его заседаний.

С проведением в жизнь буржуазных реформ и особенно с переходом царизма от политики реформ к политике реакции отпала надобность в высшей совещательной коллегии, и Совет министров фактически прекратил свое существование. Идея координации правительственной власти с помощью коллегиального органа оказалась в середине XIX в. неразрешимой.

Преобразования 60—70-х годов не затронули основ государственности России. Изменения касались в основном социально-экономических отношений, процесс эволюции надстройки протекал в этот период крайне медленно. Вся полнота законодательной и исполнительной власти оставалась в руках императора. Он же был высшей инстанцией, координирующей исполнительное управление путем личных докладов министров.

Политические мероприятия намечались и претворялись в жизнь системой министерств и высших государственных учреждений, сложившейся еще в начале XIX в. Это был громоздкий, мало-подвижный аппарат, неприспособленный к управлению страной, особенно в условиях капиталистического развития. Решение важнейших вопросов государственной жизни страны сосредоточивалось в особых, специально созданных совещаниях.

Первые четыре года XX в., ознаменовавшиеся решительными классовыми боями пролетариата и нарастанием активности широких народных масс, со всей определенностью выявили отсталость и неприспособленность всего государственного механизма

царской России к условиям капиталистического развития. Не пригодность самодержавной государственной машины ярко проявилась во время русско-японской войны, когда не только отдельные звенья государственного аппарата, но и вся надстроечная система в целом оказалась в состоянии глубокого кризиса. Война раскрыла внутреннюю гнилость, показала агонию старой России, оставшейся в крепостной зависимости у полицейского правительства⁵. Война вызвала дальнейшее углубление общего кризиса и кризиса верхов.

Обострение противоречий, присущих капиталистическому обществу, усугублялось в России феодально-крепостническими пережитками, пронизывающими все сферы социально-экономической жизни страны. «Россия стала узловым пунктом противоречий всей системы империализма, ее наиболее слабым звеном»⁶. Ей были присущи все типичные социально-экономические противоречия тогдашнего мира: между трудом и капиталом, между развивающимся капитализмом и значительными феодально-крепостническими пережитками, между высокоразвитыми промышленными районами и отсталыми окраинами. Особую остроту этим противоречиям придавала система политического национального гнета царского самодержавия⁷.

Обострившаяся в начале XX в. классовая борьба, в которой пролетариат выступил самостоятельной политической силой и вождем трудящихся масс, вылилась в первую народную революцию эпохи империализма. Российский пролетариат начал первый штурм самодержавия. В новых условиях самодержавию необходим был правительственный аппарат, способный усмирить революцию. Рост революционных выступлений народных масс, следовавших после 9 января, показал, что вопрос о государственных преобразованиях из области абстрактных рассуждений должен превратиться для царских государственных деятелей в задачу первостепенной важности.

Через неделю после событий 9 января в Царском Селе говорили о немедленном создании «настоящего правительства», которое могло бы взять на себя задачу усмирения революции⁸. А еще через 16 дней пришлось думать и о необходимости обеспечить достаточно гибкую административную систему, т. е. встал вопрос о связи «министерства» и представительных учреждений после опубликования указа 18 февраля и рескрипта на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина. Разработать проект преобразований высшей исполнительной власти царь поручил Особому совещанию 17 января под председательством С. Ю. Витте.

Одновременно была возобновлена деятельность прежнего Совета министров под председательством Николая II (фактически председательствовал назначенный царем гр. Д. М. Сольский). В Совете министров обсуждались все вопросы, касавшиеся государственных преобразований, вызванных революцией. С января по октябрь 1905 г. Совет министров, судя по извещениям о дне

заседаний, собирался восемь раз, а именно 3, 11, 18 февраля, 19, 21, 23, 25 и 27 июля. Кроме актов 18 февраля и булыгинской «конституции», на этих заседаниях был разработан манифест «О нестроениях и смутах». Указом 18 февраля 1905 г. на Совет министров было возложено «рассмотрение и обсуждение поступающих от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства». Июльские заседания происходили совместно с участниками специального совещания, обсуждавшего «учреждение» законосовещательной Думы. Несмотря на то что в Совете министров коллективно обсуждались основные политические вопросы, это совещательное учреждение, не имеющее стабильного состава и юридически закрепленной должности председателя, не могло возглавить центральную исполнительную власть. Одним из признаков кризиса высшего управления в этот период было обилие в государственном аппарате звеньев, облеченных полномочиями совещательных и координационных инстанций: Комитет министров, Совет министров, многочисленные особые совещания и совещания. Это еще более усугубляло нестабильность высшего административного управления. Поэтому в Особом совещании и встал первоочередный вопрос о реорганизации высших исполнительных учреждений. Особое совещание 17 января попыталось превратить уже существовавшие учреждения в постоянно действующие органы правительственной власти. «Соображения об объединении в Совете министров высшего государственного управления», подготовленные по поручению совещания канцелярией Комитета министров и Государственной канцелярией, обсуждались в Особом совещании в феврале—апреле 1905 г. Это был первый этап преобразования высшего исполнительного органа.

Весь процесс проектирования указанного учреждения тесно связан с развитием революции, с теми задачами, которые пришлось царизму решать в ходе революции⁹. Уже для первого этапа было характерно то, что обсуждение вопроса об объединении действий высшей администрации велось по линии создания постоянно действующего учреждения. Однако показательно, что зимой 1905 г. намечалось лишь юридическое обновление прежнего Совета министров посредством устранения некоторой «непригодности к жизненным условиям» прежнего Совета и конкретизации компетенции Совета. На его рассмотрение должны были вноситься все важнейшие вопросы государственной жизни: законопроекты, законодательные меры, административные распоряжения, имеющие общегосударственное значение.

Только после предварительного обсуждения в Совете министров законопроект представлялся Государственному совету¹⁰. Министры обязаны были вносить в Совет министров «виды и предположения к устройству и усовершенствованию вверенных им частей общегосударственного значения и все дела, к высшему государственному управлению относящиеся».

Уже на первом этапе, хотя и очень робко, но ставился вопрос об институте «всеподданнейших докладов». Несмотря на то что сохранение этого института не соответствовало основной задаче реформы, самодержавие не собиралось с ним расставаться по причинам, о которых речь пойдет далее. Но в Особом совещании высказывалась мысль о коллективном обсуждении министрами «всеподданнейших докладов». Совет министров фактически не получил права контролировать деятельность министерств и ведомств. Мало что вносила в бесконтрольную систему отчетности министров, закрепленную системой «всеподданнейших докладов», и статья проекта, предусматривавшая отчеты глав ведомств в Совете министров, поскольку таковые вносились на заседания Совета только по требованию царя¹¹.

Насколько робкими были на первом этапе попытки обновления системы высшего исполнительного органа, свидетельствует тот факт, что за Советом министров сохранялся характер совещательной коллегии при императоре. Во главе Совета, как и прежде, стоял царь, поручавший только в случае своего отсутствия председательствовать одному из членов Совета. Даже состав «нового» правительственного учреждения, как и раньше, не был стабильным.

Поскольку Совет министров преобразовался в постоянно действующее учреждение с законосовещательными и частично административными функциями, авторы проекта, дабы избежать процесса рассмотрения дел в Совете, спроектировали и своеобразный рабочий орган при Совете министров — совещание для обсуждения мер, вызываемых неотложными текущими делами¹². Одновременно это была одна из попыток сосредоточить решение «неотложных вопросов» в структурных подразделениях Совета министров.

Однако и эти полумеры вызвали недовольство большинства членов Особого совещания. Особенно в критике проекта усердствовали обер-прокурор Св. Синода К. П. Победопосцев и министр финансов В. Н. Коковцов. Они настаивали на том, чтобы «оставить Комитет министров при его функциях» и оживить рядом с ним Совет в качестве постоянного учреждения¹³. Представленная министром финансов записка «Об объединении деятельности министров» вплоть до закрытия Особого совещания в апреле 1905 г. становится основным документом, обсуждаемым членами совещания.

Идея записки заключалась в том, чтобы ограничиться лишь незначительными усовершенствованиями существовавших ранее высших административных учреждений в плане усиления их координирующих и контрольных функций. Высшие чиновничьи сферы зимой—весной 1905 г. старались избегать даже постановки вопроса о серьезном реформировании правительственных учреждений. Одно упоминание о Совете министров во главе с первым министром рассматривалось участниками совещания как

посягательство на ответственность министров перед императором, как ограничение самостоятельности министров. Задачу объединения министерского управления министр финансов предлагал решить с помощью Комитета министров (основное учреждение), Совета министров и правительствующего Сената. Последний, наряду с функцией контроля и надзора за выполняемым министерскими своих обязанностями, получил право принимать отчеты начальников ведомств¹⁴. Это была еще одна попытка без серьезных изменений, легким подновлением приспособить существовавшие учреждения к новым задачам государственного управления. Несмотря на кризис государственного аппарата, царская бюрократия за полгода до октябрьских событий 1905 г. более всего опасалась чем-либо поколебать или нарушить систему государственного управления.

Проект объединения министров и замечания членов Особого совещания должны были окончательно рассматриваться 26 апреля. Но 16 апреля Николай II дал указание прекратить работу Особого совещания¹⁵, поскольку царская верхушка вообще не спешила «с преобразованиями» государственного строя.

Вопрос об объединении министерского управления остался открытым. Итогом работы Особого совещания можно считать проект В. Н. Коковцова, поскольку большинство участников совещания согласилось признать его за основу с тем, чтобы «привести деятельность Комитета министров в соответствие с выяснившейся потребностью большего единства ведомств в текущих делах управления»¹⁶

Нарастание революции побудило самодержавие вновь поставить вопрос о реформе государственного управления. Следующий, августовско—октябрьский период его решения существенно отличался от предыдущего, поскольку задачу объединения министерского управления пришлось теснее увязывать с проектированием представительных учреждений.

Рассмотрение проекта об объединении центральной администрации было продолжено в открытом 6 августа под председательством гр. Д. М. Сольского Особом совещании для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной думе правил. Обсуждение проводилось в так называемых домашних совещаниях гр. Д. М. Сольского. В них участвовали В. Н. Коковцов, С. С. Манухин, Ю. А. Иксуль, И. Я. Голубев, Э. В. Фриш, Н. С. Таганцев, А. А. Сабуров, А. А. Будберг, П. А. Харитонов, А. А. Половцев, О. Б. Рихтер, Н. Н. Герард, А. П. Игнатьев II, А. С. Стишинский, В. В. Верховский, А. Д. Оболенский и ген. Д. Ф. Трепов.

С 1 сентября в работе Совещания принимал участие председатель Комитета министров С. Ю. Витте, вернувшийся из Америки после заключения Портсмутского мира. Постепенно круг лиц, привлеченных к обсуждению проектов объединения министерского управления значительно расширился. В совещании

участвовали все министры, вел. князя, особо доверенные лица, что свидетельствует о пристальном внимании самодержавной власти к «правительственной проблеме».

В основу работы совещания под председательством гр. Д. М. Сольского легла анонимная записка, переданная Сольскому Николаем II. По мере роста революции и сам царь начал признавать необходимость подновления системы государственного управления. На первом листке текста анонимной записки была его помета: «Очень много правильного и полезного».

По сравнению с прежними проектами в записке намечались осторожные, но более последовательные шаги в направлении замещения форм правительственного кабинета по европейскому образцу, прослеживалась связь высшего административного учреждения с представительными учреждениями. Совет министров проектировался как единственное (предполагалось упразднение Комитета министров), постоянное, высшее исполнительное учреждение. Высказывалась мысль о ликвидации института «всеподданнейших докладов», ибо «в них, собственно, и лежит источник всей розни и разногласия министерского управления», — признавал автор¹⁷. По-новому ставился вопрос о главе Совета министров. Председателю Совета отводилась роль руководителя внутренней политики государства. Таким образом, в систему высшего административного управления вводилось учреждение со старым названием, но неизвестное ранее самодержавному механизму управления.

На основании изученной в совещании гр. Д. М. Сольского записки на проходивших 21, 23 и 26 сентября 1905 г. заседаниях был разработан Государственной канцелярией новый предварительный проект реформы Совета министров. Цель реформы, как и в прежних проектах, определялась необходимостью «установить единый образ действий главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления». В отличие от проекта, представленного в Совещании 17 января, в новом проекте начальникам ведомств запрещалось, минуя Совет министров, принимать какие-либо меры, касающиеся общегосударственного управления, и без разрешения Совета входить в сношения с представительными учреждениями. Членами Совета министров являлись все «министры и главноуправляющие отдельными частями, принадлежащими к общему министерскому устройству».

Во главе Совета министров проектировалось поставить председателя. Глава Совета обязан был представлять царю кандидатов на министерские посты, входил к императору со «всеподданнейшими докладами», от него зависело определение порядка представления «всеподданнейших докладов» по делам всех ведомств за исключением министерства иностранных дел, императорского двора и военных министерств. Следовательно, в проекте делалась попытка как-то ограничить самостоятельность ми-

нистров в вопросе «всеподданнейших докладов», но об упразднении их речи уже не шло.

Намечалось упразднение Комитета министров с передачей дел, входивших в его компетенцию, в Совет министров. Временно существовавший Комитет должен был возглавить председатель Совета министров.

Проект редактировался Д. М. Сольским. Замечания его дополняли наиболее важные статьи. Так, Д. М. Сольский внес дополнение к статье о председателе Совета, уточнив, что он назначается императором не из числа начальников ведомств или министров. Сольский включил специальную статью, предусматривавшую в особых случаях председательствование в Совете царя и приглашение в Совет лиц, не являвшихся членами Совета. Замечания Д. М. Сольского относительно статьи, регламентирующей порядок представления «всеподданнейших докладов», шли вразрез с мнением, высказанным в анонимной записке. Пункт 2 новой редакции давал министрам право входить со «всеподданнейшими докладами к царю по предметам, кои не имеют общего значения и не касаются других ведомств»¹⁸.

Проект, отредактированный в соответствии с замечаниями гр. Сольского, 28 сентября обсуждался на очередном заседании*. Мнения участников совещания резко разделились. Спор разгорелся вокруг основного вопроса о роли и полномочиях председателя Совета министров. Права председателя настойчиво отстаивал С. Ю. Витте, который более других был сторонником диктаторских полномочий председателя в Совете министров. Его замечания о том, что министры, несогласные с мнением председателя, не должны сохранять своих постов, шли далее самых смелых проектов¹⁹. Против выступал В. Н. Кокцов, подчеркивая, что наделение председателя широкими полномочиями — вредное подражание иностранным государствам и что такая мера только умалит значение императорской власти. Его точку зрения разделяли наиболее консервативные участники совещания (А. А. Будберг, А. П. Игнатьев II, А. С. Стишинский), видевшие угрозу царской власти и в самой реформе Совета министров, и тем более в правах председателя Совета²⁰. Вопрос о юридическом закреплении статуса главы Совета министров в лице его председателя не случайно вызвал острые разногласия и споры. Этот неизвестный дотоле самодержавному управлению институт рассматривался самими реформаторами как посягательство на прерогативы самодержавной монархии. Поэтому участники совещания всячески стремились ограничить роль председателя и свести ее до уровня главы Комитета министров, миссия которого сводилась к председательствованию в Комитете и представлению

* В дневнике А. А. Половцева ошибочно указано 29 сентября. См.: *Половцев А. А. Дневник.* — Красный архив, 1923, т. 4, с. 75.

царю совокупного доклада. Разногласия членов совещания проявились и на последнем этапе его работы.

Судьба проекта об объединении деятельности министерств и ведомств окончательно решалась в октябре. Назревала Всероссийская политическая стачка. Кризис государственного аппарата усилился. Сановники начали торопиться. Заседания следовали одно за другим — 3, 4, 5, 12 октября.

4 октября С. Ю. Витте поднял еще один острый вопрос — о «всеподданнейших докладах». От его решения во многом зависела судьба самой реформы Совета министров: будет создано «объединенное правительство» или нет. С. Ю. Витте это прекрасно понимал.

Обсуждение порядка представления «всеподданнейших докладов» распалило страсти настолько, что проекты реорганизации исполнительных учреждений стали сыпаться, как из рога изобилия. Для всех этих проектов были характерны прямые нападки на статьи о правах председателя Совета министров и о его роли во «всеподданнейших докладах». Они не вносили ничего принципиально нового по сравнению с проектом совещания. Но на проекте гр. А. П. Игнатьева II и А. С. Стишинского надо остановиться особо, поскольку мнение этих реакционнейших представителей сановной бюрократии отразилось на окончательной редакции указа о реформе Совета министров.

Стишинский и Игнатьев возражали против самой реформы Совета министров, особенно в связи с предоставлением преимущественных прав председателю, усматривая в полномочиях главы Совета министров ослабление незыблемых принципов самодержавия. Не менее их пугало и то, что наделение председателя Совета широкими правами ограничит для министров возможность действовать прежними путями и закулисным образом влиять на ход государственного управления.

Смысл проекта двух членов совещания сводился к сохранению прежнего Совета министров и созданию при нем «постоянного присутствия из министров и главноуправляющих».

Проект А. С. Стишинского и А. П. Игнатьева II одобрили министр финансов В. Н. Коковцов и государственный контролер Н. Л. Лобко. 4 октября А. Половцев записал в дневнике: «Многие восстают против первого министра, т. к. он будет визирем, ограничивающим самодержавие»²¹. Против проекта Стишинского и Игнатьева II выступил С. Ю. Витте, продолжавший отстаивать права главы Совета министров. Однако его позицию нельзя рассматривать как намеренную защиту определенных буржуазных норм государственного устройства. Скорее всего в преимущественных правах председателя Витте видел единственный способ положить конец «министерской» разногласице, особенно опасной в условиях революции. Однако и в этом вопросе он не был до конца последовательным, о чем говорит его корректура проекта.

В первых числах октября Д. М. Сольский направил С. Ю. Витте проект указа о Совете министров для окончательного редак-

тирования. К проекту были приложены дополнительные варианты ст. 3¹, 7¹, 9¹, касавшиеся самых спорных предметов*. Этими статьями определялась роль председателя Совета министров. С. Ю. Витте подверг серьезной правке проект указа. Согласно ст. 3¹ председатель Совета министров осуществлял высший надзор за всеми без изъятия частями управления. «В чрезвычайных и неотложных случаях, а также по особому уполномочению е. и. в.,— говорилось в ней,— он (председатель.— *Н. К.*) пользуется правом непосредственных распоряжений, за правильность которых несет ответственность перед е. и. в. Подлежащие власти обязаны исполнять таковые распоряжения председателя Совета министров». С. Ю. Витте в тот момент считал это неудобным и отказался поддержать эту статью.

Тремя статьями определялся порядок докладов царю о делах, рассматриваемых в Совете, и порядок представления «всеподданнейших докладов» по делам отдельных ведомств. С. Ю. Витте объединил эти статьи в одну, исключив при этом намеченное в проекте право председателя самому устанавливать порядок представления министрами «всеподданнейших докладов». Переработанная статья имела более неопределенный смысл. «Главными начальниками ведомств,— гласила новая статья— сообщаются председателю Совета министров предварительно все подлежащие представлению на выс. благовоззрение всеподданнейшие доклады, имеющие общее значение или касающиеся других ведомств. Означенные проекты всеподданнейших докладов вносятся председателем на рассмотрение Совета или, по согласию с подлежащим министром или начальником главного управления, докладываются непосредственно г. им. в случае надобности, в присутствии председателя Совета министров»²².

С. Ю. Витте в целях усиления значения и роли главы Совета предложил статью, обязывающую министров представлять председателю Совета министров сведения о важнейших государственных событиях и принятых в связи с этим мерах²³. В варианте С. Ю. Витте была принята и статья, разрешавшая «премьеру» образовывать под своим председательством особые совещания для обсуждения отдельных вопросов. Он настоятельно подчеркивал необходимость внесения в указ положения, вменявшего в обязанность начальникам всех ведомств, кроме четырех, согласовывать с председателем Совета министров предположения о замещении главных должностей высшего и местного управления. Основным условием единства действий правительства С. Ю. Витте считал право председателя Совета министров формировать правительство. Поэтому он выступал защитником статьи, разрешавшей

* Дополнительные статьи появились в последнем варианте проекта. Их можно рассматривать как отражение мнения части высшей бюрократии, склонявшейся к мысли о диктаторе в условиях революции.

председателю представлять кандидатуры на посты начальников ведомств²⁴. Председатель Совета министров получал, таким образом, статус ближайшего помощника царя по вопросам внутренней политики.

Будущий глава Совета министров принимал самое активное участие в проектировании указа реформы Совета министров. Однако своего личного проекта С. Ю. Витте никогда не предлагал на обсуждение совещания.

12 октября состоялось заключительное заседание, на повестке дня которого стояла окончательная отработка четырех вопросов: учреждение Совета министров в целях объединения деятельности министерств и ведомств, полномочия председателя Совета, порядок представления «всеподданнейших докладов» по отдельным ведомствам и порядок назначения на должности министров.

Как и прежде, к единогласному решению участники совещания не пришли. Но большинство членов — 23 человека, перепуганные начавшейся всеобщей политической стачкой в стране, высказались за немедленную реформу Совета министров в соответствии с последним вариантом проекта указа.

Опасаясь, что по вопросу о роли председателя Совета царь прислушается к мнению меньшинства, Д. М. Сольский в докладе Николаю II подчеркнул: «Задача объединения министерского управления окажется осуществимой, когда все министры будут одинаковых убеждений»²⁵. В этой связи он и предлагал включить в круг обязанностей председателя Совета министров представление кандидатов на должности министров и главноуправляющих за исключением министров иностранных дел, императорского двора, военного и морского.

Николай II вынужден был согласиться с мнением большинства участников совещания. Его резолюция гласила: «Исполнить согласно мнению большинства»²⁶. Однако Николаю II импонировала точка зрения представителей наиболее консервативной бюрократии, и в указе от 19 октября исчезла первая часть соответствующей статьи, гласившая: «Представление им. в. кандидатов для замещения должностей министров и главноуправляющих отдельными частями входит в круг обязанностей председателя Совета министров»; и общий смысл 15 статьи свелся лишь к обсуждению в Совете министров кандидатов «должностных лиц центрального и местного аппарата министерств и ведомств». Таким образом, меньшинство участников совещания сумело добиться своего.

Проекты указа и «Мемория» Особого совещания были подготовлены 12 октября и утверждены 19 октября. Основной причиной задержки утверждения указа явились события, связанные с обсуждением проекта манифеста 17 октября, и разыгравшаяся по этому поводу борьба отдельных группировок в высших сферах.

На второй день после опубликования манифеста 17 октября был обнародован указ «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений»²⁷. На Совет ми-

нистров возлагалось «направление и объединение действий главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления». Из совещательной инстанции по делам высшего управления Совет превращался в постоянно действующее высшее исполнительное учреждение. Оно вводилось впервые в систему высшего административного управления России и отличалось от прежнего Совета и Комитета министров.

Совет министров состоял из министров и главноуправляющих ведомствами, но его состав мог быть расширен за счет введения чинов высшей государственной иерархии. Председательствовать в Совете в особо важных случаях мог и царь. Состав высшего правительственного органа, юридически оформленная должность председателя Совета министров, обязательное рассмотрение в нем всех дел высшего государственного управления — все это черты, отличавшие новый орган от Совета министров 1861 г., что позволяет считать реформированный Совет элементом второго шага царской монархии по пути к буржуазной монархии.

Указ 19 октября 1905 г. носил на себе отпечаток норм буржуазного законодательства, хотя и весьма искаженных самодержавной природой проводимых преобразований. В первую очередь это касается юридического положения главы Совета министров. Девять статей из 17 посвящены правам председателя Совета министров. Однако преимущественные полномочия председателя надо рассматривать как результат настроений подавляющего большинства царских сановников, склонившихся к мысли об усилении роли и значения главы правительства в условиях борьбы против революции. На первый план ставилась все-таки эта задача.

Указом 19 октября, безусловно, были сделаны определенные шаги в направлении объединения деятельности министров. Председатель Совета министров получил возможность контролировать действия министров по основным вопросам внутренней политики. Указом предусматривалось, что министры и начальники ведомств обязаны сообщать председателю «безотлагательно сведения о всех выдающихся, происходящих в государственной жизни событиях, принятых мерах и распоряжениях». Председатель Совета министров входил с докладами к царю, ему представлялось право приглашать на заседание Совета лиц, «содействие коих разрешению дела может быть полезным». Министры обязаны были согласовывать с главой Совета «всепоподданнейшие доклады»²⁸.

Преимущественные права председателя Совета министров позволяют говорить о председателе Совета как о ближайшем помощнике царя по делам внутренней политики. Однако права председателя Совета министров не дают основания рассматривать его положение как главы кабинета, что присуще конституционным буржуазным государствам, где главенствующая роль премьера определялась его опорой на парламентское большинство, от-

ветственностью кабинета перед парламентом*. В России председатель Совета министров назначался и уходил в отставку только по воле царя и всемогущей камариллы. Закон не давал председателю и правовых средств, с помощью которых он мог бы повлиять на ход разрешения дел в случае разногласия в Совете. «Если по делам, рассматриваемым в Совете министров, не состоялось единогласного заключения, то на дальнейшее направление их председатель Совета испрашивает указания у императора», — говорилось в указе²⁹. К тому же деятельность самого Совета министров ограничивалась рассмотрением и подготовкой к решению дел, а право окончательного решения сохранялось только за императором.

Учреждение Совета министров как постоянно действующего правительственного органа во главе с председателем не поколебало самодержавной власти. Императору по-прежнему неограниченно принадлежала верховная исполнительная власть, а реорганизованный Совет министров оставался «кабинетом» при императоре.

Закон о новом Совете министров не покончил и с остатками феодально-правовых институтов. И в этом был смысл. Сохранение наряду с Советом министров «всеподданнейших докладов» обеспечивало самодержавию двойную систему исполнительных органов. С одной стороны, координация государственного управления продолжала осуществляться царем (посредством докладов министров и независимо от Совета министров), а с другой — наличие постоянного высшего исполнительного органа власти позволило возложить обязанности и ответственность за ход внутренней политики страны на Совет министров, в первую очередь на председателя, как на особо доверенное лицо. Такая система придавала «законность» действиям исполнительной власти и более соответствовала государственному управлению в условиях функционирования представительных учреждений. Однако эта двойная система противоречила как укреплению единства в деятельности министерств и ведомств, так и новым правовым нормам государственного устройства.

Независимое положение по отношению к Совету министров заняли ведомства иностранных дел, военное, морское, императорского двора и уделов. Статья 14 указа 19 октября гласила: «Дела, относящиеся до ведомства императорского двора и уделов, государственной обороны и внешней политики, вносятся в Совет министров, когда последует на то высочайшее повеление, или когда начальники подлежащих ведомств признают сие необходимым, или же когда упомянутые дела касаются других ведомств...»³⁰. На-

* Нельзя согласиться с Б. Э. Нольде, пытавшимся доказать, что предусмотренными в указе полномочиями председателя Совета министров восполняется то, «чего для утверждения единства правительственной власти не хватает в нашем строе, если сопоставлять его со строем большинства западноевропейских стран» (*Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права*. СПб., 1911, с. 178).

чальники этих ведомств входили в состав Совета министров, но были независимы от председателя и Совета в целом. В 1907—1914 гг. это привело к необходимости принять ряд дополнительных мер, усиливавших контроль Совета министров за руководителями этих ведомств, так как независимость военных ведомств от кабинета препятствовала согласованию действий военных и гражданских властей³¹.

Из компетенции Совета министров изымалась ревизионная деятельность государственного контролера, хотя он был включен в состав Совета министров.

То обстоятельство, что социально-экономический и политический строй Российской империи имел много общего с государственным строем Германии, Австрии, сказалось и на акте об учреждении Совета министров. Много общего имели ст. 15, 18 конституции Германской империи и ст. 17 Основных законов о взаимоотношениях монарха и главы высшего исполнительного учреждения. Это говорит о том, что эволюция высшей исполнительной власти в России в целом осуществлялась по прусскому пути.

Ведению Совета министров, призванному стать центром координации правительственной политики в условиях революции, подлежали дела трех категорий.

К первой категории относились дела высшего государственного управления, как-то: «первоначальные предположения министерств и главноуправляющих отдельных частями по вопросам законов, имеющих государственную важность», «дела, по коим нужно общее собрание или содействие разных министерств», «издаваемые министрами циркуляры, имеющие государственное значение», «всеподданнейшие доклады» министров, разрешение коих превышает пределы власти, вверенной каждому министру, «все дела», назначенные к обсуждению в Совете, «по высочайшему повелению», «виды и предположения министров и главноуправляющих к устройству и усовершенствованию подчиненных им частей...»³²

Вторая категория дел была связана с чрезвычайно-указным правом. Ст. 87 Основных законов, принятых в 1906 г. (о чем будет сказано далее), давала возможность проводить законодательные акты через Совет министров, минуя законодательные органы. Ст. 120 и 123 Основных законов устанавливали место Совета министров в системе государственного аппарата России как высшего исполнительного учреждения при императоре, а ст. 87 в известной степени превращала Совет министров и в законодательное учреждение.

Третью категорию дел, составивших круг занятий Совета министров, предстояло определить только после решения вопроса о Комитете министров.

Планируя упразднить Комитет министров, председатель Совета и Комитета министров С. Ю. Витте намечал передать все ведомственные ему дела Совету министров. Однако со сроками

передачи явно не спешили. Только 24 декабря 1905 г. председатель Совета и Комитета министров С. Ю. Витте поручил управляющему делами Совета Э. Ю. Нольде подготовить предложения о порядке передачи дел, отнесенных ранее к ведению Комитета. С приближением срока созыва первой Государственной думы правительство все решительнее склоняется к мысли о сохранении Комитета министров на неопределенный срок, хотя откровенно признавалось, что Комитет представлял собой «высшее административное учреждение», которое «весьма мало служило к объединению правительства, в него вносилась масса административного „хлама“ — все, что не было более или менее точно определено законами»³³. Зачем же правительству вновь понадобилось столь «неопределенное» учреждение?

Дело в том, что камнем преткновения при упразднении Комитета стали законодательные дела, разрешаемые властью Комитета министров. При упразднении Комитета они должны были решаться в общем законодательном порядке. Но это значило передать их гласности, т. е. обсуждать в Думе те акты правительства, которые должны проводиться в жизнь быстро и бесшумно. Вмешательство представительных учреждений, особенно Государственной думы, в столь «тонкие» вопросы никак не входило в планы царского правительства. Беспокоило сановную бюрократию и еще одно обстоятельство. Передача комитетских дел в Совет министров потребовала бы издания специального законодательного акта, что, в свою очередь, сразу бы выявило характер Совета министров, во многом конкурирующего с законодательными учреждениями. Отсюда настороженность царского правительства и его опасения, что подобный шаг «может на первых порах стать поводом разногласия между правительством и Думой, и потому было бы вполне целесообразным вопрос этот решить ныне же на правильных основаниях»³⁴. Таким «правильным основанием» решено было считать сохранение Комитета министров, обеспечивавшее еще одну возможность проводить законодательные мероприятия помимо представительных учреждений. Для царского правительства это было не менее важно, чем предоставление Совету министров законодательных полномочий в междудумский период. Однако к февралю 1906 г. планы Совета министров несколько изменились.

После издания указа 20 февраля о реформе Государственного совета появляются новые предложения о передаче отдельных категорий комитетских дел в разные правительственные учреждения. Намечалось передать департаментам Государственного совета дела о постройке железных дорог, об отводе казенных земель различным установлениям и лицам, о принудительном отчуждении недвижимых имуществ с вознаграждением владельцев.

Весьма значительная по содержанию категория дел переходила в ведение Совета министров: усиленная и чрезвычайная охрана и все вопросы, связанные с мерами по обеспечению «спокойствия страны»³⁵.

Экономическое и правовое устройство сельского населения было отнесено к компетенции Сената, как и дела о дисциплинарных взысканиях должностных лиц. Остальные группы дел председатель Совета министров планировал оставить в ведении Комитета министров, а именно: административные вопросы общего значения, утверждение расценок, изменений постановлений городских дум, утверждение уставов акционерных компаний и бирж, назначение пенсий, дела о запрещении книг, вопросы наследования и раздела имущества и т. д.

Итак, Комитет министров сохранялся лишь для группы административных дел, которые невозможно было сосредоточить в департаментах Государственного совета, «поскольку это подавало бы повод Государственной думе к тому, чтобы получить их к своему рассмотрению», — говорилось в «Мемории» Совета министров³⁶.

Однако же не эти повседневные административные вопросы волновали реформаторов. Гораздо более важной причиной было то, что через Комитет министров проводились такие административные меры, которые не могли решаться без изменения действующего законодательства. Здесь на помощь правительству приходила сложившаяся система «изъятия из закона», т. е. отступление для частных случаев от общих законодательных постановлений. Для этой цели Комитет министров и был необходимым царизму.

Из Совета и Комитета министров планировалось создание системы высших исполнительных учреждений, приспособленных, по возможности полнее, к выполнению ими законодательных функций. Для сближения самого порядка деятельности двух учреждений во главе Совета и Комитета министров стоял один председатель, совмещались и должности управляющего делами Комитета и Совета министров.

В «Мемории» от 22 марта 1906 г. Совет министров обстоятельно изложил свою точку зрения по вопросу о распределении комитетских дел и сохранении Комитета министров в системе действующих учреждений.

Истинную причину продления существования Комитета министров находим в черновом проекте «Мемории»: «Сессии законодательных учреждений будут продолжаться не в течение целого года, а с перерывами, и при таких условиях установление Комитета министров, стоящее на границе управления и законодательства, может в течение еще некоторого времени, пока жизнь государства не войдет в спокойное русло, оказать правительству услуги, быть может весьма существенные»³⁷. К этим «услугам» относилось и бесконтрольное распоряжение правом «изъятия из закона», о котором говорилось выше.

После окончания отработки Основных законов, в апреле 1906 г., вступивших в силу до созыва законодательных учреждений, судьба Комитета министров была решена окончательно и в совершенно противоположном направлении. За Советом минист-

ров было закреплено ст. 87 Основных законов положение учреждения, наделенного правом проводить в жизнь законодательные акты. Как и Комитет, Совет министров мог безболезненно распоряжаться правом «изъятия из закона», особенно в междудумский период. Оставалось решить вопрос о рассмотрении текущих административных дел в Совете министров. 23 апреля 1906 г. царь согласился возвести в порядок присутствие товарищей министров на заседаниях Совета, где рассматривались дела текущего административного управления. Эти заседания получили название Малого Совета министров³⁸. Однако повседневные административные дела, несмотря на наличие второго присутствия, настолько загромождали Совет министров, что, по признанию третьего «премьера» П. А. Столыпина, мешали Совету выполнять свою основную задачу³⁹. Попытки реорганизовать Малый Совет министров предпринимались с тем, чтобы ускорить рассмотрение текущих дел и разгрузить общие заседания Совета. Одновременно преследовалась цель усилить контроль премьера за вторым присутствием Совета. Но разгрузить Совет от обсуждения «административной вермишели» не удалось в силу того, что порой трудно было вычленить так называемые «мелкие дела», рассмотрение которых влекло за собой непреодолимые ведомственные разногласия. Это была еще одна особенность «кабинета», связанная с природой самодержавной бюрократической машины⁴⁰. Решив вопрос о «комитетских делах», Совет министров осознавал, что продолжение деятельности учреждения, ставшего одиозным, могло явиться причиной серьезных разговоров с трибуны Государственной думы. Поэтому Совет министров признал, что текст «Мемории» от 22 марта не согласуется с предыдущими положениями самого Совета и поставил вопрос об упразднении Комитета.

23 апреля 1906 г. последовал указ об упразднении Комитета министров⁴¹.

Таким образом третья категория дел, перешедших в Совет министров после упразднения Комитета составили дела об установлении усиленной и чрезвычайной охраны, назначение местностей для лиц, приговоренных к поселению, и текущие административные дела, о которых говорилось выше.

* * *

Революционный натиск народных масс не только серьезно поколебал самодержавный строй царской России, но и грозил дальнейшему существованию самодержавия. Попытки модернизации управления привели к началу эволюции самодержавия в сторону второго шага к буржуазной монархии. В области политической надстройки «элементами» этого шага была реформа высших государственных учреждений. Преобразование высшей исполнительной власти преследовало цель объединить деятельность министерств и ведомств путем создания постоянно действующего правительственного учреждения, которое должно было

координировать внутреннюю политику царизма, направленную на подавление революции и одновременно проводить более гибкий курс с учетом буржуазного развития страны. С учреждением Совета министров понятие «царское правительство» включило в себя царя и действующих при нем министров, объединенных в коллегия во главе с председателем — ближайшим помощником царя по вопросам внутренней политики.

Примечания

- ¹ См.: *Чернуха В. Г.* Конституирование Совета министров (1861 г.). — В кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1976, вып. 5, с. 164—173.
- ² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.
- ³ Там же, т. 3, с. 7.
- ⁴ Там же, т. 20, с. 165.
- ⁵ Там же, т. 9, с. 135.
- ⁶ О 70-летию революции 1905—1907 годов в России. Постановление ЦК КПСС. М., 1975, с. 1.
- ⁷ К столетию со дня рождения В. И. Ленина. М., 1970, с. 2.
- ⁸ Красный архив, 1925, т. 1(8), с. 51.
- ⁹ См.: *Васильева Н. И., Гальперин Г. Б., Королев А. И.* Первая Российская революция и самодержавие. Л., 1975; *Давидович А. М.* Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975.
- ¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 1, л. 5.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же, л. 76.
- ¹³ Там же, л. 76.
- ¹⁴ Там же, л. 77.
- ¹⁵ См.: Там же, л. 61.
- ¹⁶ Там же, л. 62.
- ¹⁷ Там же, л. 308.
- ¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 2, д. 5, л. 1.
- ¹⁹ *Половцев А. А.* Дневник. — Красный архив, 1923, т. 4, с. 65.
- ²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 2, д. 5, л. 349.
- ²¹ *Половцев А. А.* Указ. соч., с. 74.
- ²² ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 2, д. 5, л. 230.
- ²³ Там же, л. 305.
- ²⁴ Там же, л. 304.
- ²⁵ Там же, л. 352.
- ²⁶ Там же, л. 403.
- ²⁷ ЗПСЗ, 1905, т. 25, ст. 26820.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Флоринский М. Ф.* Совет министров России в 1907—1914 гг.: Автореф. канд. дис., Л., 1978, с. 14.
- ³² ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 1, л. 76.
- ³³ *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960, т. 2, с. 269.
- ³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 29, л. 31.
- ³⁵ Там же, л. 33.
- ³⁶ Там же, л. 40.
- ³⁷ Там же, л. 89.
- ³⁸ Там же, л. 113.
- ³⁹ Там же, оп. 20, д. 38, л. 84.
- ⁴⁰ См.: *Флоринский М. Ф.* К истории образования и деятельности Малого Совета министров (1906—1914 гг.). — *Вестн. ЛГУ. Сер. ист., яз., лит.*, 1977, вып. 1, № 2, с. 144—147.
- ⁴¹ ЗПСЗ, 1905, т. 26, ст. 87804.

Глава вторая

В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИЕЙ

Формирование «кабинета» Витте

Реформированный Совет министров начал свою деятельность в конце октября 1905 г. Это был период, который В. И. Ленин назвал «гигантским вихрем солидарного пролетарского натиска»¹. В первых числах октября в Москве началась забастовка железнодорожников. Ее поддержали рабочие механических заводов, текстильщики, рабочие десятков других заводов, фабрик и предприятий Москвы. Забастовка приняла характер всеобщей политической стачки, которая переросла к середине октября во Всероссийскую политическую стачку².

Еще в начале октября вся правящая верхушка надеялась на насильственные методы подавления революции и сходилась на мысли о диктаторе. «Изобретательность» и «мудрость» властей не могли пойти далее печально знаменитого приказа петербургского генерала-губернатора Д. Ф. Трепова: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Эта мера свидетельствовала не о силе, а о слабости правящих верхов, неспособных понять и оценить значение происходящего. События показали, что такими приказами революцию не остановишь. Небывалый рост революции вызвал в дворцовых кругах серьезное замешательство. Всероссийская политическая стачка и последовавшее за ней развитие революционного движения парализовали силы самодержавия. К середине октября сложилось равновесие борющихся сил, которое В. И. Ленин характеризовал следующим образом: «Царизм уже не в силах подавить революцию. Революция еще не в силах раздавить царизма»³.

Революция вынудила царизм искать и другие пути борьбы с народным движением. «Одно мановение руки» российского пролетариата «заставило не либералов только и не трусливых освободителей, заставило г. Витте... говорить (правда, пока еще только *говорить*) о реформах...»⁴. События, связанные с подготовкой «дарованной конституции», имели непосредственное отношение к программе первого состава Совета министров, к назначению на должность председателя Совета министров С. Ю. Витте, к вопросу формирования его «кабинета», поскольку именно в это время в правящих сферах велась борьба за определение политического курса царизма в период подъема революции⁵.

Настроения правящей верхушки в это время колебались: с одной стороны, упорное нежелание идти на уступки, а с другой — страх перед революцией. «Поразительно, — восклицал

царь, напуганный мощным развитием революции, — с каким единомыслием и сразу это случилось во всех городах России и Сибири»⁶.

Великие князья — дяди царя, оказывавшие огромное влияние на политику самодержавия, во главе с одним из самых реакционных представителей царской фамилии — вел. кн. Владимиром Александровичем продолжали настаивать на военной диктатуре. Этой точки зрения придерживался и Николай II, давший клятву в начале своего царствования «твердо и неуклонно охранять начала самодержавия». Но наиболее дальновидные царские сановники во имя сохранения существовавшего строя заговорили о необходимости уступок, настаивая на обращении к населению с манифестом о даровании «гражданских свобод». К мысли о реформе как единственном средстве спасения режима склоняются С. Ю. Витте, Д. М. Сольский и даже И. Л. Горемыкин. Однако и сторонник реформ С. Ю. Витте не был последовательным в этом вопросе. Будучи не уверен в том, что будет принята его программа действий, Витте до последнего момента считал, что есть два выхода из создавшегося положения: конституция или диктатура⁷.

Сомневались и Николай II, и его ближайшее окружение в лице двоюродного дяди царя вел. кн. Николая Николаевича, кн. В. Орлова, министра двора бар. В. Б. Фредерикса и любимица царя ген. Д. Ф. Трепова. «Двор колеблется... диктатура или конституция.

Двор колеблется и *выжидает*. Собственно, это правильная тактика с его стороны: равновесие сил заставляет выжидать, *ибо власть в их руках*.

Революция дошла до такого момента, когда *контрреволюции нападать, наступать невыгодно*⁸. Октябрьские события заставили самодержавие пойти на серьезные уступки.

Проекты «конституции» представили Николаю II Витте и Горемыкин. Проект Будберга — Горемыкина казался самодержавцу более приемлемым, чем программа Витте. Николаю II предстояло определить границы уступок и в связи с этим назначить автора того или иного проекта главой правительства. Царя менее всего устраивала перспектива доверить проведение нового политического курса С. Ю. Витте — министру, которого ненавидела вся дворцовая камарилья, против которого ежедневно выступала вся реакционная пресса, особенно «Московские ведомости», недвусмысленно высказывавшие свои предположения относительно его связи со «смутой».

Царь не хотел подписывать манифест до тех пор, пока вел. кн. Николай Николаевич настойчиво не поддержал проект Витте, отказавшись взять на себя роль военного диктатора. Вел. князь пригрозил даже застрелиться, если царь не подпишет манифест, представленный С. Ю. Витте⁹. Сторонником уступок, хотя и с большими оговорками, выступил даже Д. Ф. Трепов. В беседе с корреспондентом берлинской газеты «Vossische Zeitung» он вы-

сказал мысль о том, что «силой не подавить теперешнего движения, которое может протянуться и два месяца, и два года»¹⁰.

После 10 октября 1905 г. С. Ю. Витте стал частым гостем царя. Как явствует из дневниковых записей Николая II, начиная с 12 октября Витте ежедневно посещает царя, ведет переговоры о будущих реформах¹¹. Об этом же пишет Николай II в письме к имп. Марии Федоровне: «В течение этих ужасных дней я виделся с Витте постоянно, наши разговоры начинались утром и кончались вечером при темноте»¹². 12 октября С. Ю. Витте представил доклад о железнодорожных стачках, а на следующий день он получил из Петергофа телеграмму от Николая II: «Впредь до утверждения закона о кабинете поручаю вам объединить деятельность министров, которым ставлю целью восстановить порядок повсеместно»¹³. 17 октября С. Ю. Витте был вызван в Петергоф. Он получил подписанный манифест.

Одновременно через В. Б. Фредерикса все министры были извещены о том, что С. Ю. Витте поручено принять меры к объединению деятельности министров. Это было официальное назначение Витте председателем Совета министров.

В «дарованном» манифесте самодержавие провозгласило «правовые» начала государственного строя, обещая провести все необходимые в этом направлении государственные преобразования. В. И. Ленин на второй день после появления манифеста писал: «...Царское правительство в последнюю минуту пошло на уступку, сознав, что взрыв неизбежен, что одержать полную победу оно ни в каком случае и безусловно уже не в состоянии, а потерпеть полное поражение оно очень и очень может»¹⁴.

«Конституционные» уступки самодержавия преследовали цель «расколоть силы революции, оторвать от борьбы колеблющиеся элементы, привлечь на свою сторону либеральную буржуазию и с ее помощью раздавить революцию»¹⁵.

К практической реализации намеченных реформ приступил первый состав Совета министров во главе с С. Ю. Витте.

Программа нового курса была сформулирована Витте в записке царю от 9 октября* и в двух докладах 13 и 17 октября 1905 г.

Основная идея программы — сохранение и укрепление монархии путем подновления фасада аварийного здания русского самодержавия. Одновременно признавался вынужденный характер преобразований. «Идея гражданской свободы восторжествует,

* Е. Д. Черменский правильно отмечает, что записка 9 октября была составлена и впервые напечатана под заглавием «Канун 17 октября. Задачи правительства». Непосредственным источником для нее послужили постановления сентябрьского съезда земских и городских деятелей. При редактировании записки Витте внес несколько исправлений, которые ограничивали намеченную программу реформ и придавали ей распылчатый и необязательный характер. См.: *Черменский, Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970, с. 140.

отмечалось в записке, — если не путем реформ; то путем революции»¹⁶. Для доказательства необходимости реформ один из самых преданных слуг самодержавия не прочь был воспользоваться и терминологией, и идеями либеральной буржуазии. В записке от 9 октября повторяются рассуждения либеральной буржуазии о правовом устройстве государства и рисуется не что иное, как буржуазно-либеральный путь эволюции государственного строя России к правовому строю. Однако за «теориями», заимствованными у либералов, Витте скрывал основной смысл готовившихся правительством реформ государственного управления. «Слово это („конституция“), хотя и не признано с высоты престола, никакой (опасности) в действительности не представляет. И при представительстве с так называемым решающим голосом принцип полноты власти царя сохраняется: ни одно решение представителей не получает силы без санкции монарха»¹⁷.

По заимствован из арсеналов теории «государственников» концепцию о «надклассовости» самодержавия, Витте утверждал, что монархия, подновленная «конституционными» признаками, самая приемлемая форма государственного управления для «идеально-го» правового строя.

Витте, будучи представителем крестьянского цезаризма, основную ставку делал на массовое нерасслоившееся крестьянство, на пассивность его, «на преданность идее самодержавия». Поэтому он советовал царю «смело и открыто стать во главе освободительного движения», подразумевая под этим созыв представительного учреждения, с подавляющей массой депутатов от крестьянства, отмену некоторых ограничений в правах крестьян и т. д. Одновременно Витте пытался приобрести в лице буржуазии надежного союзника в борьбе с революцией путем частичного удовлетворения требований либеральной буржуазии о введении «правовых» начал в государственное управление. Самодержавие тем самым расширяло свою социальную опору. Эти расчеты царизма имели под собой реальную почву, ибо «буржуазия хочет парламентаризма, чтобы обеспечить господство капитала, а не бюрократии, и в то же время она хочет монархии, постоянного войска, сохранения известных преимуществ бюрократии, чтобы не дать революции дойти до конца...»¹⁸

В записке рассматривались и конкретные вопросы, подлежащие разрешению. Правительство, по признанию председателя Совета министров, должно будет заняться тремя основными вопросами внутренней жизни, ставшими злободневными в революционной обстановке, а именно: рабочим, крестьянским и национальным.

В программу по рабочему вопросу были включены разрозненные мероприятия. Решение их намечалось в самых ограниченных пределах и предполагало по существу сокращение рабочего дня, образование примирительных камер, частичное государственное страхование. Легальные классовые организации пролетариата не допускались.

Касаясь бедственного положения крестьянства и признавая «исключительную важность устранения земельного голода», С. Ю. Витте, видимо, не хотел заострять внимание царя на практических мерах будущей аграрной политики. Он назвал лишь средства его частичного разрешения, указав на такой источник, как «казенные земли разных наименований, передаваемые крестьянам посредством операций Крестьянского банка». На требования национально-освободительного движения С. Ю. Витте предлагал ответить громким провозглашением идеи государственного единства, хотя и предусматривал в зависимости от обстоятельств автономию 10 польских губерний, Грузии или других частей Кавказа, но лишь путем расширения пределов местного самоуправления¹⁹.

Значительная часть программы Витте была посвящена взаимоотношению правительства и Думы. Всеобщее избирательное право он признавал как идеал будущего. А в число ближайших мероприятий включал осуществление контроля за проведением выборной кампании и за работой Думы со стороны правительства. Внешне контроль предусматривалось обставить так, чтобы свобода проведения выборов в Думу «была для всех явной»²⁰.

Обеспечить «органическую связь Думы с правительством», сделать Думу «работоспособной» должно было «объединенное» правительство. Поэтому необходим был активный состав кабинета, поскольку, как признавал Витте, не удастся отвлечь внимание «от решения наболевших вопросов». Одной из главных задач в связи с этим считалась разработка правительством известных комбинаций вносимых в Думу законопроектов²¹.

Новую политическую программу С. Ю. Витте предлагал облечь в форму указа, который как бы реализовывал меры, намеченные указом 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», с тем чтобы следующие акты выглядели не как вынужденная уступка, а «как цель, к которой правительство поставило своей задачей стремиться само»²².

Программа деятельности будущего правительства излагалась в докладах 13 и 17 октября 1905 г. Доклад 17 октября под названием «По вопросу об объединении деятельности министров, впредь до утверждения законопроекта о Совете министров» был дополнением и разъяснением к манифесту 17 октября. Доклад изобилует демагогическими рассуждениями об основных элементах правового строя, об установлении законодательных норм, «которые соответствовали бы выяснившейся политической идее большинства русского общества», туманными обещаниями проводить экономическую политику, «направленную ко благу широких народных масс». В нем даже было обещано стремиться к устранению исключительных законоположений и т. д. Но при этом в качестве первостепенной задачи правительственной политики выдвигались «водворение в стране порядка», «неослабевающая твердость и последовательность» правительства²³.

Содержание доклада 17 октября тесно переплетается с содержанием «всеподданнейшего доклада» от 13 октября. Доклад 13 октября также проникнут демагогическим духом. Но из него исчезли пункты программы, не предназначенные к опубликованию, как-то: контроль правительства за ходом предвыборной кампании, планы превращения «представительного учреждения» в орудие политики царского правительства, рассуждения по поводу методов борьбы с «ужасным бурным взрывом». Вместо них в докладе 13 октября появились высокопарные слова о «народном представительстве». «В отношении будущей Государственной думы,— заявлялось в докладе,— заботой правительства должно быть поддержание ее престижа, доверия к ее работам и обеспечение подобающему сему учреждению значения»²⁴. «Всеподданнейший доклад» Витте от 13 октября изобилует декларативными заявлениями. Как и в докладе 17 октября, в нем говорилось о том, что «экономическая политика правительства должна быть направлена ко благу народных масс», но ту же делалась оговорка, сводящая на нет даже туманные обещания: «Разумеется, с ограждением имущественных и гражданских прав, признанных во всех культурных странах»²⁵.

Многочисленными оговорками сопровождалась обещания гражданских свобод. «Само собой разумеется,— заявлял автор русской «конституции» в своем докладе,— что предоставление населению прав гражданской свободы должно сопутствовать законным ограничениям ее для твердого ограждения прав третьих лиц, спокойствия и безопасности государства»²⁶. Еще более резко высказался С. Ю. Витте по поводу революционных выступлений народа. Правительство будет «противодействовать образу действий, явно угрожающему обществу и государству, опираясь на закон», выступать против «резко выраженных требований отдельных кружков». Проведение в жизнь намеченного курса ставилось в зависимость от водворения «в государстве спокойствия и безопасности»²⁷.

Давая политическую оценку программы Витте от 13 октября, В. И. Ленин писал: «Смысл доклада Витте ясен: „моральное соединение с разумными элементами общества“ против „действий, угрожающих явно обществу и государству“. Читай: с либеральной буржуазией против революционных рабочих и революционных крестьян, против революционных народов»²⁸.

Первый председатель преобразованного указом 19 октября Совета министров Сергей Юльевич Витте происходил из обрусевших немцев-дворян. Отец его Ю. Ф. Витте большую часть жизни провел на Кавказе, где служил чиновником Кавказского наместничества. По материнской линии С. Ю. Витте был потомком кн. Долгоруких. После окончания физико-математического факультета Одесского университета он начал свою служебную карьеру чиновником управления Одесской железной дороги. Природный ум и особенно служебная ловкость способствовали быстрому продвижению Витте по служебной лестнице. Пост главы мипи-

стерства путей сообщения Витте в 1892 г. сменил на должность министра финансов. Будучи главой финансового ведомства, С. Ю. Витте провел крупную финансовую реформу — введение в стране золотого обращения, способствовал усиленному железнодорожному строительству, увеличивал казенные заказы и субсидии промышленникам, установил винную монополию. Убежденный сторонник самодержавия, С. Ю. Витте тем не менее проводимой им экономической политикой способствовал развитию капитализма в России²⁹. В. И. Ленин неоднократно раскрывал финансовое фокусничество царского министра, указывая, что широкое использование иностранных займов, заключенных Витте, усиливало экономическую зависимость России от иностранного капитала³⁰.

В 1903 г. Витте, получив отставку с поста министра финансов, возглавил Комитет министров. События 1905 г. заставили Николая II вспомнить о министре своего отца. После заключения Витте Портсмутского мира «домашние советчики» Николая II и правая пресса утверждали, что Витте своей популярностью стремится затмить фигуру Николая II. Против Витте интриговали не только ближайшее окружение царя и черносотенное дворянство, но и сановная бюрократия, не желавшая простить этому «выскочке» то, что он сделал блестящую карьеру и затмил их всех перед Александром III.

Однако в период наивысшего подъема революции самодержавию потребовались государственные деятели, умеющие лавировать, ловко отступать, давать гражданские «свободы» и тут же их отнимать. Определяя сущность политических комбинаций самодержавия, В. И. Ленин писал: «Царю одинаково нужны и Витте, и Трепов; Витте, чтобы подманивать одних; Трепов, чтобы удерживать других; Витте — для обещания, Трепов — для дела»³¹.

Остановимся на вопросе формирования первого «кабинета». Именно здесь, как в капле воды, отразились особенности высшего исполнительного органа самодержавия во всей их сложной противоречивости.

Принимая на себя обязанности председателя Совета министров, С. Ю. Витте прекрасно понимал, что ему далеко не всегда удастся осуществить те меры контроля за общим ходом министерского управления, которые были предусмотрены указом 19 октября. Поэтому он выдвинул в Царском Селе условие, чтобы состав Совета министров подбирал он сам в соответствии с политическим курсом правительства.

Подбором состава Совета министров Витте стремился обеспечить единство министерской коллегии и свою руководящую роль в ней.

С 18 октября началось официальное формирование Совета министров. В Петергофе сразу встал вопрос об отставке с поста обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, в течение 25 лет направлявшего политику крайней реакции, учителя и наставника

Николая II. Такая одиозная фигура консервативной бюрократии не могла войти в Совет министров в тот момент, когда самодержавие провозгласило «новый курс». Царь вынужден был согласиться с отставкой К. П. Победоносцева и других наиболее реакционных сановников, а именно: министра народного просвещения ген. В. Г. Глазова и главноуправляющего землеустройством и земледелием П. Х. Шванебаха. На приеме у Николая II С. Ю. Витте предложил на пост прокурора Св. Синода кн. А. Д. Оболенского, представителя известного дворянского рода, прошедшего высшую бюрократическую школу в должности управляющего Дворянским и Крестьянским поземельным банками, занимавшего посты товарища министра внутренних дел и товарища министра финансов. Официальным кругам он был известен как великосветский титулованный «либерал». Первой в Петергофе была названа кандидатура А. Д. Оболенского. Оболенский был одним из авторов манифеста 17 октября. Его и председателя Совета министров связывала давняя дружба.

Подбирались также кандидатуры министров внутренних дел, торговли и промышленности, финансов, государственного контролера.

Прежний министр финансов В. Н. Коковцов не разделял политического курса Витте. При обсуждении проектов реформ государственного управления В. Н. Коковцов всегда находился в группе консервативно настроенных сановников, выступавших и прямо, и закулисно против предложений Витте. В. Н. Коковцов не вписывался в круг «своих» министров и подал в отставку еще до начала формирования «кабинета» Витте. Вместо А. Г. Булыгина, неспособного управлять полицией вообще, а в революционной обстановке особенно, Витте хотел видеть на посту министра внутренних дел чиновника, умеющего четко и быстро мобилизовать полицейский карательный аппарат на борьбу с революцией. Из прежних министров в Совете остались военный министр А. Ф. Редигер, военно-морской — А. А. Бирилев, министр двора В. Б. Фредерикс — особо доверенное лицо царя, один из самых близких его советчиков. Главы ведомств военных, двора и иностранных дел, изъятые указом 19 октября из общего управления министерствами и подчиненные полностью царю, лишь формально входили в Совет министров.

Стремясь обеспечить единство Совета министров, председатель прибегал к различным вариантам. Один из них — личные отношения и дружеские связи. Именно этим объясняется желание Витте сохранить на своих постах министра юстиции С. С. Манухина и министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа. В то же время эти сановники были испытанными слугами самодержавия и их кандидатуры не вызывали сомнений в Петергофе. Новым министром путей сообщения стал К. С. Немешаев, бывший подчиненный Витте. Особенно привлекло председателя в кандидатуре Немешаева его умение восстанавливать порядок и обеспечивать движение на железных дорогах, тогда как его предшествен-

ник М. И. Хилков, «не будучи политиком», никак не мог справиться с забастовками³².

Портфель министра финансов был вручен И. П. Шипову, которого Витте хорошо знал по работе в министерстве финансов.

Вакантными оставались пост министра внутренних дел, на который подыскивалось подходящее лицо, посты государственного контролера, министров народного просвещения, торговли и промышленности и главноуправляющего землеустройства и земледелия. Назначение указанных министров задержалось по причине переговоров председателя Совета министров с лидерами буржуазии.

После 17 октября вся либеральная буржуазия повернула от демократии к Витте³³.

На имя председателя Совета министров поступали многочисленные телеграммы, свидетельствовавшие о поддержке крупной буржуазией в лице различных обществ фабрикантов и заводчиков, биржевых комитетов, а позднее Союза 17 октября усилий правительства «при проведении им в жизнь начал манифеста 17 октября»³⁴.

На страницах кадетской печати, хотя и с различной степенью критических оценок, приветствовался «конституционный строй», провозглашенный «конституционным актом 17 октября».

Контрреволюционность буржуазии дала Витте основания поставить перед царем вопрос о привлечении в состав Совета министров видных земских деятелей правого направления — будущих октябристов и правых кадетов*.

Дело в том, что включение в состав Совета министров «общественных деятелей» обеспечивало проведение в жизнь «либеральных» реформ без ущерба самодержавно-монархическому принципу и придавало правомерность всем действиям правительства в глазах умеренно-либеральной буржуазии. Это был расчет царизма на практическую помощь со стороны контрреволюционной буржуазии в совместной борьбе против революции. Впоследствии сам Витте довольно откровенно писал о своих планах создания «конституционного кабинета». «В Петергофе было в принципе решено, что на посты министров я могу привлечь и общественных деятелей, если таковые могут помочь своей репутацией успокоить общественное волнение»³⁵. Реализуя этот план, С. Ю. Витте отправил еще 16 октября будущему октябристу Д. Н. Шипову телеграмму, приглашая приехать в Петербург. Отлично понимая смысл предложения, Д. Н. Шипов высказался за привлечение в состав правительства и представителей левого крыла земских и городских деятелей — будущих кадетов и отметил, что «для создания атмосферы доверия желательнее, чтобы

* Поскольку в исследовательской литературе основное внимание уделяется позиции лидеров буржуазных партий во время переговоров, на наш взгляд, представляется целесообразным оттенить именно поведение самого Витте в ходе переговоров.

общественным деятелем были предоставлены портфели министров внутренних дел, юстиции, земледелия, народного просвещения, торговли и промышленности»³⁶, указав при этом на кадетов: проф. С. А. Муромцева — министр юстиции, И. И. Петрункевича — министр внутренних дел и Н. Н. Львова — министр земледелия. Дело, конечно, было не в лицах. Видимо, Витте действительно не очень-то «опасался людей левого, т. е. кадетского, направления»³⁷. Их реверансы в адрес «конституционных преобразований», готовность на совместную с правительством политическую игру дали основания председателю Совета министров привлечь к переговорам из числа лидеров буржуазии кн. Г. Е. Львова, Ф. А. Головина, Ф. Ф. Кокоткина, Е. Н. Трубецкого, М. А. Стаховича, А. И. Гучкова, Д. Н. Шипова, которые в течение октября составляли различные комбинации «кабинета» с участием «общественных деятелей». Буржуазные деятели не прочь были войти в деловые сношения с царской бюрократией, но выставили свои программные требования, без осуществления которых они не считали возможным успокоить революцию. Поэтому кадеты дали понять, что они готовы принять приглашение Витте, если правительство пойдет на уступки и учтет их программу: всеобщее и равное избирательное право, политическая амнистия и т. д.³⁸

Буржуазия так или иначе требовала векселей и рассчитывала, что царизм поделится с ней властью. А это никак не входило, да и не могло войти, в планы самодержавного правительства. Дело в том, что С. Ю. Витте в действительности собиравался пригласить лидеров буржуазных партий лишь на посты руководителей ведомств, которые в силу своей деятельности теснее были связаны с капиталистическими кругами и с буржуазной интеллигенцией, — министерств торговли и промышленности, народного просвещения. Поэтому уже через несколько дней после начала переговоров в беседе с «общественными деятелями» председатель Совета министров категорически заявил, что портфели министров финансов, путей сообщения, государственного контролера и другие должны быть предоставлены лицам, «обладающим специальными знаниями». Собственно, это была прелюдия к окончательному разногласию с буржуазными деятелями по вопросу распределения портфелей в Совете министров. В тот момент, когда на страницах прессы звучала уверенность, что новый состав министров с участием «общественных деятелей» начал определяться, переговоры окончательно зашли в тупик^{38a}.

Формально яблоком раздора послужило назначение на пост министра внутренних дел известного своей реакционностью, связями с черносотенцами и отнюдь не блестящими моральными качествами П. Н. Дурново. Д. Н. Шипов упоминал, что основными кандидатами С. Ю. Витте в министры внутренних дел являлись два лица: Д. Ф. Трепов и П. Н. Дурново³⁹. О желании видеть Трепова на этом посту свидетельствуют и мемуары Витте. Достоверность слов Шипова подтверждается планами Витте вос-

пользоваться услугами Трепова в борьбе с революцией. Не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что Д. Ф. Трепов в дни подписания манифеста поддерживал программу председателя Совета министров. Это подавало ему надежду найти в Трепове союзника и использовать его возросшее влияние на царя. Однако сам Трепов сознавал, что официально не сможет стоять у руководства политикой, и обратился к Витте с просьбой «уволить его», поскольку все громче раздаются голоса о том, что его пребывание у власти препятствует умиротворению страны⁴⁰. В действительности Д. Ф. Трепов преследовал иные цели. Игра с официальным уходом с политической арены реакционных фигур была разоблачена В. И. Лениным: «Крайние представители реакции уходят... недовольные мелкой игрой. Отчасти они по тупости своей не понимают того, как выгодна эта игра для сохранения наибольшей власти за царизмом; отчасти они рассчитывают — и рассчитывают правильно — что им удобнее развязать себе вполне руки и принять участие в той же самой игре, но в иной роли: в роли „независимых“ борцов за могущество монарха, в роли „свободных“ мстителей за „поруганные (революционерами) национальные чувства русского народа“, — говоря попросту, в роли черносотенных вождей»⁴¹.

Д. Ф. Трепов занял пост дворцового коменданта, став одним из всесильных в дворцовой камарилье.

После отказа Д. Ф. Трепова С. Ю. Витте окончательно остановился на кандидатуре П. Н. Дурново. В нем председатель Совета министров видел удачное сочетание полицейского «с обширным опытом» и, как ему казалось, послушного его воле министра.

На встрече 24 октября Д. Н. Шипов и А. И. Гучков заявили о своем несогласии вступить в «состав кабинета... если П. Н. Дурново будет предложен пост министра внутренних дел»⁴². Насколько формальной явилась официальная версия договаривавшихся сторон, показывает и отсутствие в письменном отказе упоминания о личности министра внутренних дел⁴³. Да и в ходе переговоров в принципе было достигнуто согласие о назначении П. Н. Дурново на должность товарища министра внутренних дел при министре кн. С. Д. Урусове, хотя все принимавшие участие в переговорах общественные деятели понимали, что при неопытном министре ведомством будет распоряжаться не кто иной, как П. Н. Дурново. Отказ Шипова и Гучкова объясняется другими причинами: пойти на открытый союз с царизмом лидерам буржуазных партий было невыгодно⁴⁴. Они стремились с помощью безвредной оппозиции правительству получить мандаты депутатов первой Государственной думы, широко рекламировали в печати свою программу и условия, на которых могло состояться их вхождение в министерство. Впоследствии П. Н. Милюков, касаясь полуофициальных переговоров с Витте, писал: «Первый опыт так подобрать букет общественных деятелей, чтобы удовлетворить одних и обмануть других, окончился неудачей»⁴⁵. Эту оценку можно отнести к обоим договаривающимся сторонам.

Характеризуя сущность переговоров, В. И. Ленин подчеркнул, что «собирались..., и не раз, люди *одной определенной „стороны баррикады“*... Историческая правда не допускает ни сомнений, ни перетолкований: это были совещания, переговоры правительства с контрреволюционной, либеральной буржуазией»⁴⁶.

В Царском Селе переговоры Витте с лидерами буржуазных группировок начали вызывать недовольство. 24 октября Николай II принял Д. Н. Шипова, и, удостоверившись в невозможности участия его единомышленников в министерстве, царь раздраженно писал: «Мне не нравится его (Витте.— *Н. К.*) манера разговаривать с людьми крайнего направления, причем на другой же день все эти беседы попадают в газеты»⁴⁷. Итак, первый стговор царизма и буржуазии о дележе власти не состоялся.

Лидеры буржуазных партий, хотя и выдвигали разные причины отказа о вхождении в состав правительства, в действительности не спешили занять вторые роли в «кабинете» и вступить открыто в борьбу с революцией. Это значило бы лишиться влияния в народных массах. Как правильно отметил В. И. Старцев, «попытка создать правительство „его величества“ с участием представителей двух главных направлений буржуазных либералов окончилась неудачей. В истории этой попытки проявилась неискренность царского двора и бюрократии, не желавшей поступать реальной властью и намеревавшейся утилизировать популярные имена лишь для рекламы и обмана масс»⁴⁸.

Несмотря на общую стратегическую цель — борьбу с революцией, царское правительство и буржуазные партии не смогли стороваться о дележе власти. Расходились они и в определении способов борьбы с революцией.

Приглашая лидеров буржуазии войти в состав правительства на второстепенные посты, самодержавие преследовало цель создать из них своеобразную политическую ширму, дабы облегчить себе задачу «умиротворения страны». Оставшиеся посты после отказа кадетов и октябристов С. Ю. Витте распределил между представителями бюрократии, имевшей связи с буржуазными кругами.

Портфель министра торговли и промышленности получил В. И. Тимирязев — «излюбленное лицо российского купечества»⁴⁹. Он был опытным чиновником-канцеляристом, правда не обладавшим особыми способностями, но Витте, хорошо знавшего ведомство торговли и промышленности, этот факт мало беспокоил. Деловые сношения с капиталистическими кругами С. Ю. Витте намерен был осуществлять через М. М. Федорова — крупного промышленного деятеля, назначенного товарищем министра промышленности и торговли. Пост государственного контролера занял Д. А. Философов — лицо близкое С. Ю. Витте. Министром народного просвещения после отказа Н. С. Таганцева был утвержден гр. И. И. Толстой, поддерживавший «либеральное» крыло в правительстве. Гофмейстер двора гр. И. И. Толстой был ученым-археологом, пользовался авторитетом среди либеральной профессу-

ры, сам слыл либералом, но это не мешало ему быть вхожим в семью вел. кн. Владимира Александровича — ярого реакционера, и его кандидатура была одобрена в Царском Селе. С. Ю. Витте особенно импонировало то, что во время забастовок в петербургских высших учебных заведениях И. И. Толстой показал, что «не собирается стать игрушкой в руках обезумевшей молодежи»⁵⁰.

Совет министров был сформирован из известных и доверенных слуг самодержавия. Это была высшая сановная и должностная бюрократия, тесно связанная с дворянским землевладением. И эта коллегия должна была проводить в жизнь «новый» политический курс.

31 октября состоялось первое заседание Совета министров. «Кабинет» первого состава обычно заседал в столовой казенной квартиры председателя на Дворцовой набережной (кроме тех заседаний, на которых председательствовал царь). Это была темная комната с одним окном; посредине ее стоял длинный стол, покрытый зеленым сукном. «Когда я первый раз явился на заседание Совета министров, — писал И. И. Толстой, — я не знал, в какой одежде следовало быть, и надел мундирный фрак. Витте сейчас же, как только увидел меня, спросил: „Чего Вы это так разрядились, откуда Вы приехали?“ Все в заседаниях Совета носили черные сюртуки, а иногда даже черные и серые пиджаки, т. е. совсем по-домашнему». Заседания Совета проходили через каждые два дня, а иногда и ежедневно, особенно в ноябре. К назначенному времени съезжались все министры. Однако очень скоро многие из них перестали считать себя обязанными являться на заседания, что было своеобразным показателем отношения министров к «объединенному правительству».

С октября 1905 по апрель 1906 г. состоялось 31 заседание «кабинета» Витте, из них три — под председательством царя в Царском Селе и в Петергофе. Наибольшее число пришлось на ноябрь — декабрь 1905 г. — 18 заседаний.

За шесть месяцев деятельности Совета министров первого состава на его заседаниях рассматривались важнейшие вопросы внутренней политики царизма, связанные с решением первоочередной задачи — борьбой против революции (табл. 1).

Карательная политика царизма (октябрь — ноябрь 1905 г.)

Всероссийская политическая стачка нанесла самодержавию сильный удар. В условиях установившегося равновесия правительство стремилось выиграть время. Сея в массах иллюзии мирного обновления государственного строя и государственных порядков, оно собирало силы для подавления революции.

В своей реальной политике правительство руководствовалось отнюдь не исполнением объявленных обещаний о «правовом устройстве» государства и претворении в жизнь широкообещательных заявлений о «гражданских свободах». Его первостепенной

Таблица 1
Основные вопросы, рассмотренные «кабинетом» С. Ю. Витте

Вопрос	Количество заседаний
Рабочий вопрос	
Проект МПС «Об улучшении труда железнодорожных рабочих и служащих»	1
Временные правила об обществах и союзах	3
Аграрный вопрос	
Обсуждение проекта об отчуждении части частновладельческих земель	1
Об облегчении задачи Крестьянского поземельного банка по содействию к увеличению площади землевладения мало-земельных крестьян	2
Об уменьшении и последующем прекращении выкупных платежей с бывших помещичьих, государственных и удельных крестьян	1
О мерах к расширению и улучшению крестьянского землевладения	3
О проекте землеустроительных комиссий	2
Проект манифеста о крестьянских беспорядках	1
Об ассигновании средств на устройство землеустроительных комиссий	1
О распределении между ведомствами работ по пересмотру законодательства о крестьянах	1
Карательная политика	
Дополнение «Правил об охране государственного порядка»	1
О временных мерах по усилению следственной части	2
О применении в местностях, где происходят мятежные движения, военно-полевого суда	5
Об изменении правил использования оружия в случаях беспорядков	1
Обсуждение мер, направленных на борьбу со стачечным и забастовочным движением («Временные правила о самовольном прекращении работ»)	4
Об изменении дислокации войск в соответствии с внутренними потребностями страны	1
Об усилении действий полицейско-жандармских команд	1
Положение о разрешении владельцам имений образовывать собственную под наблюдением властей охрану	1
О порядке преследования лиц, занимающихся противоравительственной пропагандой	1
О проекте правил об участии военнослужащих в союзах и обществах	1
Об участии служащих государственных учреждений в союзах и обществах	1
По проекту правил о борьбе с забастовками рабочих и служащих	1
О введении военно-полевых судов на железных дорогах	1
О принятии мер в связи с революционной пропагандой среди крестьян	1

Таблица 1 (окончание)

Вопрос	Количество заседаний
Государственные преобразования	
Об упразднении Комитета министров	2
По проекту Основных законов	2
Разработка избирательного закона 11 декабря 1905 г.	2
По проекту намеченных правительством вопросов, готовящихся к внесению в Думу	2
Участие в обсуждении «учреждений» Государственной думы и Государственного совета	1
Экономика и финансы	
О принятии мер по сокращению заказов иностранными фирмам	1
О введении в России подоходного налога (1906—1912 гг.)	1
О сокращении росписи на 1906 г.	1
О разрешении дополнительного заказа вагонов для обеспечения деятельности вагоностроительных заводов	1

заботой было обеспечение карательных мер, способных покончить с революционными выступлениями народных масс.

«Посмотрите, в самом деле, на манифест 17 октября и на русскую действительность: может ли быть что-нибудь поучительнее этого признания конституции царем на бумаге и — действительной „конституцией“, действительным применением *царской власти*? Ведь царский манифест содержит обещания безусловно конституционного характера. И вот вам цена этих обещаний. Личность объявлена неприкосновенной. Но те, кто самодержавию неугоден, остаются в тюрьмах, в ссылке, в изгнании... Место черносотенских министров заняли министры, провозгласившие правовой порядок. Но черносотенцы „работают“ еще сильнее при помощи полиции и войска на улице, и неугодных царизму гражданам свободной России свободно и безнаказанно расстреливают, избивают, калечат»⁵¹.

Правительство, возглавляемое автором «русской конституции», продолжало интенсивно использовать все звенья карательного аппарата, обрушив с невиданной жестокостью его мощь на восставший народ. Именно с октября 1905 г. Совет министров взял на себя роль верховного штаба царской бюрократии по разработке и осуществлению планов подавления революции. Председатель Совета министров уже в первую неделю своей деятельности был занят подготовкой к разгрому районов, наиболее обьятых революцией.

Многие вопросы карательной политики, в том числе вопросы борьбы с революционным движением в Финляндии и подготовку карательных экспедиций, он проводил самостоятельно, без обсуждения в Совете. Совместно с генерал-губернатором Н. Н. Герардом С. Ю. Вите организует секретную жандармскую агентуру и

специальную полицию для надзора за русскими революционерами, усиливает пограничную стражу. «Делу этому я придаю особое значение,— писал С. Ю. Витте во «всеподданнейшем докладе»,— так как в Финляндии находилось и, вероятно, ныне находится главное депо революционеров. Вместе с тем я просил министра финансов усилить на финляндской границе таможенный надзор и пограничную стражу»⁵².

Глава «конституционного» кабинета ходатайствует об отпуске 24 млн. руб. на дополнительные формирования полиции в сельской местности. Совместно с министром внутренних дел П. Н. Дурново и военным министром А. Ф. Редигером он направляет карательные экспедиции в Прибалтийский край, губернии Центральной России, в Сибирь, на Дальний Восток, на юг страны, в Москву и Петербург. Душителю революции Дубасов, Соллогуб, Ренненкампф, Меллер-Закомельский, Римман становятся постоянными корреспондентами председателя Совета министров, их кровавая расправа над забастовщиками, над восставшими крестьянами и солдатами в частях и гарнизонах получала неизменную похвалу «премьера»⁵³.

Особенно жестоко подавлялись революционные выступления народных масс в тех губерниях, где действовало изданное 14 августа 1881 г. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Этим Положением во всех местностях, где оно вводилось, устанавливались особые меры управления⁵⁴. Генерал-губернаторы или главноначальствующие в местности лица получали возможность предавать действию военного суда гражданских лиц, тогда как по существовавшим законам военным судам были подсудны лишь лица военного звания. Гражданские же лица могли быть судимы военным судом за «особо тяжкие преступления», но только в местностях, объявленных на военном положении.

Закон 14 августа 1881 г. легализовал и резко расширил практику произвола военно-полевых судов⁵⁵. В местностях, объявленных в положении усиленной или чрезвычайной охраны, перечень передаваемых на рассмотрение военных судов дел был весьма неопределенным. Так, во время действия положения усиленной охраны «отдельные дела передавались на рассмотрение военных судов, когда это признавалось необходимым в видах ограждения общественного порядка и спокойствия»⁵⁶. Еще большую свободу при передаче дел военно-полевым судам получали генерал-губернаторы или лица, облеченные их полномочиями в местностях, находящихся в положении чрезвычайной охраны.

В годы революции Совет министров использовал максимально Положение 14 августа 1881 г. На заседаниях Совета министров без обсуждения утверждались представления министерства внутренних дел, ходатайства «главноначальствующих» в губерниях и областях о введении исключительного управления в тех или иных местностях империи. Правительство С. Ю. Витте и после издания манифеста 17 октября, в котором были обещаны «гражданские

свободы», автоматически продлеvalo действие Положения 1881 и 1892 г.

Несмотря на противоречие с основами манифеста 17 октября, «атмосфера произвола, которая продолжалась и поддерживалась Положением 14 августа 1881 г., стала для царской власти тем необходимым условием, без которого она уже не представляла себе — и не без основания — своего существования. Отказаться от бесконтрольных арестов, произвольных высылки и военных судов по делам о государственных преступлениях — значило для нее отказаться от необходимейших предметов ее обихода»⁵⁷.

Только в ноябре 1905 г. военное положение, как явствует из официальных сводок министерства внутренних дел и подсчетов, произведенных нами на основании фиксируемых в «Мемориях» Совета министров решений, было введено в Курляндской, Бакинской, Елисаветпольской, Эриванской, Кутаисской губерниях, в 10 польских губерниях и в Прибалтийском крае, а также в городах Белостоке, Харькове, Севастополе, Батуми, Николаеве, Кишиневе, Тифлисе, Одессе. К середине декабря военное положение распространяется еще на 10 губерний и 8 городов с уездами в разных районах страны, а положение чрезвычайной и усиленной охраны вводится в 23 губерниях и 25 городах с уездами, в том числе в столичных губерниях и столицах. Зимой 1905 — весной 1906 г. почти 80% территории страны находилось под действием исключительных законов. Совет министров стремился ужесточить почти все карательные законы. И в областях страны, свободных от исключительных положений, действовали всевозможные «правила», почерпнутые из арсенала чрезвычайных мер.

Одно из первых заседаний правительства было специально посвящено дополнению Правил об охране государственного порядка и общественной безопасности и Правил о полицейском надзоре, представленных министром внутренних дел П. Н. Дурново. «В случаях возникновения в империи или в отдельных местностях внутренних беспорядков, угрожающих государственному порядку и общественной безопасности, — говорилось в проекте Правил, — могут быть принимаемы во всей империи или отдельных местностях исключительные меры к охранению порядка и спокойствия»⁵⁸. Исключительные меры вводили следующие правила: каждый владелец недвижимого имущества обязан был сообщать полиции в определенный срок обо всех прибывающих и отбывающих лицах, воспрещались собрания частных обществ, союзов, съездов, действующих как на основании постоянных утвержденных уставов, так и на основании особых временных положений и разрешений (кроме биржевых, торговых, промышленных и ученых обществ). Запрещались всякие сходки, сборища, процессии, шествия в публичных местах или в особо приспособленных к сему помещениях, а также организация стачек и забастовок⁵⁹.

Закрывались в административном порядке содержащиеся на частные и общественные средства библиотеки, читальни, типогра-

фии, книжные лавки. Дополнения к указанным правилам еще более усиливали репрессии со стороны полиции и местной власти. Совет министров одобрил проект министерства внутренних дел и поручил П. Н. Дурново циркулярно известить о нем центральную и местную администрацию, что и было незамедлительно сделано.

Карательные законы, введенные ранее, пополнились новыми статьями и пунктами с целью ужесточить предусмотренные в них нормы наказуемости. Это давало возможность Совету министров, не прибегая к изданию новых законов, проводить в жизнь более суровые меры.

До революции 1905 г. в основе карательной политики царизма лежали «административные меры воздействия». Суды играли далеко не главную роль. С началом революции дела, связанные с революционными выступлениями, квалифицировались как уголовные и подлежали рассмотрению в судах. С одной стороны, это придавало репрессиям правительства видимость законности, а с другой — позволяло широко использовать в борьбе с революцией весь арсенал уголовного законодательства и усиливать меру наказания. Но это вызвало резкое увеличение числа судебных дел, проходящих через следовательский аппарат и прокуратуру, что усугубило и без того кризисное состояние ведомства юстиции. Министр юстиции С. С. Манухин неоднократно поднимал в Совете министров вопрос об увеличении штатов своего ведомства. Совет министров не смог удовлетворить просьбу Манухина, ссылаясь на недостаток средств в казне. В «Мемории», утвержденной царем и принявшей форму указа «О временных мерах по усилению следственной части», предлагалось сократить время производства уголовных дел, имеющих «ныне особую важность: о государственных преступлениях, аграрных посягательствах, проступках печати и т. д.»⁶⁰.

Но это были полумеры. Председатель Совета министров и министр внутренних дел готовились к более «эффективным» способам ускорения процесса судопроизводства. Несмотря на то что повсеместно действовали законы военного положения, чрезвычайной охраны, встал вопрос о полной легализации военно-полевых судов. 13 декабря глава «кабинета» предложил обсудить проект правил, представленный главным военным прокурором С. Н. Павловым «О применении в местностях, где происходят мятежные движения, военно-полевого суда»⁶¹. На их введении настаивали правые черносотенные партии. Показателен сам процесс обсуждения проекта в «конституционном кабинете». Председатель Совета министров, определяя значение новой меры, констатировал, что «учреждение это вводилось бы с исключительной целью постановления приговоров о смертной казни»⁶².

Сторонниками узаконения методов Меллер-Закомельского и Ренненкампа были председатель Совета министров С. Ю. Витте, министр внутренних дел П. Н. Дурново и большинство членов Совета министров.

Правда, некоторые члены «кабинета» опасались, что офи-

циальное применение полевой юстиции вызовет новый взрыв возмущения. Поэтому против учреждения военно-полевых судов высказались министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев, обер-прокурор Св. Синода А. Д. Оболенский. Не поддерживал сторонников военно-полевых судов (как официально учрежденных) военный министр А. Ф. Редигер, считавший, что войска должны сами определить «соответствующий образ действия при подавлении мятежа». Видимо, мнение меньшинства в конце концов повлияло и на других членов Совета министров и вызвало сомнения «в полезности провозглашения нового сурового закона»⁶³. Совет министров ограничился тем, что изменил по предложению военного министра «Правила использования оружия». «Главным основанием деятельности войска,— отмечалось в Правилах,— должно быть постановлено, что коль скоро они вызваны для усмирения толпы, то действия их должны быть решительными и беспощадными по отношению ко всем сопротивляющимся»⁶⁴. Это предложение военного министра преследовало одну цель: не прибегая к законодательному оформлению военно-полевых судов, передать всю власть в руки военачальников, а те, не ограниченные никакими юридическими формальностями, могли чинить суд по своему усмотрению.

Председатель Совета министров, не возражая против дополнения «Правил использования оружия», стремился все-таки утвердить законопроект о военно-полевых судах. В огнестрельной юстиции он видел самое надежное и устрашающее средство «усмирения» восставших. Поэтому С. Ю. Витте, минуя «объединенное правительство», попытался провести законопроект через Государственный совет старого состава. Правда, Николай II оказался осторожнее главы своего правительства, боясь пойти на этот шаг в период подготовки к выборам в первую Государственную думу. Позднее, не без досады, С. Ю. Витте писал, что дело не обошлось без влияния обер-прокурора Св. Синода А. Д. Оболенского. Председатель Совета министров, однако, не успокоился даже после отказа царя.

На усиление реакции народные массы отвечали активизацией организованной борьбы. В. И. Ленин давал высокую оценку этой борьбе, характеризуя народные боевые выступления, как военные действия партизанских боевых дружин⁶⁵.

В декабре 1905 г., когда Совет министров спешно рассматривал вопрос об установлении уголовной репрессии «за убийство должностных лиц и полиции», председатель Совета министров вновь завел речь о военно-полевых судах. На заседаниях Совета 20 и 23 декабря большинство министров отвергли настойчивое требование Витте о новом законе, вторично заявив, что «обнародование нового закона о военно-полевых судах произвело бы чрезвычайно тягостное впечатление»⁶⁶. Министры упорно доказывали председателю, что и без официального учреждения военно-полевых судов вынесение приговоров о смертной казни приобрело широкие размеры. Председателя Совета министров под-

держивали только министр внутренних дел П. Н. Дурново и новый министр юстиции М. Г. Акимов, недовольные тем, что в местностях, где исключительное положение не было введено, гражданская администрация вместо смертной казни приговаривает подсудимых к каторжным работам, тогда как закон о военно-полевых судах «не допустит уже никаких разномыслий по этому вопросу и ускорит быстроту рассмотрения дел»⁶⁷. Совет министров, прислушившись к мнению М. Г. Акимова и П. Н. Дурново, поручил им представить «предположения в том смысле, чтобы определенные преступления, в силу самого закона, всегда влекли за собой предания военному суду и казнь»⁶⁸. Это отнюдь не помешало С. Ю. Витте писать в воспоминаниях, что обсуждение вопросов о смертных казнях и военно-полевых судах связано было со стремлением внести некоторую законность и сузить применение этого рода наказания.

Через три недели, 10 января, председатель Совета министров в третий раз возбудил вопрос, обсуждавшийся в декабре. С. Ю. Витте продолжал настаивать на необходимости введения военно-полевых судов именно в законодательном порядке, т. е. через утверждение Государственным советом, а не путем «высочайших резолюций» или указаний из Петербурга, как предлагал министр юстиции М. Г. Акимов. Совет министров, как и в декабре, не поддержал председателя⁶⁹. Государственный совет, рассматривая «Меморию» Совета министров, большинством голосов (53) одобрил предложенные меры «по охране должностных лиц», 20 членов высказывались против применения военно-полевого суда «за означенные преступления». Николай II, опасаясь реакции в Думе, оставил в силе «существующий порядок». 14 января при обмене мнениями министры окончательно отклонили мысль об учреждении военно-полевых судов⁷⁰. Правительство, готовясь к открытию Государственной думы, не рискнуло прибегнуть к узаконению военно-полевых судов. Однако с целью усилить применение смертной казни по всей стране Совет министров принял предложенное министром внутренних дел П. Н. Дурново дополнение к Положению об усиленной охране. В стремлении узаконить применение чрезвычайного из наказаний с министром внутренних дел мог состязаться только председатель Совета министров. Витте внес еще одно дополнение, в силу которого центральная власть оказывалась неуполномоченной вмешиваться в приговоры военного суда⁷¹.

Весь ход рассмотрения в правительстве С. Ю. Витте законопроекта о военно-полевых судах и разногласия, возникшие в связи с ним, объясняются лишь различием в выборе способов юридического оформления полномочий полевой юстиции. Характерно, что при обсуждении проектов закона о военно-полевых судах в Совете министров даже «противники» этой меры не спешили сослаться на противоречие ее манифесту 17 октября.

Другим вопросом, особенно беспокоившим «премьера», были забастовки рабочих и служащих железных дорог, почт и телегра-

фа. С. Ю. Витте обратился к П. Н. Дурново с просьбой дать свое заключение о забастовках. Основной причиной широкого размаха забастовочного движения Дурново считал отсутствие «энергии и решительности» со стороны властей. «Смелая и наглая попытка мятежных посягательств на охраняемый законом государственный строй,— писал Дурново,— не вызвала в местных властях стойкости и быстрого отпора»⁷². Для усиления борьбы с забастовочным движением министерство внутренних дел разработало, а Совет министров одобрил специальное разъяснение, адресованное местным властям. Центральная власть потребовала от местной оказывать самое «решительное противодействие нарушениям законного порядка» и наказывать тех государственных служащих, которые окажутся виновными в бездействии и небрежности при исполнении лежащих на них обязанностей». Указание министерства внутренних дел в форме служебного циркуляра было разослано всем начальникам губерний и уездов⁷³.

Царское правительство шло в наступление на завоевания пролетариата, но он не собирался сдавать без боя своих позиций и переходил к вооруженной форме борьбы. В авангарде ее в декабре 1905 г. шел московский пролетариат. В. И. Ленин, высоко оценивая выступление московского пролетариата, писал: «Революционные события в Москве, это — первая молния грозы, осветившая новое поле сражения»⁷⁴.

Понимая, что события в Москве носят угрожающий для самодержавия характер и могут перерасти в новый мощный взрыв революции во всей стране, С. Ю. Витте еще в начале ноября настоятельно требовал назначить генерал-губернатором в Москву «решительного и твердого человека», сомневаясь в энергии и предусмотрительности командующего войсками Московского военного округа⁷⁵. Незадолго до Декабрьского вооруженного восстания С. Ю. Витте направил царю «всеподданнейший доклад», в котором с негодованием писал о «московских забастовщиках и бездействии властей», предлагая испытанный и полюбившийся «либеральному» главе сановной бюрократии метод военной расправы с восставшими. «Забастовка почт и телеграфов,— писал С. Ю. Витте царю,— не успокаивается. Центр ее, как вообще центр революционного движения, находится в Москве... В Москве полная анархия властей. Крайне важно скорейшее прибытие нового генерал-губернатора. Мне совершенно неизвестен тамошний командующий войсками. Можно ли положиться на его энергию?» Николай II поспешил успокоить председателя Совета министров, написав на его докладе: «Старик Малахов достойный и твердый генерал»⁷⁶. Тем не менее председатель Совета министров требовал направить в Москву войска, сосредоточенные вел. кн. Николаем Николаевичем в Петербурге, поскольку две трети солдат Московского гарнизона склонялись на сторону восставшего пролетариата. Витте предложил в московские диктаторы «испытанного» и надежного адмирала Дубасова, организатора массового избиения крестьян в Черниговской губернии, разработывавшего

планы уничтожения артиллерией наиболее непокорных деревень и сел. Даже близкие к Дубасову люди характеризовали его как «безусловного врага всякой новизны и противника либерализма», для которого закон существовал лишь постольку, поскольку не слишком стеснял его⁷⁷.

Совместно с Д. Ф. Треповым и вел. кн. Николаем Николаевичем Витте организовал отправку в Москву из Петербурга Семейновского полка во главе с еще одним «надежным» командующим генералом Мином и Ладожского полка из Польши. 20 декабря сопротивление пролетарской Москвы царским войскам удалось сломить. Началась свирепая расправа над рабочими. Потопив в крови Декабрьское восстание в Москве, Витте не без гордости сообщил вел. кн. Николаю Николаевичу: «Дела в Москве приходят к концу. По моему мнению, когда придет в Москву полк из Варшавы, семеновцев можно взять в Петербург. Они оказали молодецкую помощь»⁷⁸. Премьер ходатайствовал перед царем о назначении Дубасова членом Государственного совета за «заслуги» в деле подавления «московского мятежа»⁷⁹. Такая «решительность» председателя Совета министров удивила даже Николая II. «Витте после московских событий резко изменился, — писал царь имп. Марии Федоровне, — теперь он хочет всех вешать и расстреливать»⁸⁰.

В день поражения Московского восстания, 20 декабря, Совет министров заслушал представление С. Ю. Витте о продолжении применения войск в районах революционных выступлений. Председатель Совета министров отмечал, что «московские беспорядки показали всю несостоятельность высшего местного военного командования», которую Витте усматривал в недостаточном количестве войск и «неспособности части военачальников выполнять неукоснительно предписанные им действия», и предлагал четыре пункта мероприятий в целях предотвращения «происшествий, подобных московским»⁸¹: во-первых, передислоцировать действующую армию во внутренние районы империи; во-вторых, пополнить армию новобранцами; в-третьих, отстранить слабых военачальников, не умеющих «ориентироваться в обстановке», и наконец, согласовывать действия военных и гражданских чиновников. По последнему пункту Витте пояснял, что военный министр должен информировать председателя Совета министров и министра внутренних дел о дислокации войск в империи и совместно определять районы, куда должны в первую очередь посылаться войска.

К началу 1906 г. наступил период временного «затишья», но революция продолжалась. Весной 1906 г. вновь оживилось рабочее движение. Только в апреле 1906 г. бастовало более 220 тыс. рабочих. В Совет министров со всех сторон страны шли донесения генерал-губернаторов и губернаторов о забастовках, стачках, политических митингах. Заканчивались они просьбой помочь местным властям войсками. И в распоряжение администрации посылались воинские части с указаниями председателя Совета министров: «Ничем не стесняясь, задушить смуту»⁸².

Широкое использование самодержавием военной силы требовало бесконечной переброски войск из одного района в другой. 28 января Совет министров на специальном заседании рассмотрел вопрос об изменении дислокации войск «в соответствии с внутренними потребностями империи», в связи с чем был заслушан доклад Витте о распределении воинских соединений. Он предполагал разделить 49 наиболее «ненадежных губерний на 4 части, расположив равномерно гарнизоны по территории всех губерний так, чтобы была обеспечена возможность быстрой переброски воинских частей любыми средствами сообщения»⁸³.

Правительство решило увеличить контингент войск в губерниях Европейской России к весне 1906 г. на 8, а к августу — на 300 батальонов.

Насколько широко использовал царизм для подавления революции военную силу, видно из секретной сводки военного министерства: «Для содействия гражданским властям при предупреждении и прекращении беспорядков всего было командировано войск в 2699 случаях: 15 297 рот, 366 эскадронов, 15 учебных команд, 244 орудия, 124 пулемета, 10 местных военных команд, 5 охотничьих команд и 83 885 нижних чинов отдельными командами»⁸⁴. Итак, основную ставку в борьбе с революцией царизм делал на армию. Но революция показала: под воздействием пролетариата и в результате агитационной работы большевиков в армии этот последний оплот самодержавия серьезно поколебался.

Волнения петербургского гарнизона, выступления солдат Московского военного округа во время Декабрьского восстания в Москве, восстания матросов Кронштадта, Свеаборга, Черноморского флота показывали, что правительству с трудом удавалось удерживать солдат в подчинении, ибо, как писал В. И. Ленин, с развитием первой революции «миновали безвозвратно те времена, когда русская армия — как это было в 1849 году — шла усмирять революцию за пределами России. Теперь армия бесповоротно отпала от самодержавия. Она еще не вся стала революционной. Политическая сознательность солдат и матросов еще очень низка. Но важно то, что сознание уже проснулось, что среди солдат началось *свое* движение, что дух свободы проник в казармы везде и повсюду. Казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательство над человеком. И эта казарма становится очагом революции»⁸⁵. Правительство, понимая опасность перехода армии на сторону революции, предпринимало все меры к тому, чтобы не допустить единения армии и народа, что означало бы конец царизму в России. Поэтому Совет министров спешил с усилением репрессий против большевистских агитаторов, призывавших солдат переходить на сторону восставшего народа.

В конце декабря 1905 г. председатель Совета министров поручил Главному военному прокурору подготовить предложения об

особом порядке судебного преследования «лиц, занимающихся противоправительственной пропагандой среди военных чинов в пределах расположения войск». 22 декабря Совет министров обсудил внесенные Главным военным прокурором правила. «После обмена мыслей все члены Совета, — говорилось в докладе С. Ю. Витте царю, — остановились на том, что единственная доступная правительству законная мера — это предавать указанных пропагандистов военному суду». Обжалованию приговоры не подлежали⁸⁶.

Председатель Совета министров предложил узаконить новые правила путем «высочайшего указа правительственному Сенату». Соглашаясь с решением Совета министров, военный министр А. Ф. Редигер и начальник Главной квартиры Л. Ф. Гейден тем не менее находили излишним издавать какие-либо законодательные акты по этому вопросу, указывая, что войска сами справятся с пропагандистами. Точку зрения военачальников разделил и Николай II. Официального указа не последовало⁸⁷.

Царь хотел, чтобы министры и лично председатель при решении вопросов карательной политики проявляли административную «инициативу» и не требовали его согласия на законопроекты карательного свойства, тогда как Витте настаивал на придании «законной» формы всем репрессивным актам, рассматриваемым в Совете министров.

Стремясь изолировать армию от влияния революционной пропаганды, правительство поручило Военному совету «немедленно определить место армии и военного ведомства в условиях той обстановки, которая создана манифестом 17 октября». Совет министров неоднократно начиная с зимы 1905 г. возвращался к рассмотрению данного вопроса. В декабре 1905 г. Военный совет принял специальное решение, в котором говорилось, что армия должна стоять вне всяких политических партий, в связи с этим на обсуждение Совета министров предлагался проект правил, запрещавший военным служащим, состоящим на действительной службе и в запасе, принимать участие в политических партиях, союзах, товариществах, присутствовать при обсуждении политических вопросов на собраниях, на манифестациях и сходках. Правила распространялись не только на военным служащих всех чинов, строевых и нестроевых, но и на гражданских чиновников (равно и вольнонаемных) военного ведомства и на военное духовенство. За нарушение постановления все лица подлежали дисциплинарному взысканию и ответственности в уголовном порядке⁸⁸.

10 декабря проект правил поступил в Совет министров. Проект не вызвал возражений со стороны министров. Правда, была внесена поправка, согласно которой разрешалось военным служащим образовывать — с ведома начальства — общества экономического, учебного или какого-либо иного неполитического характера.

Совет министров высказался за исключение из проекта пункта о запрещении военным служащим участвовать или присутствовать в дворянских и земских собраниях на том основании, что «такое

воспрещение повлекло бы за собой довольно значительное сокращение состава членов сословных собраний, и притом из числа лиц наиболее благонадежного направления»⁸⁹

В то время когда разрабатывались «охранительные меры» для военнослужащих, на имя председателя Совета министров начали поступать сведения об участии в революционном движении чиновников. Правительство, официально признав, что чиновники государственных учреждений явно поддерживают «общую крамолу», приступило к детальной «разработке всевозможных «запрещений» и «ограничений» участия чиновников в политических союзах и обществах. 18 декабря 1905 г. последовало небольшое «правительственное сообщение, гласившее: «Недопустимо, чтобы должностные лица являлись открытыми врагами существующего государственного порядка, противодействовали начинанию правительства и поддерживали враждебные ему стремления». В том же решительном тоне было объявлено, что «правительство не потерпит более на службе чиновников, оказывающих противодействие его видам и не повинующихся законной власти. Министры и главнокомандующие примут соответствующие меры»⁹⁰.

3 января 1906 г. Совет министров рассматривал два вопроса: об участии служащих в политических обществах и определение полномочий ведомств и административных органов в контроле за участием чиновников в союзах и партиях.

Первый из них не вызвал разногласий. Совет министров признал недопустимым участие служащих в «деятельности крайних революционных партий». В окончательной редакции «Мемории» эта формулировка получила существенное уточнение. Самодержавное правительство зорко следило за благонадежностью бюрократии и запретило служащим образовывать общества политического характера или участвовать в них без ведома начальства. В период выборов в Государственную думу чиновники могли отдавать голоса кандидатам той или иной партии. По вопросу способа проверки лояльности бюрократии мнения членов Совета разделились. А. Д. Оболенский, В. И. Тимирязев и Н. Н. Кутлер серьезно усомнились в целесообразности предоставления местным административным властям права устранения от должности неблагонадежных чиновников всех ведомств⁹¹.

«Кабинет» Витте не успел окончательно разрешить поднятого им вопроса. Тем не менее 10 января 1906 г. «в развитие суждений в Совете министров» министерство внутренних дел отправило военным губернаторам, губернаторам и градоначальникам предписание (циркуляр департамента Общих дел), в котором предлагалось доносить в департамент о неблагонадежных, поддерживающих противоправительственное движение чиновниках, немедленно увольняя их со службы, следить за благонадежностью служащих⁹²

Правительство С. Ю. Витте большое внимание уделяло укреплению и усилению полицейско-жандармского карательного аппарата. 13 января Совет министров рассмотрел предложение предсе-

дателя об усилении действия полицейско-жандармских команд посредством формирования дружин и ополчений в каждом уезде из местных жителей. Это был ответ на требование поместного дворянства и черносотенных партий о легализации погромных действий черносотенных отрядов. Как явствует из подготовительных материалов к заседанию Совета министров, министры внутренних дел и юстиции, отнесясь положительно к этой мере, высказали тем не менее опасение в отношении того, удастся ли повсеместно набрать ополченцев из монархистствующих лиц и организаций, дабы в противном случае эти организации не превратились в опасное явление. Члены Совета министров, поддержав эту точку зрения, приняли решение лишь о введении добавочной полицейской стражи во всех губерниях, управляемых по общему учреждению. Для этой цели из государственного казначейства на 1906 г. было ассигновано 17 млн. 649 тыс. 850 руб.⁹³ Однако частично предложение председателя Совета министров было проведено в жизнь. «Кабинет» принял Положение о разрешении владельцам имений образовывать собственную, под наблюдением властей охрану имений⁹⁴. Разрешалось введение как пешей, так и конной охраны. С. Ю. Витте торопил П. Н. Дурново и А. Ф. Редигера принять все меры для вооружения вновь учреждаемых команд.

Проводя политику свирепого подавления революции, председатель Совета министров время от времени оглядывался назад, опасаясь за исход предвыборной кампании. Еще в конце 1905 г. Витте обратился с письмом к тогдашнему министру юстиции С. С. Манухину: «В настоящее время, — говорилось в нем, — с различных сторон поднимается вопрос об исключении из принятой у нас системы наказания смертной казнью. Если означенный вопрос оказался действительно назревшим, то, конечно, было бы желательным, чтобы он возбужден был самим правительством и последующее обсуждение его не являлось бы лишь уступкой общественному мнению»⁹⁵. В ответном письме министр юстиции не советовал поднимать в Совете министров разговор на тему о казнях, поскольку «разрешение его в положительном смысле уже явилось бы уступкой общественному мнению», а отмена смертной казни не вполне соответствовала бы принимаемым именно теперь чрезвычайным мерам борьбы с революцией⁹⁶.

В то время как правительство отвергло идею о пересмотре закона о применении смертной казни, военное начальство на местах бесконтрольно использовало ст. 12 Военного Положения и казни начали производиться без суда и предварительного следствия. Председатель Совета в ответ на очевидный произвол, творимый «энергичными» военачальниками, в мягкой форме указывал в телеграммах командующим округам на то, что такие действия не соответствуют существующим законам⁹⁷. Совет министров неоднократно вынужден был заслушивать сообщения министерства юстиции о расстрелах в тюрьмах, в момент конвоирования, о казнях по усмотрению военного начальства. Только под давле-

нием демократической общественности Совет министров поручил министрам внутренних дел, военному и юстиции указать на необходимость местным властям «обращаться к содействию чинов прокурорского надзора для производства дознания и предварительного следствия»⁹⁸. Губернаторам предлагалось лично проверять основания ареста. Приближавшийся созыв Государственной думы заставил правительство пойти на эти весьма мизерные меры восстановления законности.

В целом же Совет министров во главе с С. Ю. Витте существовал и функционировал как своеобразный генеральный штаб, где разрабатывались репрессивные меры подавления революции. Ставка правительства на военно-карательную силу и законы чрезвычайного управления — свидетельство полного кризиса гражданского аппарата управления.

Попытки приспособления самодержавия к новым историческим условиям

Вопросы государственных преобразований в Совете министров

Открытая война царизма с восставшим народом вызвала к весне 1906 г. новое мощное сопротивление рабочих и крестьян. В феврале 1906 г. В. И. Ленин в статье «Современное положение России и тактика рабочей партии» дал анализ первого года революции. «Русская революция началась с того, — писал В. И. Ленин, — что царя просили даровать свободу. Расстрелы, реакция, треповщина не задавили, а разожгли движение. Революция сделала второй шаг. Она вырвала силой у царя признание свободы. Она, с оружием в руках, отстаивала эту свободу. Сразу не отстояла. Расстрелы, реакция, дубасовщина не задавят, а разожгут движение»⁹⁹. Весной забастовало 24 718 рабочих, аграрное движение охватило 250 уездов и число крестьянских выступлений достигло 946. В. И. Ленин, указывая на значение этой борьбы, писал: «...Та партизанская война, тот массовый террор, который идет в России повсюду почти непрерывно после декабря, несомненно помогут научить массы правильной тактике в момент восстания»¹⁰⁰.

Революция показала, что самодержавное правительство не могло надеяться только на насильственные методы борьбы с восставшим народом. Оно вынуждено было перейти к практическому осуществлению обещанных государственных преобразований, к реализации программы, намеченной в записке С. Ю. Витте.

Революция вырвала у царизма реформы. Модернизируя управление, самодержавие приспособляло государственный механизм к новым условиям, пытаясь тем самым остановить революцию. На этом пути оно обрело союзника в лице умеренно-либеральной

буржуазии. С ее помощью правительство еще в период высшего подъема революции направило усилия на то, чтобы сосредоточить все общественные надежды на Думе, превратить Думу в оттяжной пластырь от революции. «...В этом, в сущности, сходятся наши кадеты с Дурново и Дубасовыми»¹⁰¹.

В Совете министров обсуждались проекты избирательного закона, члены Совета министров принимали участие в обсуждении законоположений о Государственной думе и Государственном совете, но через Совет министров эти акты не проходили. В Совете министров разрабатывался проект Основных государственных законов. Какова же роль «кабинета» в подготовке тех законодательных актов государственных преобразований, которыми он занимался как высший орган исполнительной власти?

19 и 20 ноября 1905 г. в Совете министров началось обсуждение проектов избирательного закона¹⁰². На заседание были приглашены Д. Н. Шипов, гр. А. А. Бобринский, А. И. Гучков, С. А. Муромцев, В. Д. Кузьмин-Караваев, Е. Н. Трубецкой.

Совет министров, приступая к разработке дополнений Положения о выборах 6 августа, «с тем чтобы привести его в соответствие с манифестом 17 октября», привлек к этой работе представителей либерально-монархической буржуазии. В специальном совещании руководителей партии кадетов и октябристов былработан так называемый проект «общественных деятелей» (в Совете министров он проходил как проект № 2). Проект был основан на всеобщем избирательном праве, но выборы в городах были прямые, а в губерниях — двухстепенные. Такой порядок выборов обеспечивал перевес крупной и средней буржуазии в Государственной думе. С. Ю. Витте, поручив С. Е. Кржановскому и Д. Н. Шипову редактирование проекта, предложил и в городах, и в губерниях строить выборы на основе двухстепенности¹⁰³.

Одновременно Совет министров рассмотрел и проект № 1, который был разработан С. Е. Кржановским по указанию С. Ю. Витте. В основе проекта № 1 лежал несколько переработанный булыгинский закон о выборах. Он сохранил курральную систему и имел два варианта, отличавшихся порядком выборов для рабочих. Первым вариантом проекта № 1 предусматривалось создание для рабочих отдельной группы избирателей с самостоятельным представительством в Думе 14 депутатов. Устанавливая подобный порядок, правительство стремилось изолировать рабочий класс во время предвыборной кампании, свести на нет агитационную работу пролетариата в массах¹⁰⁴. По второму варианту рабочие получали ограниченное избирательное право. Они включались в городские и губернские избирательные собрания выборщиков.

Проект № 2, представленный на обсуждение Совета министров, был отвергнут, как «и сам принцип» всеобщего избирательного права. «Единственная же существующая сплоченная и организованная партия, — говорилось в «Мемории» Совета, —

есть партия революционная, которая, конечно, сильнее всех будет работать при выборах и несомненно достигнет весьма значительных результатов»¹⁰⁵. Это мнение разделяли все члены Совета министров во главе с председателем, хотя Н. Н. Кутлер, В. И. Тимирязев, А. Д. Оболенский и Д. А. Философов проявили колебания при оценке проекта, но, в целом, поддержали точку зрения «кабинета».

Предметом прений стал вопрос о порядке выборов для рабочих. Председатель Совета министров и большинство Совета предлагали остановиться на первом варианте проекта № 1, предусматривавшем самостоятельные выборы для рабочих. П. Н. Дурново и Д. А. Философов были против выделения рабочих в специальную группу.

В основе проекта № 1 лежал, как уже указывалось, избирательный закон 6 августа 1905 г. Однако усиление революции заставило Совет министров переработать этот проект в сторону увеличения числа избирателей путем пополнения числа уездных и городских избирателей.

Были внесены изменения и в многостепенность выборов. Устанавливались двухстепенные выборы для крупных землевладельцев и горожан и трехстепенные — для мелких землевладельцев; для крестьян сохранялись четырехстепенные выборы. Две пятых всех выборщиков закреплялись за крестьянами¹⁰⁶. Право голоса получали средние и низшие разряды городского населения. Для рабочих создавались специальные курии, однако число избираемых ими депутатов было ограничено.

Высказываясь в пользу создания самостоятельной рабочей курии, большинство Совета министров признавало, что в «последнее время рабочий класс, находящийся в весьма сильном брожении, идет впереди охватившего страну движения и проявляет его в едва ли не наиболее острой и опасной форме»¹⁰⁷.

Проект № 1 стал главным предметом обсуждения на Царско-сельском секретном совещании, открывшемся 5 декабря, когда в Москве уже назревало восстание. На характере этого совещания сказывались нервозность, торопливость и опасение новых революционных выступлений рабочего класса.

Если на июльском совещании в центре внимания находился проект о законосовещательной думе и о том, чтобы вообще не затронуть неограниченное самодержавие, то в декабре разговор шел о возможности всеобщих выборов, о предоставлении избирательного права рабочим. Показательно, что даже робкое упоминание об этом на июльском совещании встречалось в штыки¹⁰⁸. В декабрьском царскосельском совещании участвовали все министры и неизменные члены всех секретных совещаний — Д. М. Сольский, А. С. Стишинский, А. П. Игнатьев, Э. В. Фриш. Присутствовали Д. Ф. Трепов, Н. С. Таганцев, бар. Л. Л. Корф, А. А. Бобринский и представители октябристов — сторонники всеобщего избирательного права Д. Н. Шипов, А. И. Гучков.

Члены Совета министров высказались за проект № 1. Осторожную позицию занимал на первом заседании председатель Совета министров. Как писал впоследствии С. Е. Крыжановский, Витте был в большом колебании. «Ему очень хотелось пойти навстречу пожеланиям общественников, но вместе с тем он очень боялся всеобщих выборов... так как прямые и всеобщие выборы неминуемо отдавали бы Думу в руки тех, кто предложит избирателю наибольшие материальные выгоды, и прежде всего раздел земель и захват фабрик»¹⁰⁹. В конце концов Витте выступил с заявлением: «Нельзя забывать, что в настоящее время в России происходит революция и нужно дать такую Думу, которая не обратилась бы в учредительное собрание»¹¹⁰. Отрицательную позицию к самому факту изменения избирательного закона продолжал занимать министр внутренних дел. «Излечить смуту, — сказал Дурново, — нельзя никакими выборами... я нахожу что торопиться с написанием избирательного закона не следует»¹¹¹. Лишь два министра — Н. Н. Кутлер и В. И. Тимирязев — в конечном счете поддержали проект № 2, внесенный представителями буржуазии.

На втором и третьем заседании 7 и 9 декабря обсуждался проект Совета министров (без участия октябристов). В противоположность П. Н. Дурново С. Ю. Витте торопил с созывом Думы, предлагая, однако, провести первоначально выборы лишь в относительно спокойных местностях. Основные прения опять-таки развернулись вокруг пункта о предоставлении избирательного права рабочим. Председатель Совета министров ставил в зависимость от этого вопроса прочность будущей Думы и возможность изоляции рабочего класса в предвыборной кампании. Но большинство участников совещания считали слишком опасным дать рабочим ввести в Думу 14 сплоченных депутатов, что могло расстроить планы правительства и революционизировать крестьян¹¹². К этому мнению присоединился и Д. Ф. Трепов. Витте попытался еще раз возразить. Но Д. Ф. Трепов положил конец прениям, заявив, что «осуществима и приемлема только система участия рабочих в выборах в составе губернских избирательных собраний»¹¹³. Николай II согласился с мнением большинства, одобрявшего проект № 1 во втором варианте. 11 декабря был опубликован указ «Об изменении положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений»¹¹⁴.

Новый избирательный закон, несомненно, был уступкой революции, хотя и сильно урезанной. Конференция, созванная большевиками в момент Декабрьского вооруженного восстания, приняла резолюцию, разоблачавшую новую увертку правительства: «Закон 11-го декабря фактически исключает из участия в Государственной думе пролетариат и массу крестьянства и заранее стремится обеспечить при помощи всяких уловок и полицейских ограничений преобладание в Думе черносотенных элементов эксплуататорских классов»¹¹⁵.

Одновременно с разработкой избирательного закона царские сановники спешно занимались составлением проектов законопо-

ложений об учреждении Государственного совета и Государственной думы. «Черносотенцы ухватились за Думу, как за лучшее и, пожалуй... даже единственно мыслимое средство отстоять самодержавие»¹¹⁶. Законопроекты об учреждении Государственного совета и Государственной думы рассматривались в совещании под председательством гр. Д. М. Сольского и на царскосельском совещании под председательством царя. Министры принимали участие в указанных совещаниях, но основной тон задавали члены Государственного совета. Из состава Совета министров самую активную роль играл С. Ю. Витте. По мере спада революции он все откровеннее обнаруживал истинные намерения игры «в конституцию», в «парламентаризм»: «Преобразование — это лишь аппарат, в высшей степени важный, которым г. им. желает управлять. Это только новое государственное устройство. Но Думу, Совет нельзя даже сравнить с нижней и верхней палатой»¹¹⁷.

20 февраля 1906 г. были изданы манифест и Положения об учреждении Государственного совета и Государственной думы. Давая оценку сущности царского «парламента», оформленного актами 20 февраля, В. И. Ленин подчеркивал, что Дума — грубая подделка народного представительства, и указывал на ее карикатурность, на отсутствие в ней и тени конституции¹¹⁸. Об акте о Государственном совете вождь пролетариата писал, что он еще более ухудшает Положение о Думе, «стараясь окончательно свести ее на роль бессильного совещательного придатка к самодержавной бюрократии»¹¹⁹.

На Государственную канцелярию и Совет министров первого состава легла основная работа по проектированию новых Основных законов Российской империи. Как законодательный акт, регулирующий государственное устройство, старые Основные законы определяли неограниченный, строго классовый (дворянско-крепостнический) характер власти. Новые Основные законы подтверждали этот принцип государственного устройства, хотя и с учетом тех изменений, которые произошли в ходе модернизации самодержавия. При этом ставилась задача юридически закрепить за самодержавием до открытия Думы неизбежные права верховной власти, и передать высшему исполнительному учреждению значительную часть законодательных функций. В конце февраля проект Основных законов перешел в Совет министров. Витте писал бар. Нольде: «Нам передана... предварительная редакция. Окончательная редакция... вытечет из рассмотрения проекта в Совете министров»¹²⁰. Председатель Совета министров поручил Э. Ю. Нольде сравнить проект с консервативными конституциями (прусской, австрийской, японской) и заимствовать оттуда полезные «консервативные начала»¹²¹. ПРАВКА проекта Государственной канцелярии в Совете министров была настолько существенна, что новую редакцию Основных законов можно считать проектом Совета министров.

Основные законы обсуждались в Совете министров 10, 12, 14, 18 и 19 марта. Показательно, что сразу же встал вопрос, изда-

вать или не издавать Основные законы. Дурново и Оболенский высказались против их издания, министр внутренних дел считал, что не время заниматься теоретическими положениями, обер-прокур Синода, боясь нового взрыва революции, непрочь был передать пересмотр этого документа Думе, а председатель Совета министров колебался, опубликовать ли новые законы полностью или только изменить изложение отдельных постановлений. Несмотря на отсутствие единого мнения, Совет министров перешел к поспешному обсуждению проекта.

Существуют различные взгляды по вопросу государственно-правовой оценки Основных законов. Так, А. М. Давидович рассматривает Основные законы как конституцию Российской империи, Е. Д. Черменский не дает однозначного ответа на данный вопрос, считая, что в России была конституция, но узкоцензурная, крайне консервативная, более или менее фиктивная, более или менее призрачная, что сохранение титула «самодержавный» в новой редакции Основных законов «можно толковать лишь в значении внешнего, международного суверенитета, независимости от чужеземной власти, но не в смысле внутренней неограниченности... власти монарха», что «октроированная в 1906 году „конституция“ сделалась в значительной мере фиктивной по вине буржуазии»¹²². Иного мнения о характере государственного строя России после 1905 г. придерживается Н. П. Ерошкин. Он полагает, что «самодержавие со времени революции уже не могло существовать на старых началах, а вынуждено было прикрываться лжеконституционными формами. Государственная дума и Государственный совет внешне создавали впечатление о каком-то „парламенте“»¹²³. Н. И. Васильева, А. И. Королев и Г. Б. Гальперин пишут: «При помощи Основных законов царская олигархия превратила Думу в мнимо конституционный орган, имевший, по существу, иллюзорные, отнюдь не реальные права в решении ключевых вопросов государственной жизни страны. Таким образом, Основные законы 23 апреля закрепляли в России не конституционный строй, а иллюзии конституционного режима. Более того, они подтвердили самодержавный строй России в мнимо парламентских формах»¹²⁴. Точка зрения Н. П. Ерошкина, Н. И. Васильевой, А. И. Королева и Г. Б. Гальперина, на наш взгляд, более соответствует исторической действительности.

Остановимся на редакции проекта Совета министров и редакции Государственной канцелярии, поскольку в литературе не уделяется должного внимания сопоставлению двух вариантов проекта, хотя без этого невозможно дать достаточно полную оценку Основных законов.

При обсуждении в Совете министров некоторые статьи проекта были исключены, некоторые значительно дополнены. В числе исключенных оказалась первая часть ст. 1 главы первой, провозглашавшая, что «Российская империя состоит из всех, находящихся в державном ее обладании, владений». В проекте Совета она прозвучала ближе к тексту 1832 г.: «Государство Российское

Таблица 2
Тексты статьи о власти императора

Основные законы 1832 г.	Проект Государственной канцелярии	Проект Совета министров
<p>Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает</p>	<p>Государю императору-самодержцу всероссийскому принадлежит верховная в государстве власть</p>	<p>Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает</p>

едино и нераздельно»¹²⁵. На ст. 2, определявшую положение Финляндии, Совет министров обратил особое внимание. Редакция Государственной канцелярии не учитывала революционного движения в крае и не отвечала пожеланиям господствующих классов Финляндии. С. Ю. Витте поручил Н. С. Таганцеву изучить записку члена Финляндского сейма Г. Михелина, предложившего следующую формулировку ст. 2: «Великое княжество Финляндское нераздельно соединено с Российской империей, но управляется по своим особым Основным законам». С этой формулировкой Совет министров не согласился, усмотрев «существенный ущерб для России»¹²⁶.

Исключив из проекта Государственной канцелярии слова «державное обладание» и уточнив содержание общей формулировки статьи, Совет министров принял ст. 2 в более гибкой форме: «Великое княжество Финляндское, составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства»¹²⁷.

Статьей 3 проекта Государственной канцелярии предусматривалось участие, хотя и ограниченное, Думы и Государственного совета в заключении Россией международных договоров. Витте потребовал изменить текст статьи и обратился к проф. Ф. Ф. Мартенсу с предложением отредактировать эту статью так, чтобы она обеспечивала полную свободу действий «верховного правительства в делах внешней политики»¹²⁸.

Наибольшие трудности при проектировании новых Основных законов вызвала ст. 4, определявшая сущность императорской власти (самодержавия) в «правовом строе», провозглашенном манифестом 17 октября. Перед царскими законодателями стояла задача сохранения прерогатив самодержавной власти в подновленной системе управления. Однако в статью пришлось внести существенные изменения (табл. 2).

В обоих проектах опускалось столь существенное историческое понятие, как «неограниченный» монарх. Но остальные статьи (7—21) главы первой «О государственной власти» Основных за-

конов в редакции Совета министров снова подтвердили неизбежность прав «верховой власти» царя в области внутреннего управления. Более того, Совет министров дополнил эту главу специальной статьей о «неотъемлемом праве верховной власти» объявлять местности на военном и исключительном положении, что противоречило не только манифесту, но и указу 12 декабря 1904 г. Статья 7 проекта, разработанная в соответствии с Положениями 20 февраля, провозглашала, что законодательная власть в России осуществляется царем «в единении с Государственным советом и Государственной думой». Однако ст. 8 значительно ограничивала законодательные права представительных органов. «Императору принадлежит почин по всем предметам законодательства»¹²⁹, — гласила она. Инициатива пересмотра Основных законов признавалась исключительно за императором¹³⁰. Значение ст. 7 еще более нивелировалось включением в Основные законы ст. 10, предусматривавшей издание «указов и повелений в порядке верховного управления». По инициативе председателя Совета министров редакция ст. 10, предложенная Государственной канцелярией, была изменена. Витте потребовал «отмежевать более широкую область для свободной распорядительной деятельности правительственной власти». В новой формулировке ст. 10 узаконила право царя утверждать законы и издавать повеления, «коими определяются меры, приемлемые к исполнению законом»¹³¹. В том же направлении вводились изменения в ст. 11: «В пределах закона он (император.— *Н. К.*) издает указы и принимает меры для развития различных отраслей государственного управления и для обеспечения правильной деятельности государственной власти». Остальные статьи первой главы объявляли прерогативой царской власти распоряжение чеканкой монет, заключение займов, назначение высших служащих, вопросы амнистии и т. д. В статье главы второй «О правах и обязанностях российских подданных» Советом министров были внесены основательные ограничения по сравнению с проектом Государственной канцелярии. Ст. 25, гласившая: «Всякое задержанное лицо должно быть или освобождено, или представлено судебной власти», — после замечания Витте: «Едва ли это у нас исполнимо», — прозвучала очень неопределенно: «Никто не может подлежать преследованию, иначе как в порядке, законом определенном»¹³². Аналогично была отменена ст. 24. Расплывчатые формулировки «установленных законом» или «в порядке, законом определенном» вошли и в статьи «О неприкосновенности жилища», «О праве свободно выбирать место жительства». На Царскосельском совещании главе второй не придавалось особого внимания, как «не имеющей практического значения». Ст. 23 о неприкосновенности личной переписки председатель Совета министров собственноручно вычеркнул, указав, что «в настоящий момент она может нанести большой ущерб государственной безопасности»¹³³. Без комментариев были исключены ст. 33 о свободе слова и печати и ст. 35 о судебных гарантиях. К ст. 30 «О принудительном отчуждении имущества

для государственной или общественной надобности» была добавлена концовка «не иначе, как за справедливое вознаграждение». В этот раздел Основных законов во вторую главу Совет министров внес две новые статьи (23, 24) об обязанностях российских подданных защищать престол и отечество, платить налоги и пошлины и т. д.

Замечания председателя Совета министров к третьей главе «О законах» особенно четко выявляют стремление «кабинета» сохранить в неприкосновенности прерогативы самодержавной власти. Ст. 37, гласившая, что «Российская империя управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке», получила в Совете министров уточненную редакцию: «Российская империя управляется на твердых основаниях законов, исходящих от самодержавной власти»¹³⁵. Эта статья была перенесена без особых изменений из старых Основных законов.

По инициативе председателя Совета министров появилась ст. 40 (в опубликованных Основных законах она значилась как ст. 87). Ее автором был сам Витте. «Во время прекращения занятий Государственной думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней императору непосредственно»¹³⁶. Ст. 86 Основных законов, гласившая, что «никакой новый закон не может быть принят без одобрения Государственного совета и Государственной думы», существенно изменила весь законодательный механизм.

Это наглядно видно при сравнении порядка прохождения законодательных актов до 1906 г. и позже (табл. 3).

Вопрос о предоставлении Совету министров законодательных полномочий в период междудумья встал еще до обсуждения Основных законов. С. Ю. Витте на царскосельском совещании 14 февраля 1906 г. при рассмотрении проекта «Учреждений» Государственной думы и Государственного совета предложил включить в «Учреждение» законодательных органов статью о порядке издания законов во время перерыва сессий. Принятая, таким образом, Советом министров законодательная мера становилась законом после утверждения ее императором. Важность этой меры С. Ю. Витте мотивировал следующим образом: «Мы не знаем, что будем переживать, поэтому поставить палку в углу необходимо». С помощью чрезвычайно-указного права исполнительная власть возвращала себе в значительной степени возможность бесконтрольно распоряжаться в законодательной области. После возобновления сессий Государственной думы и Государственного совета правительство могло еще в течение двух месяцев (а практически и более) не отменять указа, принятого по ст. 87.

Глава четвертая «О Государственном совете и Государственной думе» основывалась на Положениях 20 февраля 1906 г. Проекты этой главы, предложенные Государственной канцелярией и Советом министров, почти не имеют отличий.

Таблица 3

Схема прохождения законопроектов

Законодательная инициатива	Разработка законопроектов	Обсуждение	Утверждение	Обнародование
До 1906 г.				
Император и верха бюрократии	Министерства, внутриведомственные и межведомственные комиссии, комитеты Особые совещания	Комитет министров (не обязательно) Государственный совет	Санкция императора	Первый департамент Сената
С 1906 г.				
Император, верха бюрократии, министры через Совет министров, Государственный совет, Государственная дума (ограниченно)	Министерства, внутриведомственные и межведомственные комиссии с обязательным внесением в Совет министров	Совет министров (обязательно) Государственная дума и Государственный совет	Санкция императора после одобрения законопроекта Государственной думой и Государственным советом	Первый департамент Сената
По статье 87				
Император, министры, объединенные в Совет министров	Министерства, внутриведомственные и межведомственные комиссии с обязательным внесением в Совет министров	Совет министров	Утверждение императором «Мемории» или Особого журнала Совета министров	Указ правительствующему Сенату с последующим внесением в Государственную думу в случае продолжения действия указа

Глава пятая «О Совете министров» вызвала одно, но очень существенное замечание. В проекте Государственной канцелярии ст. 65 предусматривалась ответственность министров перед Думой и Государственным советом. Совет министров решительно отверг эту норму, свойственную конституционным государствам. «Политическая ответственность министров перед законодательными органами», согласно мнению членов «кабинета» Витте, «непременно нарушит Основные законы и причинит интересам государства тяжкий ущерб»¹³⁷. В редакции Совета министров устанавливалась ответственность министров «за общий ход государственного управления в пределах данных им полномочий» только перед «самодержавной властью»¹³⁸

20 марта оба проекта и «Мемория» Совета министров были представлены Николаю II. Для их детального рассмотрения Николай II назначил специальное секретное совещание. Присутствовали члены царской фамилии вел. кн. Николай Николаевич, Владимир Александрович, Михаил Александрович, члены Государственного совета Д. М. Сольский, К. И. Пален, Э. В. Фриш, А. А. Будберг, А. С. Стишинский, И. Л. Горемыкин, И. Я. Голубев, Совет министров почти в полном составе, Государственный секретарь Ю. А. Икскуль, его помощник П. А. Харитонов.

Обсуждение открыл С. Ю. Витте. Выступление председателя Совета министров сводилось к мысли о необходимости пересмотреть Основные законы до открытия Думы. «Основные законы,— сказал Витте,— должны ясно очертить тот круг вопросов, к которым Дума не могла бы касаться. Это прежде всего армия, внешняя политика, расходы по императорскому дому»¹³⁹ Все участники совещания были единодушны в стремлении ограничить права Думы. Никого, кроме Э. В. Фриша, не смущало явное противоречие Основных законов манифесту 17 октября.

Неоднократно в совещании возобновлялось обсуждение ст. 4 (закономерность употребления в Основных законах термина «неограниченный монарх»). Николай II, подчеркнув, что в этой статье — «главный вопрос всего дела», высказался против включения в проект ст. 4 даже в редакции Совета министров. Российский самодержец с трудом переварил необходимость «новизны», но мнение царя разделял лишь И. Л. Горемыкин. Уступив требованию своих сановников, Николай II согласился на исключение слова «неограниченный».

11 апреля продолжалось постатейное обсуждение первой главы. С небольшими редакционными поправками все статьи этой главы были приняты по проекту Совета министров.

Глава «О правах и обязанностях Российских подданных», за исключением ст. 30, фактически не обсуждалась. И. Л. Горемыкин, не изменяя своим архиреакционным воззрениям, предложил вообще не обсуждать ее, а исключить, как ненужную. С. Ю. Витте, по суги дела, поддержал И. Л. Горемыкина, заявив: «Весь отдел второй не имеет значения с практической точки зрения, но если издавать все Основные законы, то и его надо включить. Неудобно, чтобы Основные законы были односторонние и касались только прерогатив верховной власти»¹⁴⁰.

В проекте Совета министров признавалось в принципе принудительное отчуждение земли, но «не иначе, как за вознаграждение» (ст. 30). «Кабинет» практически попытался зафиксировать в законах идею о дополнительном наделении крестьян за счет части помещичьих земель, отчуждаемых за выкуп. И. Л. Горемыкин настаивал на том, чтобы сузить содержание статьи, указав, что «отчуждение допустимо только для надобности государственных учреждений»¹⁴¹ Полемика между Горемыкиным и Витте, а она началась еще до революции, когда Витте и Горемыкин возглавляли работу совещаний по крестьянскому вопросу, показа-

ла, что ультраконсервативные настроения брали верх. Не убедил присутствовавших и довод председателя Совета министров о важности включения положения об отчуждении частновладельческих земель, в связи с тем что будущая Дума поднимет аграрный вопрос в первую очередь. Против каких-либо уступок в крестьянском вопросе категорически высказались И. Л. Горемыкин и К. И. Пален. Они потребовали окончательно узаконить «неприкосновенность собственности и юридически устранить возможность поползновения Думы на принцип частной собственности».

Статья 30 была принята в формулировке Э. В. Фриша, признававшей право принудительного отчуждения земли для государственной и общественной пользы за вознаграждение¹⁴².

Все главы Основных законов были подготовлены к изданию в середине апреля, но царь медлил с их подписанием, опасаясь реакции по обнародовании этого документа. Д. Ф. Трепов с целью определить отношения будущей Думы к разработанному варианту предлагал воспользоваться услугами кадетов и послать их лидерам на апробацию проект Основных законов, что и было осуществлено. В рассмотрении проекта приняли участие С. А. Муромцев, И. В. Гессен, Ф. А. Головин, М. М. Ковалевский и Н. И. Лазаревский*. В записке, составленной ими, говорилось, что выработанный Советом министров проект производит самое «грустное впечатление»¹⁴³. Критическим замечаниям подверглись лишь статьи, узаконивающие ответственность министров перед императором. Замечания носили настолько робкий характер, что не изменили существа, предложенного на их рассмотрение проекта Основных законов. Это позволило правительству не опасаться реакции Думы при руководящей роли в ней кадетов¹⁴⁴.

(Основные законы Российской империи были утверждены 23 и обнародованы 24 апреля 1906 г. Изданные накануне открытия Думы, они беспрепятственно ограничили права законодательного органа, юридически подтвердили всеисилие и бесконтрольность власти царя и самодержавной бюрократии.) В то же время Основные законы не могли не зафиксировать определенной эволюции государственного управления и права. Они разрабатывались, когда высшая точка революции осталась позади, и правительство все сделало для того, чтобы с их помощью урезать или отнять завоевания 1905 г. В этот период В. И. Ленин характеризовал тактику самодержавия следующим образом: «Царское правительство с циничной откровенностью ведет свою игру в конституцию. Оно сохраняет за собой свою старую власть, оно продолжает и усили-

* Один из авторов замечаний на проект Совета министров — Н. И. Лазаревский, посвятив Основным законам третий раздел работы «Русское государственное право» (СПб., 1913), писал, что новые Основные законы не поколебали перехода к конституционному строю, хотя в них недостаточно проводились конституционные начала и сохранилась сила старых законов, по духу своему свойственных только абсолютизму. См.: *Лазаревский Н. И. Русское государственное право*. 3-е изд. СПб., 1913, с. 178.

вает преследования борцов за свободу, оно явно хочет сделать из Думы пустую говорильню — ширму для самодержавия, орудие обмана для народа»¹⁴⁵.

* * *

Председатель Совета министров особое внимание уделял составлению и оглашению избирательных списков в волостных, уездных и губернских избирательных собраниях, чтобы не задерживать созыва Думы. Правительство торопилось. Даже министр внутренних дел, выступавший против определения сроков созыва Думы до подавления революционного движения, признал в феврале, что весна может привести к резкому увеличению «числа участников крестьянских беспорядков» и справиться с ними силой оружия будет довольно трудно¹⁴⁶. С созывом Думы торопили и буржуазные партии. Октябристы крайней датой созыва Думы выдвигали 25 апреля. Располагая сведениями о ходе составления избирательных списков, Совет министров определил срок созыва Думы 27 апреля, предложив губернаторам к 10 марта закончить выборы уполномоченных на волостных сходах¹⁴⁷.

Чиновники особых поручений при канцелярии Совета министров доставляли сведения о характере предвыборной агитации, о действиях черносотенных организаций на национальных окраинах при попустительстве и прямой поддержке местных властей. Обеспечив благоприятные условия для черносотенно-октябристской агитации, правительство надеялось получить надежный блок правых в Думе. Витте особенно интересовался политическим обликом будущих депутатов Думы. Незадолго до открытия Думы, он обратился к губернаторам с предписанием: «Не отказать в немедленном доставлении мне, по состоявшимся во вверенной вам губернии выборам, списков членов Думы и имеющих в вашем распоряжении сведений, которые могли бы разъяснить до некоторой степени характер воззрений избранных лиц и возможность ожидания участия их в деятельности Думы»¹⁴⁸. Предварительные данные показали, что Дума будет более левой, чем предполагало правительство.

Поэтому Совет министров попытался предпринять меры сразу в двух направлениях. Первое — вмешательство в ход предвыборной кампании с целью повлиять на ее исход и создать перевес сил в сторону правых партий. Второе — подготовка серии законопроектов для внесения в Государственную думу, с тем чтобы с первых шагов направить ее деятельность в желаемое для правительства русло. Первое направление начало проводиться в жизнь с начала января 1906 г., второе — с конца 1905 г.

В начале 1906 г. министр внутренних дел, выполняя указание председателя, разослал инструкцию. Местной администрации, полиции, военным властям вменялось в обязанность установить особое наблюдение за антиправительственными партиями, в первую очередь за социал-демократическими организациями. Земские начальники получили право вмешиваться в предвыборную агитацию.

Центральная власть требовала от местной установить наблюдение «за ораторами, обольщавшими крестьян несбыточными надеждами на даровое наделение частновладельческими участками»¹⁴⁹. На местах шли дальше распоряжений правительства. Предвыборные собрания просто запрещались или разгонялись.

Черносотенцы, или, как их именовали в инструкции, «доверенные лица», срывали собрания, разгоняли агитаторов социал-демократической партии. Инструкция официально требовала запрещать находиться в помещении, где идут предвыборные собрания и избрание кандидатов, лицам, зарекомендовавшим себя со стороны «неблагонадежности». Часто, если в число выборщиков попадали кандидаты «неблагонадежного направления», выборы объявлялись местным начальством недействительными. Низшие полицейские чины вносили весомую лепту при реализации распоряжений властей. Накануне выборов на местах производились аресты лиц, пользовавшихся авторитетом у населения, подменялись списки кандидатов, запугивалось и терроризировалось население¹⁵⁰. По инициативе Дурново была организована специальная обработка крестьян — будущих членов Думы. Депутаты-крестьяне направлялись в особые общежития, где правительственные агенты получили открытую возможность «воздействовать» на не имевших опыта государственной деятельности депутатов¹⁵¹.

Принятые правительством меры все же не привели к ожидаемым результатам.

«Кабинет» Витте, поняв, что состав Думы будет гораздо левее, чем ожидало правительство, поспешил форсировать разработку законопроектов, с которыми правительство намеревалось выступить перед первой Государственной думой.

В законопроектах намечалась реализация тех обещаний, которые были даны еще в указе 12 декабря 1904 г.

По рабочему вопросу планировалось провести законопроекты о регулировании рабочего времени, о государственном страховании рабочих, о больничных кассах.

По национальному вопросу предусматривались меры, намеренные в записке С. Ю. Витте от 9 октября 1905 г.: «расширение самоуправления в национальных окраинах» и «введение преподавания родного языка в местностях, где русское население не является преобладающим»¹⁵².

Министерство народного просвещения ограничилось проектированием преобразований университетов и средней школы с приданием им более практического значения¹⁵³.

В январе 1906 г. С. Ю. Витте поручил министрам представить общий план предстоящих по их ведомствам законодательных работ.

В первых числах марта Совет министров обсуждал полную программу правительственных законопроектов. Первоочередной и неотложной задачей признавалась разработка реформы по крестьянскому вопросу. Совет министров вынужден был констатировать, что, «каков бы то ни был первый состав Думы, вопрос об

устройстве крестьян, затрагивающий интересы всех жителей сельской местности, привлечет к себе в значительной мере внимание Думы»¹⁵⁴.

В связи с этим предлагались такие меры, как «преобразование местного крестьянского самоуправления, с сокращением административной опеки», преобразование волостного суда, земского самоуправления, облегчение порядка переселений и устройство Переселенческого банка. Вместе с тем признавалось необходимым принять меры «к немедленному расширению крестьянского землевладения». И среди этих мер на первое место ставился вопрос о «предоставлении крестьянам, нуждающимся в земле, права получения в вечно-наследственную аренду всех годных для хлебопашества земель (государственных, удельных, частновладельческих), которые ныне сдаются в аренду»¹⁵⁵.

Затем обсуждались законодательные предложения, подготовленные министерством финансов. Тяжелое финансовое положение царской России за годы революции еще более ухудшилось. Государственный долг страны, бесконечное увеличение сметных ассигнований по ведомствам, не относящимся к сфере производства, особенно карательных органов, снижение платежного баланса, дефицит бюджета вызывали непомерный рост налогов. Налоговое бремя, всей тяжестью давившее на народные массы, отягчалось параллельным существованием капиталистических и крепостнических форм в системе налогообложения, но, рассматривая проект финансовой программы, Совет министров оказался не в состоянии внести какие-либо конструктивные предложения, направленные на улучшение финансового состояния страны и снижение уровня налогообложения. Министр финансов И. П. Шипов, признав необходимость полностью и всесторонне пересмотреть расходные статьи бюджета, поспешил оговориться, что «невозможно в настоящий момент наметить те статьи государственных расходов, которые могли бы быть подвергаемы значительному сокращению»¹⁵⁶. Министр финансов рекомендовал внести в Думу законопроекты по налоговой системе, но не в сторону сокращения налогов, а в сторону их роста. Задача правительства соотояла в том, чтобы заставить комиссию Государственной думы определить новые объекты обложения и увеличить налог по ряду старых объектов. К их числу министр финансов относил электроэнергию, каменный уголь, газ, бумагу, табак, определив, что эти объекты могли бы дать дополнительно к бюджету 7—8 млн. руб. в год¹⁵⁷. Налог с денежных капиталов, промысловый налог, крепостные пошлины и основные виды косвенного обложения пересмотру не подвергались. И. П. Шипов высказал намерение внести в Думу проект об изменении поземельного налога в целях некоторого облегчения податного бремени, но, как всегда в таких случаях, делалась решающая оговорка, что «эту реформу в настоящий момент произвести будет трудно ввиду затянувшейся с 1893 года оценки земель»¹⁵⁸. Программа министерства финансов не укладывалась даже в узкие рамки программы С. Ю. Витте, обещавшей

13 октября 1905 г., что «экономическая политика правительства должна быть направлена ко благу народных широких масс».

С предложениями законодательных мероприятий выступил и министр путей сообщения. Он представил на рассмотрение Совета круг вопросов, на которых желательно было бы заострить внимание депутатов Думы: реорганизацию структуры центральных и местных органов МПС, мероприятия по усилению казенных железных дорог, изменение общего устава российских железных дорог, ряд законов о судоходстве и сплаве, упразднения шоссейных и мостовых сборов. В программу был включен и раздел о положении железнодорожных служащих и рабочих, что было обусловлено массовыми забастовками железнодорожников. Однако предлагаемые мероприятия коснулись лишь изменения пенсионного устава и учреждения особых вспомогательных сберкасс для рабочих и служащих.

Совет министров заслушал также проекты программы министерства юстиции, министерства торговли и промышленности и военного ведомства.

Основное внимание в проекте министерства юстиции уделялось преобразованию местного суда. «Проект этот, — отмечалось в «Мемории» Совета министров, — должен быть выделен из всех остальных для немедленного его направления в Государственную думу»¹⁵⁹. Кроме того, министерство юстиции наметало разработать для Думы новые правила о гражданской и уголовной ответственности служащих, об охране авторских прав и внести изменения в проекты межевого, вотчинного и опекунского уставов.

С самой обширной программой выступило министерство торговли и промышленности. Большая часть вопросов, предлагаемых на рассмотрение Думы, касалась реорганизации ведомства. Затем на обсуждение Думы выносились проекты уставов, правила о комиссионерах и агентах, о товарных складах, о биржевом суде.

В программу министерства были включены и частичные мероприятия по рабочему вопросу: улучшение страхования и жилищных условий рабочих, регулирование продолжительности рабочего дня.

По военному ведомству намечалось осуществить в течение трех лет сокращение сроков действительной службы для низших чинов до 3 лет в пехоте и до 4 лет в прочих родах войск¹⁶⁰.

* * *

Правительственная программа, подготовленная Советом министров, была лишь наметкой проектируемых по разным ведомствам мер. Ее нельзя рассматривать даже как последовательную и серьезную реализацию намеченных в записке 9 октября мероприятий. В основном в программе повторялись известные ранее пути решения назревших проблем: ничего нового правительство не предложило Думе для обсуждения. Впрочем, и то, что делалось,

своей основной целью имело не допустить инициативы Думы и направить обсуждение наиболее острых проблем внутренней жизни в угодном правительству тоне.

Рабочий вопрос

В числе основных вопросов, требовавших своего разрешения, в программе С. Ю. Витте первым был назван рабочий вопрос. Это диктовалось и размахом революционного движения рабочего класса, и его авангардную ролью в революции. Частичные мероприятия по рабочему вопросу, как отмечалось, были включены и в правительственную программу, предназначенную для внесения в Государственную думу.

В целом программа предусматривала осуществление таких мер, как введение нормированного рабочего дня, которое заключалось в ограничении рабочего времени для малолетних рабочих и беременных женщин до 6 часов с воспрещением использовать их в ночных сменах. Для пятнадцати—семнадцатилетних рабочих устанавливался десятичасовой рабочий день (для мужчин и женщин). Для взрослых рабочих продолжительность рабочего дня определялась 10,5 часа днем и 10 часами ночью. Намечалось осуществить государственное страхование рабочих, создать примирительные камеры, т. е. в программе явно обнаруживались как старые «попечительные» тенденции, так и буржуазный подход к решению рабочего вопроса.

Все законопроекты о фабрично-заводском труде в период деятельности «кабинета» Витте были переданы в новое Особое совещание под председательством М. М. Федорова, а Совет министров сосредоточил внимание на вопросах пресечения роста рабочего движения.

Политика самодержавного правительства по отношению к рабочему движению определялась в годы революции как наращиванием карательных мер, так и известными уступками и обещаниями. Зимой 1905/06 и весной 1906 г. самое пристальное внимание Совет министров уделял борьбе со стачечным и забастовочным движением. «Либерализм» министров сошел на нет, когда стачечное и забастовочное движение охватило большую часть страны. «Этот период деятельности Совета министров,— писал И. И. Толстой,— был посвящен борьбе с гидрой забастовок и восстаний»¹⁶¹. Борьба с забастовочным движением находилась в центре внимания Совета министров.

Первостепенной «заботой» правительства были забастовки на железных дорогах. Еще в записке от 9 октября 1905 г. С. Ю. Витте признал, что «громкая стачка железнодорожников составляет грозную часть общего революционного движения в России». Даже накануне обнародования манифеста 17 октября будущий глава правительства призывал придерживаться твердой линии в борьбе со стачками на железных дорогах¹⁶². Все попытки изолировать основную массу железнодорожников от влияния агита-

торов и руководителей движения оказались безуспешными. Правительство вынуждено было пойти на определенные уступки, рассчитывая тем самым сорвать массовую организованную борьбу, разобщить бастующих. С этой целью Совет министров поручил министру путей сообщения объявить по всем железнодорожным магистралям, что правительством будут приняты решительные и безотлагательные меры к улучшению быта железнодорожников¹⁶³. Правительство не скупилось на обещания улучшить условия труда рабочих, стремясь прикрыть ими карательные стороны своей политики. «Сущность общих мер, которые царизм практиковал в борьбе с революционным народом и с развивающимся рабочим движением, определялась наращиванием репрессивно-карательных акций, сочетавшихся с частичными уступками и широковещательными лживыми обещаниями»¹⁶⁴.

Министр путей сообщения по поручению С. Ю. Витте представил в Совет министров свои предложения по улучшению условий труда железнодорожных рабочих и служащих в конце ноября 1905 г. Большинство предложенных мер явилось повторением обещаний, данных еще в 1902 г., тогда как меры, намеченные комиссиями по рабочему вопросу, созданными в 1905 г., не нашли в планах МПС даже частичного отражения.

Вновь была признана необходимость повышения минимальных окладов содержания мастеровых и рабочих железнодорожников. Для этой цели планировалось выделить для сети казенных железных дорог ежегодные дополнительные ассигнования в сумме 12 млн. руб. и увеличить оплату сверхурочных работ. Проработавшим на одной железной дороге не менее 2 лет разрешался двухнедельный отпуск. Предусматривался единовременный кредит в сумме 1 млн. 200 тыс. руб. для улучшения медицинской помощи железнодорожникам¹⁶⁵. На указанные мероприятия, осуществление которых растягивалось на 5 лет, выделялось 20 млн. руб. Эту сумму министр предлагал возместить за счет повышения тарифных ставок железнодорожных перевозок.

Министр путей сообщения подробно доложил Совету министров об установлении железнодорожникам периодической прибавки к содержанию за выслугу лет в размере 30% от первоначального годового оклада. Надбавка за выслугу лет выплачивалась из расчета 6% годового оклада, но не ежегодно, а раз в три года. Для обеспечения квартирного довольствия предлагалось выделить из казны 1 млн. 200 тыс. руб. на частное домостроение. Расширение пенсионного права планировалось провести путем повышения взноса из казны с 3 до 6% и учреждения особой вспомогательной кассы для мастеровых и рабочих на тех же условиях¹⁶⁶.

Министерство путей сообщения преследовало цель создать впечатление готовности правительства улучшить в ближайшее время положение рабочих и служащих железных дорог. Не случайно председатель Совета министров приказал содержание проекта немедленно довести до общественности.

При окончательном обсуждении представленных министром путей сообщения предложений Совет министров признал, что «в значительной своей части ходатайства МПС находят себе оправдание в действительном экономическом положении железнодорожных рабочих, мастеровых и служащих России», но, ссылаясь на недостаток средств в казне, министры вместо запрашиваемых министерством путей сообщения 20 млн. руб. выделили 16 млн. 500 тыс. При этом Совет министров подчеркнул необходимость постепенного осуществления мероприятий, изложенных в проекте¹⁶⁷. Насколько частичный характер носило решение вопроса об улучшении положения рабочих в годы революции, говорит и то обстоятельство, что все обещания касались лишь одной категории рабочих — железнодорожников, сорвать борьбу которых правительству было необходимо для скорейшего подавления революции. Разработкой мероприятий по рабочему вопросу занимались многочисленные комиссии под председательством В. Н. Коковцова (весна — лето 1905 г.), М. М. Федорова (осень — зима 1905), Д. А. Философова (декабрь 1906 г. — февраль 1907 г.), определяя пути его решения, а правительство направляло отряды карателей, военные экспедиции в районы, объятые революцией, объявляло на военном положении и в положении усиленной и чрезвычайной охраны все новые и новые районы страны, разрабатывало карательно-репрессивные законы, проводило антирабочую политику.

25 ноября 1905 г. Совет министров приступил к рассмотрению злободневного вопроса о правомерности участия рабочих и служащих в забастовках и стачках. Издавать закон о наказуемости за участие в забастовках правительство не решалось. В условиях высшего подъема революции оно прибегло к разработке проекта Временных правил. Необходимость их введения Совет министров обосновывал неприменимостью ст. 1358 и 1358¹ Уголовного уложения к участникам экономической стачки на фабриках и заводах, поскольку «под действие этих стачек ныне происходящие забастовки подведены быть не могут, так как, с одной стороны, они имеют более политический, чем экономический, характер, а с другой — возникают не на одних фабриках и заводах, но и в других самых разнообразных предприятиях и учреждениях», говорилось в «Мемории» Совета министров от 25 ноября. Констатировав, что «стачки последнего времени сошли с экономической почвы борьбы труда с капиталом и сделались по преимуществу боевым средством для достижения определенных политических целей», правительство Витте признало необходимым «применять вооруженное воздействие в крайних случаях»¹⁶⁸.

Совет министров пришел к выводу, что меры воздействия по отношению к бастующим должны быть запретительного свойства. Хотя участие в забастовке или «подстрекательство» к ней объявлялось уголовно ненаказуемо, организаторы и наиболее активные ее участники преследовались и в полицейско-административном порядке (административная высылка), и в уголовном порядке. Уго-

ловной ответственности подлежали «подстрекатели к забастовкам и те забастовщики, кои учинили во время стачки насилие или имущественный ущерб хозяину». При этом членам стачечных комитетов грозило особо тяжелое наказание: заключение в крепости на срок от 1,4 месяца до 4 лет с лишением всех прав¹⁶⁹ 2 декабря 1906 г. проект был утвержден царем.

Несмотря на массовые репрессии по отношению к бастующим, волна забастовочного движения усиливалась; Совет министров немногим более чем через месяц, 13 января 1906 г., принял дополнительное решение «по поводу применения неотлагательно на местах указа 2 декабря». С целью усилить действие закона местной администрации вменялось в обязанность «тут же после получения листа «Собрания узаконений и распоряжений правительства» применять указ 2 декабря». Кроме того, министру юстиции было поручено распорядиться об ускорении судопроизводства дел, касавшихся забастовок¹⁷⁰. К началу сельскохозяйственных полевых работ указ 2 декабря был распространен и на сельскохозяйственных рабочих. 14 марта Совет министров признал «весьма полезным ныне же заполнить пробел действующего уголовного законодательства и установить временные карательные правила о наказуемости наиболее опасных проявлений участия в стачках, возникающих в сельском быту»¹⁷¹.

За исполнением указа 2 декабря Совет министров и особенно его председатель следили очень зорко, не допуская ослабления его действия. Требование правительства неукоснительно выполнять все положения указа вызвало недовольство даже предпринимателей. Расторжение договоров о найме с участниками забастовок вело к длительному простаиванию предприятий. От имени крупной промышленной буржуазии к С. Ю. Витте обратился Ю. П. Гужон. Предлагая отменить ряд карательных статей закона, особенно о расторжении договоров с участниками забастовок, он попытался сыграть на излюбленном правительством маневре: показать, что это добровольный акт «кабинета», и провести допущения об отмене ряда статей закона через Государственную думу. Просьбу крупной буржуазии поддержал министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев. Однако С. Ю. Витте остался непреклонным: 4 февраля через министра торговли и промышленности он сообщил, что «по вопросу об отмене карательных статей закона, касающихся стачек и досрочного расторжения договоров найма с участниками забастовок, Совет министров признал невозможным немедленное издание соответствующего закона»¹⁷².

В период революции по инициативе рабочих и служащих возникли многочисленные профессиональные общества, что заставило правительство спешным образом приняться за разработку проекта Положения об образовании обществ и союзов. 8 ноября 1905 г. министр юстиции С. С. Манухин направил Витте проект «Временных правил о профессиональных обществах». В объяснительной записке к проекту четко обосновывались причины его появления. «При составлении проекта,—— говорилось в ней,—

принято в особое соображение обнаруженное за последнее время образование многочисленных политических и профессиональных сообществ, деятельность коих в некоторых случаях оказывается крайне вредною и способствует поддержанию смуты в государстве, и вместе с тем имеется в виду заполнить существенный пробел закона, не предусматривающего порядок принудительного закрытия обществ»¹⁷³. Этот проект обсуждался в Совете министров 16, 29 ноября и 13 декабря. Кроме членов Совета министров в обсуждении проекта принимали участие Н. С. Таганцев, Э. В. Фриш и И. Я. Голубев — члены Государственного совета. Разногласия вызвал лишь предусмотренный в проекте порядок «воспрещения и закрытия союзов». В целом с проектом согласились все министры.

В проекте во всей полноте проявилась полицейско-охранительная тенденция. Правительство вынуждено было признать за рабочими право на образование профессиональных обществ, но постаралось лишить эти общества возможности защищать кровные интересы рабочих. Такие наболевшие вопросы, как продолжительность рабочего дня, оплата труда, норма выработки и т. д., пзымались из компетенции профсоюзов, как носящие политический характер. Общества на деле получили право лишь посредством «соглашения» выяснять и устранять недоразумения, возникшие на почве договорных условий. Права профессиональных обществ ограничивались и установленным порядком их регистрации. Необходимо было за две недели до открытия общества письменно поставить в известность «подлежащие власти» о цели, составе, способах пополнения, представить устав общества¹⁷⁴. Власти получили возможность открыто вмешиваться и контролировать общества. Губернатор имел право приостановить их деятельность, если она «угрожает безопасности и спокойствию». Проектом предусматривалась подробнейшая детализация устава общества и всех сторон его деятельности. За нарушение правил виновные наказывались в уголовном порядке вплоть до заключения в тюрьму сроком до 16 месяцев¹⁷⁵. Совет министров одобрил Временные правила.

Еще более ограничивались права служащих «государственных установлений». Совет министров хотя и признал «за служащими по вольному найму в государственных учреждениях» право «образовывать из своей среды общества и союзы», но не иначе как с разрешения «подлежащими министрами или главноуправляющими» и утверждения ими особого устава. «Это единственная гарантия того, — отметил Совет министров, — что между служащими будут возникать исключительно... цели материальные, нравственные... но отнюдь не цели политические или социальные»¹⁷⁶. За нарушение устава грозил арест от трех недель до трех месяцев с удалением от должности и возможным (по решению начальства) судебным преследованием¹⁷⁷.

23 января 1906 г. проект был проведен через Государственный совет и 4 марта 1906 г. вступил в силу как Временные правила об обществах и союзах.

Аграрный вопрос

В годы первой русской революции изменение аграрных отношений превратилось в первостепенную задачу, от решения которой не могло отмахнуться правительство. Это основной вопрос революции, вопрос ее поражения или победы¹⁷⁸. Первая революция должна была определить, по какому пути пойдет развитие капитализма в деревне: по пути уничтожения помещичьего хозяйства и перехода всей земли к крестьянам без выкупа или по пути сохранения помещичьего землевладения, но при определенном обновлении, в буржуазном смысле, аграрных отношений. Революция заставила правящие круги отказываться от традиционной дворянско-крестьянской политики сохранения общины.

Развитие капиталистических отношений в стране, вызванное этим приспособление царизма к новым экономическим условиям и политической обстановке, заставило царское правительство искать социальную опору в деревне, в среде складывавшейся и развивавшейся сельской буржуазии. Это был разрыв с традиционной политикой царизма. Новый курс делал ставку на зажиточную (буржуазную) крестьянскую верхушку. Новое направление аграрной политики было намечено Особым совещанием под председательством С. Ю. Витте еще в начале 1905 г. На смену ему пришло совещание И. Л. Горемыкина «О мерах к укреплению крестьянского землевладения». Несмотря на определенный сдвиг в аграрном курсе, «в начале 1905 года правительство продолжало упорно цепляться за отжившую аграрную политику. Горемыкин предлагал укрепить крестьянскую общину для основной массы сельского населения»¹⁷⁹. Облегчение выхода из общины распространялось прежде всего на зажиточных крестьян. Вопрос о сохранении или разрушении общины частично или полностью дебатировался и в названных совещаниях, и в высших сферах, и в дворянских кругах вплоть до осени 1905 г. Натиск революции, борьба пролетариата и резкий рост массовых выступлений крестьянства заставили правительство вплотную заняться аграрным вопросом. Как справедливо отмечает М. С. Симонова: «1905 год явился последним этапом кризиса традиционного аграрного курса, в ходе которого все основные попытки возрождения этого курса потерпели полное политическое банкротство»¹⁸⁰.

С образованием Совета министров обсуждение основных законопроектов, связанных с разрешением аграрного вопроса, сосредотачивается в этом высшем исполнительном органе.

Аграрной политике царизма накануне и в годы революции посвящены специальные труды советских историков-аграрников (см. работы М. С. Симоновой, С. М. Дубровского, С. М. Сидельникова и др.), которые явились значительным вкладом в изучение истории аграрных отношений и аграрной политики самодержавия. Тем не менее, на наш взгляд, немаловажно попытаться

показать основные направления и наметить этапы обсуждения вопросов аграрной политики в «правительственном кабинете», поскольку без этого не представляется возможным в полной мере выявить роль Совета министров в государственном управлении России в период революции.

Совет министров занимался аграрным вопросом как бы в двух плоскостях. Одна из них — обсуждение программы, вносимой в Государственную думу, вторая — рассмотрение проектов законов, которые правительство срочно разрабатывало, надеясь провести их до созыва Думы. Об этом говорит и тот факт что в Совете министров параллельно обсуждалась предварительная программа ведомств и проект закона «О мерах к расширению и улучшению крестьянского землевладения». Первоначальная программа ведомств, как отмечалось, не шла дальше признания в качестве «первостепенной меры» удовлетворения нуждающихся в земле крестьян посредством расширения арендного права. Обсуждая ведомственную программу, Совет министров отметил, что «среди крупных политических и общественно-экономических вопросов, выдвигаемых русской жизнью, есть один, имеющий, бесспорно, первенствующее значение. Это именно вопрос крестьянский»¹⁸¹. Исходя из этого, Совет министров предложил сосредоточить внимание на следующих направлениях: устройство экономического быта крестьян, расширение площади крестьянского землепользования путем изменения законов об аренде, преобразование местного самоуправления, судебных инстанций, упразднение института земских начальников, пересмотр правил о переселении. Все эти «преобразования» были намечены Особым совещанием при министерстве внутренних дел¹⁸².

Другая сторона деятельности Совета министров в области аграрной политики проявилась в связи с разработкой мер, направленных на частичное урегулирование вопроса о крестьянском малоземелье. Совет министров высказался за изменение характера собственности на паделы. «Пока существуют община и переделы,— отмечалось в «Мемории» Совета,— до тех пор неизбежна известная обособленность крестьянского мира от всей остальной России». Эти направления правительство предлагало положить в основу программы, «по которой желательно было направить суждения в Думе»¹⁸³.

События осени 1905 г. повергли в панику дворцовые круги и поместное дворянство, даже крупнейшие помещики России готовы были пойти на некоторые уступки, о чем свидетельствуют многие письма помещиков, адресованные председателю Совета министров.

Характерно, что, излагая проекты борьбы «с ужасным движением», наиболее последовательные сторонники аграрных преобразований вновь заговорили о необходимости «исправить злонамеренные ошибки, совершенные при освобождении крестьян», и с этой целью объявить «общий передел крестьянских и частновладельческих земель... наделив за счет государства всех созданных

несовершенством акта 1861 г. безземельных и малоземельных крестьян земель, взяв их из владений государственных, уездных, монастырских и частных, отдаваемых в аренду». В основу аграрной политики предлагалось положить разрушение общины, переселенческую политику и т. д.¹⁸⁴

В октябрьские дни 1905 г. в правящих сферах начинала брать верх идея «принудительного отчуждения» части помещичьих земель за выкуп для передачи их крестьянству. Идея принадлежала либеральной буржуазии и была нова, но тот факт, что ее сторонниками выступили Витте, Трепов, ранее являвшиеся ее принципиальными противниками, говорит о вынужденных уступках правящих кругов в аграрной политике осенью 1905. Об этом свидетельствует записка и проект манифеста по аграрному вопросу, составленные проф. С. Мигулиным. Николай II предложил обсудить проект в Совете министров, а инициатива изучения в Совете записки Мигулина принадлежала ген. Д. Ф. Трепову, изрядно напуганному ростом революции. Основной смысл предложения Мигулина сводился к проведению немедленного отчуждения части частновладельческих земель в пользу Крестьянского банка за значительную компенсацию¹⁸⁵.

Однако примечательно, что Совет министров в конце октября не разделил господствовавших в высших сферах настроений, и все министры, включая и главноуправляющего землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлера, отнеслись к проекту Мигулина отрицательно, указав, что «это дело касается самого важнейшего нерва жизни русского народа и требует всестороннего рассмотрения»¹⁸⁶. Поэтому Совет министров по предложению председателя Совета начал решение аграрного вопроса с частичных мер.

В целях увеличения продажи земли крестьянам было решено с 1 января 1907 г. отменить выкупные платежи и расширить операции Крестьянского поземельного банка, капитал которого увеличивался. Эти меры легли в основу указов от 3 ноября 1905 г. «Об облегчении задачи Крестьянского поземельного банка по содействию к увеличению площади землевладения малоземельных крестьян» и «Об уменьшении и последующем прекращении выкупных платежей с бывших помещичьих, государственных и удельных крестьян». Выгадали от принятых мер не малоземельные крестьяне, не имевшие возможности воспользоваться ссудами для приобретения земли, а все те же помещики. Они получили право продавать по выгодной цене те земли, которые могли быть потеряны в условиях революции¹⁸⁷.

Не случайно законодательные акты и манифест от 3 ноября получили благодарность и одобрение крупных землевладельцев. Так, в письме собрания Симбирского дворянства на имя Николая II говорилось о полной поддержке намеченной правительством меры. «В настоящее время,— писали симбирские помещики,— убедившись, что для обеспечения и успокоения сельского населения губернии необходимо уступить часть своих земель, и ставя

интересы государственные выше своих личных, мы готовы идти широко навстречу воле в. в., выраженной в манифесте 3 ноября». Приветствуя умеренные шаги правительства, они отдавали себе отчет в том, что вслед за указами от 3 ноября должны последовать более существенные меры, в противном случае успокоения крестьян не наступит. В том же письме симбирских дворян указывалось на необходимость улучшить экономическое положение крестьянского населения, так как «оно представляет благоприятную почву для крестьянского движения»¹⁸⁸.

Почему Витте на данном этапе отказался от плана принудительного отчуждения части частновладельческих земель, предложенного им в качестве принципа решения крестьянского малоземелья еще в его программе от 9 октября 1905 г.? Скорее всего председатель Совета министров хотел выиграть время, создавая иллюзии у крестьянства относительно «мирного пути» решения крестьянского вопроса, занять более осторожную позицию по отношению к крупнейшим помещикам, еще раз проверить реакцию на это предложение царя и поместного дворянства.

Но в период резкого подъема аграрного революционного движения председатель Совета министров вынужден был от частичных мер перейти к более решительным. Он поручил особой комиссии во главе с главноуправляющим землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлером разработать проект закона «О мерах к расширению и улучшению крестьянского землевладения».

Рост аграрного движения заставил комиссию Н. Н. Кутлера прибегнуть к более радикальным мерам, чем планировалось манифестом 3 ноября. Несмотря на отвергнутый Советом министров проект о принудительном отчуждении, Н. Н. Кутлер все-таки склонился именно к этому принципу.

С. Ю. Витте так описывает беседу с Н. Н. Кутлером, происходившую незадолго до обсуждения проекта комиссии: «Как-то раз, после заседания Совета, Кутлер сказал мне, что, чем глубже он занимается вопросом о дальнейших мерах по крестьянскому землевладению, тем больше он приходит к убеждению в неизбежности некоторого принудительного платного отчуждения в пользу крестьян»¹⁸⁹. Необходимость частичного отчуждения частновладельческих земель сам Н. Н. Кутлер мотивировал тем, что «слишком упорное отстаивание принципа неприкосновенности частной собственности и свободы распоряжения ею может привести при современных условиях к тому, что владельцы лишатся всего, и притом на самых разорительных для себя и для всей страны условиях».

Проект, выработанный комиссией Н. Н. Кутлера, предусматривал расширение землевладения крестьян прежде всего за счет казенных, удельных земель, земель различных ведомств, городских обществ, монастырей и других учреждений. И только в случае недостатка их — «за счет земли частных владельцев всех сословий». Казенные и удельные земли предлагалось отводить для расширения крестьянского землевладения распоряжением уезд-

ной земельной комиссии, в особо спорных случаях решение вопроса принадлежало губернским земельным комиссиям и Главному земельному комитету. Частновладельческие и ведомственные земли приобретались Крестьянским банком по добровольному соглашению с владельцами. При отсутствии такого соглашения допускалось принудительное отчуждение земли в соответствии с законом¹⁹⁰. Согласно проекту отчуждению подлежали преимущественно те помещичьи земли, которые сдавались в аренду, или необработанные целинные земли. К тому же помещикам предоставлялась возможность, не дожидаясь принудительного отчуждения, в течение шести месяцев продать необходимую часть земли Крестьянскому банку на выгодных условиях. Крестьяне за приобретенную землю обязаны были в течение 55 лет уплачивать ежегодно 5% оценочной стоимости отведенных им земель. Кутлеровский проект давал помещикам гораздо большие льготы, чем мигулинский.

Специальные разделы проекта посвящались Крестьянскому поземельному банку, на который возлагались операции по оценке земель, а также Главному земельному комитету, губернским и уездным земельным комиссиям — учреждениям, призванным непосредственно заниматься определением норм увеличения крестьянского землевладения, вопросами принудительного отчуждения, разверстанием чересполосности, поскольку в проекте признавалось необходимым «содействовать устранению чересполосности крестьянских паделных земель с прилегающими владениями».

На Главный земельный комитет возлагалось общее руководство деятельностью Крестьянского поземельного банка, губернских и уездных земельных комиссий. Возглавлял комитет главноуправляющий землеустройством и земледелием, половина его членов назначалась соответствующими министерствами и ведомствами, а половина избиралась Государственной думой «из числа лиц, известных знанием и опытом по вопросам землеустройства»¹⁹¹.

В губернские земельные комиссии включалось шесть представителей местной администрации и столько же членов выбиралось губернским земским собранием: трое от крупных землевладельцев и трое от крестьян. Такой же состав предполагался и для уездных земельных комиссий. По отношению к уездной земельной комиссии губернская обладала всеми полномочиями вышестоящей организации¹⁹². Таким образом, проект Кутлера передавал решение вопросов об определении размеров крестьянского землевладения, норм принудительного отчуждения части частновладельческих земель, а следовательно, и о целесообразности такого в каждом отдельном случае представителям правительственных ведомств и крупным землевладельцам. Крестьянство не могло играть решающей роли в деятельности названных учреждений.

Контроль за исполнением предлагаемого закона возлагался на Главный земельный комитет.

Разработанный комиссией Кутлера проект поступил в Совет

министров в последних числах декабря *. К этому времени меняется отношение правящих кругов к аграрному вопросу в силу изменившейся внутривластной ситуации. По словам С. Ю. Витте, о необходимости «обязательного отчуждения земли в пользу крестьян... сначала перестали говорить, потом начали выражать сомнение в целесообразности этой меры и, наконец, самую идею принудительного отчуждения, хотя бы за плату, начали признавать преступной, а тех, которые придерживаются такой ереси, — революционерами»¹⁹³.

При обсуждении проекта Н. Н. Кутлера в Совете министров проявились те же настроения. Часть членов Совета министров (кто именно, в докладе С. Ю. Витте Николаю II от 10 января 1906 г. не указывается) согласилась с проектом Н. Н. Кутлера, но большинство министров, отстаивая «святость и неприкосновенность» частной собственности, нарушение которой влечет опасности, «угрожающие государству», отвергли принцип «принудительного отчуждения» земли. Председатель Совета министров присоединился к мнению большинства, хотя и выразил сомнение в возможности объяснить народу «неосуществимость принудительного отчуждения частновладельческих земель». По сути дела, С. Ю. Витте колебался и выжидал, какую реакцию вызовет проект Н. Н. Кутлера в среде сановной бюрократии, особенно среди членов Государственного совета. С этой целью он отправил проект для ознакомления А. С. Ермолову, П. X. Шванебаху и П. П. Семенову¹⁹⁴. Убедившись, что ввиду быстрой перемены настроений в высших сферах о принудительном отчуждении земли не может быть и речи, Совет министров поручил Н. Н. Кутлеру включить в состав Особого совещания решительных противников отчуждения земли¹⁹⁵. Показательно, что председатель Совета министров во всеподданнейшем докладе сначала пространно остановился на карательных аспектах. Заверив царя в том, что «проявления революции в городах могут считаться подавленными настолько, что в резких формах революционные покушения происходить более не будут», С. Ю. Витте вместе с тем предупреждал Николая II, что «аграрные беспорядки не только не кончены, но едва ли не следует признавать их лишь вступившими в первый период. Можно ожидать весной нового, более сильного их проявления, если только не удастся предупредить сего соответственными мерами»¹⁹⁶. Среди них С. Ю. Витте назвал усиление сельской полиции, применение «с наибольшей для дела пользой военной силы», меры судебного воздействия, «усердие» при исполнении своего долга местными властями. И только после этого председатель Совета министров вскользь

* Это заседание было частного порядка, поэтому каких-либо отчетных материалов, кроме «всеподданнейшего» доклада С. Ю. Витте, где упоминается о проекте Кутлера, в фонде Совета министров не имеется. Председатель Совета министров обставил обсуждение кутлеровского проекта «тайной» и предупредил членов Совета министров о необходимости соблюдения таковой.

коснулся проекта Н. Н. Кутлера. Своего мнения Витте не высказывал, он лишь изложил точку зрения сторонников и противников принципа «принудительного отчуждения». В качестве основного аргумента в пользу проекта Кутлера сторонники его выдвигали то, что «представляется, по-видимому, предпочтительным для помещиков поступиться частью земель, как это было сделано в 1861 году, нежели лишиться всего, может быть, на условиях гораздо более невыгодных»¹⁹⁷.

Резолюции Николая II по поводу этого проекта «Не одобряю» и «Частная собственность должна оставаться неприкосновенной»¹⁹⁸ положили конец колебаниям председателя Совета министров. С. Ю. Витте сумел направить гнев царя, сановной бюрократии, поместного дворянства, черносотенных партий против Н. Н. Кутлера, который был вынужден уйти в отставку. Так Витте отказался от намеченного в его программе пути разрешения крестьянского малоземелья. Правительство переменяло тон в отношении крестьянского вопроса, подавив Декабрьское восстание в Москве. Январь стал переломным месяцем в настроении правительства и поместного дворянства. Показателем в связи с этим дальнейший ход событий.

Вскоре после обсуждения проекта комиссии Кутлера к царю и в Совет министров начали поступать многочисленные записки и официальные заявления, отражающие отрицательное отношение к проекту со стороны поместного дворянства. Поэтому предметом обсуждения в Совете министров, наряду с выводами Особого совещания при министерстве внутренних дел и комиссии при Главном управлении землеустройства и земледелия, по повелению Николая II стало заявление тамбовских дворян.

На втором этапе разработки мер по аграрному вопросу «кабинет» Витте учитывал программу по крестьянскому вопросу, намеченную январским съездом предводителей дворянства¹⁹⁹.

Совет министров сделал попытку реализовать часть мероприятий, выработанных Особым совещанием под председательством С. Ю. Витте еще до революции. «Наряду с вопросами о землеустройстве,— говорилось в докладе председателя Совета министров,— не менее важным представляется улучшение самих порядков и условий крестьянского землепользования... Разрешение двух вопросов, о признании надельных земель собственностью владельцев и об установлении порядка выхода крестьян из общества, в связи с выделом отдельных участков из состоящей в общинном владении земли, может иметь, по мнению Совета, благотворное влияние на крестьянское правосознание, внушив крестьянам более здравые взгляды на чужое право собственности»²⁰⁰.

Положив в основу «принцип дальнейшего развития частной собственности» и постепенной ломки общины, «кабинет» счел необходимым опровергнуть слухи о том, что правительство якобы согласно на отчуждение частновладельческой земли. Предлагалось издать в торжественной форме манифест, подтверждающий не-

прикосновенность земельной собственности. Крестьянам, участвовавшим в разгромах имений, грозили отказом в каком-либо содействии при приобретении земли²⁰¹.

Первоначально большинство министров выразили сомнение в своевременности издания такого манифеста перед открытием первой Государственной думы и предложили ограничиться соответствующим разъяснением со стороны министерства внутренних дел. Но уже 24 февраля Совет министров признал этот способ недостаточно действенным и, «по важности предполагаемой меры», присоединился к «мысли объявить волю в. вел. в торжественной форме манифеста». Правда, при этом признавалось желательным «избегать выражений принципиальных» о направлении земельной политики, о принудительном отчуждении земли и т. д.

Проект манифеста с поправками Совета министров был передан царю, но Николай II текста манифеста не одобрил (царю он показался слишком мягким) и по совету Д. Ф. Трепова признал «нежелательным издание манифеста по вопросу о крестьянских беспорядках»²⁰².

10, 17 и 24 февраля 1906 г. Совет министров рассматривал проект об образовании комитета и местных комиссий по землеустроительным делам и проект передачи Крестьянского поземельного и Дворянского земельного банков в Главное управление землеустройства и земледелия.

Вопрос о преобразовании Крестьянского банка встал на повестку дня; отмечалось Советом министров, в связи с тем что его основное назначение как учреждения ипотечного кредита расширялось «присоединяющимися задачами крестьянского благоустройства, выступающими даже на первый план»²⁰³.

Большинство членов Совета министров (С. Ю. Витте, В. П. Ламздорф, П. Н. Дурново, И. И. Толстой, А. Д. Оболенский, И. П. Шиннов) высказались против передачи Крестьянского поземельного банка в Главное управление землеустройства и земледелия, признав такое изменение «несвоевременным по финансовым соображениям»²⁰⁴. Лишь товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин настаивал на том, чтобы признать реформу Крестьянского и Дворянского банков в принципе необходимой. Первая попытка сосредоточить все учреждения, занимавшиеся землеустройством, в одном ведомстве — Главном управлении землеустройства и земледелия была отвергнута. С 1906 по 1912 г. Совет министров неоднократно возвращался к проектам реформы Крестьянского поземельного банка, но так и не решил изъять его из ведомства министерства финансов.

В конце февраля Совет министров занялся созданием землеустроительных комиссий, основная схема их была приведена в записке А. В. Кривошеина «О преобразованиях в крестьянском устройстве». В круг обязанностей местных землеустроительных комиссий намечалось включить выяснение хозяйственных нужд

крестьянства, посредничество между сторонами при разверстании чересполосности, оказание денежной и другой помощи крестьянам при расселении сел и образовании отрубных участков, содействие приобретению сельскохозяйственного инвентаря, улучшению хозяйственного быта в целом. Комиссии состояли из правительственных чиновников и «местных общественных деятелей» под председательством уездного предводителя дворянства. Как видим, структура и круг обязанностей землеустроительных комиссий не отличались в принципе от проектируемых Кутлером земельных комиссий. Представители беднейших крестьянских масс фактически не допускались в комиссии. Из 14 членов уездной комиссии (сюда же Совет министров включил и председателя уездной земской управы) крестьян было трое.

Совет министров при обсуждении вопроса о землеустроительных комиссиях сузил в значительной степени круг их деятельности, включив в их компетенцию лишь оказание посреднической помощи крестьянам в приобретении земель посредством Крестьянского банка (члены комиссии присутствовали при сделках, давали свои заключения о целесообразности той или иной покупки, цене на землю и т. д.). Всякое допустимое расширение компетенции комиссии обставлялось стеной бюрократических преград: ходатайство о том губернаторов, земских собраний, разрешение центральных правительственных органов²⁰⁵.

Губернские комиссии во главе с губернатором намечалось создать только в тех губерниях, где достаточно разовьется деятельность уездных комиссий. Что касается Комитета по землеустроительным делам при Главном управлении землеустройства и земледелия, то Совет министров отклонил мысль о введении в его состав выборных от земств. «Было бы правильно, — отмечалось в «Мемории» Совета министров, — вообще отказаться от участия в комитете земских представителей»²⁰⁶. Принятый Советом министров проект о землеустроительных комиссиях как указ правительствующему Сенату был утвержден Николаем II 4 марта 1906 г.

Что касается аграрных преобразований, то Особое совещание при министерстве внутренних дел довольно энергично разработало основные положения будущего указа 9 ноября 1906 г. и проект постановления об укреплении земли по фактическому владению²⁰⁷.

Ввиду предстоящего открытия первой Государственной думы Совет министров постановил, как явствует из «Мемории» Совета министров от 5 марта 1906 г., выступить «перед выборными людьми во всеоружии готовой и стройной программы по важнейшим вопросам предстоящей деятельности и не быть захваченным открытием первой сессии Думы врасплох»²⁰⁸. С этого момента проведение в жизнь правительственных аграрных мероприятий становится вопросом, определяющим взаимоотношения Совета министров и Думы, вопросом ее существования.

Однако председатель Совета министров попытался до откры-

тия Думы провести через Государственный совет утверждение Временных правил о порядке выхода крестьян из общины, о праве продажи и залога земли без согласия общества, укрепление в частную собственность наделов и подворных участков. С. Ю. Витте настаивал на издании хотя бы временных разъяснений по означенному вопросу. Но большинство Государственного совета не рискнуло до открытия Государственной думы проводить «коренную ломку законодательства о крестьянском землепользовании»²⁰⁹.

В последний месяц своей деятельности «кабинет» Витте дважды — 24 марта и 15 апреля — обсуждал предложения по крестьянскому вопросу. Совецание Никольского, которое было образовано по просьбе Совета министров, 5 марта 1906 г. выработало проект «Основных положений дел для изменения законодательства о крестьянах». В качестве главных мер предлагалось провести следующие: уравнивание крестьян в правах с другими сословиями в области суда, управления, уголовных и гражданских законов; замену семейного права владения наделной землей личным, общинно-участковым; право выхода из общины с укреплением в личную собственность части общинной земли; реорганизацию органов крестьянского самоуправления, создание отрубных и хуторских хозяйств, оказание помощи переселенцам²¹⁰.

«Кабинет» констатировал, что предусмотренные мероприятия, равно как и предыдущие «суждения» в Совете министров по крестьянскому вопросу, в настоящее время еще только являются предметом «разработки проектов в отдельных министерствах».

Итогом рассмотрения аграрных законопроектов явился проект декларации по крестьянскому вопросу. Обосновывая новый курс аграрной политики, «кабинет» Витте отмечал, что от того или иного решения крестьянского вопроса будут существенно зависеть грядущие судьбы России. Из основных направлений аграрной политики в проекте декларации были названы «объединение крестьян с другими сословиями в отношении гражданского правопорядка, управления и суда», «дальнейшее со стороны государственной власти попечение об экономических и земельных нуждах крестьянского населения, и в частности об обеспечении быта малоземельной части населения и содействие к увеличению площади крестьянского землепользования за счет свободных казенных земель или же путем покупки для сего правительством земель, если найдутся в бюджете средства, надлежащая деятельность землеустроительных учреждений и наконец развитие переселенческого дела»²¹¹.

Таким образом, массовые революционные выступления крестьянства заставили правительство вплотную заняться решением крестьянского вопроса. В деятельности «кабинета» Витте он занимал одно из главных мест. Ход обсуждения в Совете министров основных проектов аграрных реформ показывает, с каким трудом отступало «объединенное правительство» от традиционного курса политики в аграрном вопросе.

Отставка «кабинета»

Прежде чем говорить об отставке «кабинета» С. Ю. Витте, правомерно поставить вопрос, что представлял собой «кабинет» как коллегиальный орган «объединенного правительства». Ведь реформой Совета министров преследовалась цель создать «объединенное правительство». Но возможно ли было ее достигнуть в условиях самодержавной системы управления? Отношения между царем и председателем Совета министров, официальным правительством и камарильей, столь ярко проявившиеся в деятельности Совета министров первого состава, дают на это ясный ответ.

Вмешательство дворцовых кругов в государственное управление — явление, порожденное самой системой самодержавного строя. Вмешательство камарильи, а в более широком плане — реакционнейших помещиков-крепостников, проводником идей которых и была камарилья, в дела государственной жизни объясняется зависимостью самодержавной власти и ее официальных институтов от столпов крепостнического режима.

«Дело в том, — подчеркивал В. И. Ленин, говоря о социальных корнях указанного явления, — что у нас, как и во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом, существует собственно два правительства: одно официальное — кабинет министров, другое закулисное — придворная камарилья. Эта последняя всегда и везде опирается на самые реакционные слои общества, на феодальное — по-нашему черносотенное — дворянство, черпающее свою экономическую силу из крупного землевладения и связанного с ним полукрепостнического хозяйства»²¹². Камарилья назначала, сменяла министров, определяла в конечном счете личное отношение царя к министрам и председателям Совета министров и взаимоотношения внутри «кабинетов». А это, в свою очередь, порождало атмосферу интриг и разногласий в «кабинете». Она еще более обострялась вследствие широкого использования министрами «всеподданнейших докладов».

В результате каждый министр имел полную возможность проводить свою политику независимо от Совета министров и его председателя, получая согласие царя по докладываемому вопросу и, что не менее важно, «всеподданнейшие доклады» обеспечивали министрам бесконтрольное право инсинуировать друг против друга, изливая монарху «верноподданнические чувства».

Обстановка во время «всеподданнейших докладов» (министры имели еженедельный доклад, а некоторые и по нескольку раз в неделю) как нельзя лучше располагала к тому, чтобы использовать их для всякого рода закулисных дел. Перед началом докладов министры собирались в приемной. Ее постоянными посетителями были дворцовый комендант Трепов, кн. Орлов, гофмаршал Бенкендорф, министр двора Фредерикс. Здесь начинались рассуждения о том, что следовало бы делать. Трепов и Орлов задавали министрам вопросы, касавшиеся положения в Совете министров, выясняя отношения членов правительства к председателю. Тре-

пов при этом давал собственные оценки событиям и лицам «тоном, не допускающим возражений». Царь, возвращаясь с утренней прогулки, начинал прием министров. Первым к нему входил Д. Ф. Трепов и высказывал свое мнение по главным вопросам.

«Тот, кто хотел подладиться, поправиться, угодить царю и камарилье, не жалел красноречия во время докладов. Не обходилось и без прямых злоупотреблений,— констатировал И. И. Толстой.— Как часто Дурново на указание в Совете министров о нежелательности назначения того или иного губернатора заявлял: «Такова была воля г. им., объявленная мне на „всеподданнейшем докладе“». Проверить такое утверждение было невозможно»²¹³.

Показательно в связи с этим положение в Совете и при дворе первого председателя Совета министров С. Ю. Витте. Пока самодержавие нуждалось в услугах способного и гибкого Витте, с ним считались. Но Николай II видел в «премьере» лишь особо доверенное лицо, беспрекословно послушное его воле, роль которого заключалась в том, чтобы докладывать царю о коллективном мнении министров. Пока Витте был нужен двору, ему удавалось поддерживать и единство возглавляемой им коллегии министров. Влияние председателя Совета министров резко пошатнулось в конце 1905 г., когда было подавлено Декабрьское вооруженное восстание. Придворная камарилья, отделяясь постепенно от страшного испуга, все с большим отвращением относилась к председателю Совета министров и его «новому курсу». Это сразу сказалось на взаимоотношениях членов «кабинета» Витте. Первым сменил ориентацию министр внутренних дел Дурново. «Контакт» председателя Совета министров и министра внутренних дел оказался непродолжительным. «Дурново возражал против каждого предложения С. Ю. Витте,— отмечал министр просвещения,— как бы принципиально не одобряя всю конституционную затею»²¹⁴. Тем не менее до января 1906 г. С. Ю. Витте удавалось направлять в нужную ему сторону полицейский «опыт» Дурново. До зимы 1905 г. открыто поддерживал министра внутренних дел лишь морской министр А. А. Бирилев, который не вмешивался в дела, но был почти всегда на стороне Дурново.

Военный министр А. Ф. Редигер сохранял на заседаниях благожелательный нейтралитет. Министр иностранных дел Ламздорф и министр двора Фредерикс не участвовали в заседаниях Совета. Часть Совета министров, стоявшая за более последовательное проведение реформ,— главноуправляющий землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлер, министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев, министр народного просвещения И. И. Толстой и примыкавший к ним обер-прокурор Св. Синода А. Д. Оболенский — нередко «разочаровывались в возможности достигнуть каких-либо результатов» и все более отдалялись от председателя Совета министров, выступая против крайних мер Дурново. «Мы ответственны только за свои ведомства, а за общее направление ответствен только наш председатель»,— спешили заявить коллеги Витте²¹⁵.

Серьезным испытанием прочности «кабинета» стал отказ С. С. Манухина нарушить принцип «несменяемости» судей. Несогласие его с назначением в Сенат нужных Трепову людей вызывало раздражение. Вмешался сам Николай II. 7 ноября Витте получил записку от царя с указанием назначить заседание Совета министров на 9 ноября. Председательствовал Николай II. Был поставлен один вопрос — личный доклад министра юстиции. П. Н. Дурново и приглашенные на заседание члены Государственного совета К. И. Пален и Э. В. Фриш выступили с резкими нападениями на министерство юстиции и его местные органы, обвиняя их в слабости репрессий. После этого заседания С. С. Манухину пришлось подать в отставку. Подбирая новую кандидатуру, председатель Совета министров на этот раз руководствовался не своими личными отношениями, а просто искал по официальной справочной книжке, кто из сенаторов пользуется репутацией правых, чтобы удовлетворить и царя, и Трепова. В лице нового министра С. Ю. Витте нашёл ещё одного недоброжелателя в своем «кабинете». 15 декабря Николай II предложил пост министра юстиции сенатору М. Г. Акимову²¹⁶, весьма ограниченному чиновнику ультраконсервативных взглядов, близкому родственнику П. Н. Дурново. Репутация Акимова, кажется, устроила всех, Николай II писал о нем в Данию: «Мне очень нравится новый министр юстиции Акимов...»²¹⁷

В 20-х числах февраля последовала отставка министра торговли и промышленности. На сей раз председатель Совета министров поспешил избавиться от своего коллеги, связи которого с политическими авантюристами Мануйловым-Манусевичем, кн. Мещерским оказались достоянием прессы²¹⁸. Товарищ министра М. М. Федоров временно заменил отставленного В. И. Тимирязева.

С. Ю. Витте, по мере роста недовольства царя и камарильи политикой лавирования, а следовательно, и ослабления своей роли в Совете министров, попробовал прибегнуть к официальным мерам воздействия, опираясь на указ 19 октября 1905 г. 20 января 1906 г. председатель Совета министров потребовал от всех министров и начальников ведомств сообщать ему предварительно все подлежащие представлению царю доклады, «имеющие общее значение или касающиеся других ведомств»²¹⁹. Первое предупреждение С. Ю. Витте не имело успеха, и через месяц, 18 февраля, он разослал письма членам своего «кабинета» опять-таки о «всепоподаннейших докладах». «Озабочиваясь возможно полным достижением единства в действиях правительства и придавая в этом отношении важное значение,— говорилось в письмах председателя,— изложенному в ст. 17 указа 19 октября правилу, долгом считаю обратить на него внимание»²²⁰. Особенно независимо от Совета продолжал действовать министр внутренних дел П. Н. Дурново*. 5 февраля 1906 г. председатель Совета министров сообщил

* В придворных сферах он приобретал все больший вес, что свидетельствовало о поражении премьера. Министр внутренних дел перестал «ежиться»

министру внутренних дел в конфиденциальной записке, что вынужден ходатайствовать перед царем о применении порядка, установленного ст. 17 указа 19 октября, по которому он имел право, в случае надобности, присутствовать при «всеподданныхших докладах» министров ²²¹.

Правительству еще предстояли серьезные битвы с отступавшей революцией, но равновесие сил уже было нарушено в пользу самодержавия, и оно все решительнее переходило в наступление. Это отразилось на изменении политического курса и не могло не сказаться на судьбе «кабинета» Витте. Николаю II, его дворцовому окружению, реакционной сановной бюрократии казалось, что можно безболезненно вернуться к старому, перейти к решению политических вопросов с позиции силы и покончить с ненавистным курсом уступок и лавирования.

Таково было мнение и черносотенного дворянства. «Хозяева» России требовали немедленного изменения избирательного закона, обвиняли правительство в нерешительности.

Царь и камарилья не нуждались более в услугах С. Ю. Витте и его «кабинета». Особое недовольство царя и черносотенного дворянства вызвал сам факт обсуждения проекта Н. Н. Кутлера по аграрному вопросу. Для председателя и состава Совета министров он имел далеко идущие последствия. События, имевшие непосредственное отношение к последним месяцам существования «кабинета» Витте, разворачивались следующим образом.

Потребовав немедленной отставки главноуправляющего землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлера, Николай II 4 февраля на докладе председателя Совета министров указал нового кандидата — А. В. Кривошеина ²²².

Председатель Совета министров категорически отказался ввести А. В. Кривошеина в свой «кабинет» и 12 февраля поставил в известность Николая II о том, что сложит с себя полномочия главы Совета, если министерство не будет солидарно хотя бы по взаимному друг к другу отношению ²²³. Это было второе заявление Витте об отставке. Первый раз он готов был подать в отставку в январе. Но необходимость заключения займа и незавершенность отработки законодательных актов заставили царя повременить. Николай II якобы пошел на уступки, назначив А. В. Кривошеина временно, и дал председателю Совета министров право подобрать кандидата на пост главноуправляющего землеустройством и земледелием. Однако кандидаты, представленные председателем Совета министров — А. С. Ермолов, Ф. Д. Самарин и С. В. Кочубей, — были отвергнуты. Вокруг назначения преемника Н. Н. Кутлера развернулась борьба между Витте и Треповым. 20 февраля С. Ю. Витте получил записку

в заседаниях Совета даже при самых грозных окриках Витте. Подчеркивая свою независимость и преимущество, министр внутренних дел неделями не являлся на заседания Совета, не давая при этом объяснений своим действиям.

от царя. Дворцовая камарилья требовала ввести в Совет угодных ей министров; правда, пока это касалось незанятых постов. Министром торговли и промышленности (в связи с отставкой В. И. Тимирязева) царь назначил С. В. Рухлова, а главноуправляющим землеустройством и земледелием — А. В. Кривошеина. Председателю Совета министров пришлось сманеврировать. На частном совещании он объявил, что не считает для себя возможным работать с предлагаемыми кандидатами и готов подать в отставку²²⁴. Члены Совета понимали, что уход председателя повлечет смену всех министров в короткое время, поэтому решили обратиться к Николаю II с просьбой оставить министерство без смены состава хотя бы до созыва Думы²²⁵. С. Ю. Витте избавился от Кривошеина и Рухлова, но Главное управление землеустройством и земледелием возглавил А. И. Никольский, придерживавшийся резко критических взглядов в отношении политики Витте. Откровенная реакция брала верх. Это обстоятельство пугало председателя Совета министров, как, впрочем, и некоторых членов Совета, особенно в условиях предполагаемого весной аграрного движения и левой Думы. Витте осознавал трудность лавирования между крепнувшей реакцией и левой Думой. Дворцовая камарилья готовила смену Совета еще в январе 1906 г. Надвигавшиеся весенние события (аграрное движение и созыв нежелательной по своему составу Думы) ускорили решение Николая II. Д. Ф. Трепов, вел. кн. Николай Николаевич, одобрявшие полгода назад программу Витте, заговорили о ее неспособности справиться со «смутой» и решили изменить политический курс, встретив созыв Государственной думы проведением в жизнь «твердой политической линии». Накануне отставки правительства они вели почти ежедневные беседы с царем, обсуждая задачи и цели правительственной политики²²⁶. Слухи об отставке С. Ю. Витте вызвали широкие отклики в печати. «Новое время», касаясь возможной отставки председателя Совета министров, писало: «Уход гр. Витте едва ли явится точкой в его государственной карьере, едва ли даже запятой. Отставка, как говорят, будет перемещением с одного очень важного поста на пост более важный. В качестве председателя верхней палаты С. Ю. Витте явится тем же, только переехавшим на более опасную и более нуждающуюся в его личном присутствии должность. Гр. Витте должен обеспечить, чтобы верхняя палата осталась за правительством, чтобы сдерживать нервность нижней палаты»²²⁷. Но в Царском Селе решили навсегда расстаться с С. Ю. Витте*.

* Не оправдались прогнозы прессы в отношении бывшего председателя Совета министров. Николай II не назначил С. Ю. Витте даже членом Государственного совета, в то время как Дурново и Акимов были сразу после отставки введены в состав Совета. Этот факт и самые ярые враги Витте расценили как мелкую месть Николая II. Только после вмешательства Д. М. Сольского С. Ю. Витте и С. С. Манухин вошли в Государственный совет.

Председатель Совета министров вынужден был подать в отставку. Видя, что политический курс кнута и пряника, курс лавирования и обещаний рухнул, С. Ю. Витте 16 апреля 1906 г. подал прошение об отставке. 20 апреля Николай II удовлетворил просьбу председателя Совета министров. Вслед за Витте вынуждены были уйти в отставку министр народного просвещения И. И. Толстой, обер-прокурор Св. Синода А. Д. Оболенский, министр иностранных дел В. Н. Ламздорф. О своем решении царь известил их всех по неофициальным каналам через «доверенных лиц». Этот факт еще раз говорит о полной бесконтрольности самодержавной власти в делах высшего государственного управления.

Несмотря на одобрение действий министра внутренних дел и министра юстиции, Николай II вынужден был освободить перед открытием Думы со своих постов П. Н. Дурново и М. Г. Акимова.

Первый состав Совета министров закончил на этом свою деятельность.

* * *

Деятельность Совета министров во главе с С. Ю. Витте продолжалась полгода, из них 2,5 месяца пришлось на период наивысшего подъема революции. Первый «кабинет» был сформирован из известных представителей высшей бюрократии. Совет министров первого состава разрабатывал и осуществлял решение важнейших вопросов внутренней политики царизма, связанных с первоочередной задачей — борьбой против революции. Деятельность «кабинета» Витте наглядно показывает, насколько не гарантированы были «свободы», данные царской «конституцией». Правительство, возглавляемое автором «конституции», пустило в ход все звенья карательного аппарата, обрушив с невиданной жестокостью его мощь на восставший народ.

Пытаясь ослабить силы революции, Совет министров перешел к осуществлению реформ, рассчитанных на привлечение на свою сторону либеральной буржуазии. Весь ход обсуждения законодательных актов, касавшихся государственных преобразований, говорит об узких рамках реформистских возможностей самодержавия, пытавшегося приспособиться под ударами революции к капиталистическому развитию с помощью подновления форм правления, не меняя при этом своей сути.

Попытки найти общий язык с буржуазией в будущей Думе правительством Витте осуществлялись в двух направлениях: как переговоры с лидерами буржуазии о вхождении в состав правительства и как подготовка министерской программы для внесения в первую Думу. При решении первого из них неизбежно встал вопрос о дележе власти. Он остался камнем преткновения для всех трех «кабинетов» периода революции. В нем проявилось неразрешимое противоречие между старой властью и условиями капиталистического развития России.

К важнейшим элементам политики «кабинета» относится попытка разрешения главных вопросов революции — рабочего и аграрного.

«Кабинет» С. Ю. Витте прежде всего сосредоточил внимание на пресечении роста рабочего движения. Законопроекты о фабрично-заводском труде были переданы в новое совещание. Частичные мероприятия, рассматривавшиеся правительством, в рабочем вопросе сводились к ограничению рабочего дня, образованию примирительных мер, государственному страхованию.

Революция заставила правительство пересмотреть старые направления политики по аграрному вопросу. Рассмотрение его в «кабинете» Витте привело к отставке его «кабинета».

Примечания

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 1.
- ² См.: Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1975, с. 151—158; Рабочий класс в первой Российской революции 1905—1907 гг. М., 1981, с. 154—162.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 12, с. 28.
- ⁴ Там же, с. 2.
- ⁵ См.: Красный архив, 1925, т. 4/5, с. 28—32.
Событиям, связанным с появлением манифеста 17 октября, оценке этого акта самодержавия в советской исторической и юридической литературе уделено большое внимание: О манифесте и борьбе вокруг него в правящих сферах: Сидельников С. М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962; Яковлев Н. Н. Народ и партия в первой русской революции. М., 1965; Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970; Бовыкин В. И. Революция 1905—1907 гг. М., 1965; Мироненко К. Н. Манифест 17 октября 1905 года.— Учен. зап. ЛГУ, 1958, вып. 10; Васильева Н. И., Гальперин Г. Б., Королев А. И. Первая Российская революция и самодержавие. Л., 1975; Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975; и др.
- ⁶ Красный архив, 1927, т. 22(3), с. 169.
- ⁷ См.: Там же, 1923, т. 4, с. 71; см. также: ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 8, л. 68.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 5.
- ⁹ См.: Красный архив, 1931, т. 2(45), с. 89; см. также: ЦГАОР СССР, ф. 564, оп. 1, д. 161, л. 1.
- ¹⁰ Новое время, 1905, 5 окт.
- ¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 238, л. 2.
- ¹² Красный архив, 1927, т. 22(3), с. 168.
- ¹³ ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 238, л. 2.
- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 28.
- ¹⁵ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, т. 2, с. 99.
- ¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 36, л. 28; Красный архив, 1925, т. 4/5, с. 59—61.
- ¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 36.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 121.
- ¹⁹ ЦГИА СССР, оп. 1, д. 36, л. 31.
- ²⁰ Там же, л. 32.
- ²¹ Красный архив, 1925, т. 4/5, с. 58—59.
- ²² Там же, с. 59.
- ²³ Там же, с. 48—49.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же, с. 49.
- ²⁶ Революция 1905 года и самодержавие: Сб. док. М.; Л., 1928, с. 391.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 406.
- ²⁹ См.: Сидоров А. Л. Предисловие к Воспоминаниям С. Ю. Витте. М., 1960, т. 1.
- ³⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, 11, 12.

- ³¹ Там же. т. 12, с. 76.
- ³² *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1963, т. 3, с. 123.
- ³³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 102.
- ³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 30, 36, 56.
- ³⁵ *Витте С. Ю.* Указ. соч., т. 3, с. 60.
- ³⁶ См.: *Шипов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918, с. 344.
- ³⁷ Там же, с. 335.
- ³⁸ См.: *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции, с. 152—156; *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 г.: (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977, с. 10—16.
- ^{38а} Новое время, 1905, № 10610, с. 2.
- ³⁹ *Шипов Д. Н.* Указ. соч., с. 345.
- ⁴⁰ *Витте С. Ю.* Указ. соч., с. 73—78.
- ⁴¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 50.
- ⁴² *Шипов Д. Н.* Указ. соч., с. 343.
- ⁴³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 33, л. 1, 46.
- ⁴⁴ См.: *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции, с. 153—157; *Сидельников С. М.* Образование и деятельность первой Государственной думы, с. 48—49.
- ⁴⁵ *Милюков П. Н.* Три попытки. Париж, 1921, с. 7.
- ⁴⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 97.
- ⁴⁷ Красный архив, 1927, т. 3, с. 170.
- ⁴⁸ *Старцев В. И.* Указ. соч., с. 20.
- ⁴⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 407.
- ⁵⁰ *Витте С. Ю.* Указ. соч., т. 3, с. 116.
- ⁵¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 54—55.
- ⁵² Красный архив, 1925, т. 4/5, с. 146—148.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ См.: Революция 1905—1907 гг. в России, гл. 6—7.
- ⁵⁵ См.: *Полянский Н. Н.* Царские военные суды в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1958, с. 11—14.
- ⁵⁶ См.: Там же, с. 14.
- ⁵⁷ Там же, с. 17.
- ⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 98, л. 6.
- ⁵⁹ Там же, л. 7—8.
- ⁶⁰ Там же, д. 80, л. 6.
- ⁶¹ Там же, д. 92, л. 1.
- ⁶² Там же, л. 2.
- ⁶³ Там же, л. 2—3.
- ⁶⁴ Там же, л. 4.
- ⁶⁵ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 181—182.
- ⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 94, л. 5.
- ⁶⁷ Там же, л. 15.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Там же, л. 17.
- ⁷² Там же, д. 77, л. 6.
- ⁷³ Там же, л. 1.
- ⁷⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 345.
- ⁷⁵ См.: Революция 1905 года и самодержавие: Сб. док., с. 125.
- ⁷⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 76, л. 6.
- ⁷⁷ Красный архив, 1935, т. 3, с. 43.
- ⁷⁸ ЦГАОР, ф. 671, оп. 1, д. 23, л. 1.
- ⁷⁹ Красный архив, 1925, т. 4/5.
- ⁸⁰ Там же, 1927, т. 3, с. 187.
- ⁸¹ Революция 1905 года и самодержавие: Сб. док., с. 30—31.
- ⁸² Революция 1905—1907 гг. в России. Док. и материалы. М., 1955, ч. 2, с. 22—27.
- ⁸³ Красный архив, 1928, т. 4, с. 189.
- ⁸⁴ Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг.: Сб. док. М.; Л., 1925.
- ⁸⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 111—112.
- ⁸⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 98, л. 23.
- ⁸⁷ Там же, оп. 1, д. 89, л. 1, 3.
- ⁸⁸ Там же, л. 39.
- ⁸⁹ Там же, л. 59.
- ⁹⁰ Правительственный вестн., 1905, 18 дек.
- ⁹¹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 89, л. 401.
- ⁹² Там же, д. 77, л. 9.
- ⁹³ Там же, д. 81, л. 2.
- ⁹⁴ ЗПСЗ, 1905, ст. 27008.
- ⁹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 96, л. 14.
- ⁹⁶ Там же, д. 81, л. 1.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 181—182.
- ¹⁰⁰ Там же, т. 13, с. 375.
- ¹⁰¹ Там же, т. 12, с. 348.
- ¹⁰² См.: *Васильева Н. И., Гальперин Г. Б., Королев А. И.* Указ. соч., с. 131—132.
- ¹⁰³ См.: *Сидельников С. М.* Указ. соч., с. 64—65.

- 104 ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 2, д. 21, л. 63.
- 105 Там же.
- 106 Стенограммы царскосельского декабрьского совещания.— Былое, 1917, № 3, с. 229.
- 107 ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 2, д. 21, л. 62.
- 108 См.: *Таганцев Н. С.* Пережитое, Пг: М., 1924, с. 13—22.
- 109 См.: *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. Берлин, Б., г., с. 61.
- 110 Стенограммы царскосельского декабрьского совещания.— Былое, 1917, № 3, с. 224.
- 111 Там же, с. 258.
- 112 Там же, с. 248.
- 113 Там же, с. 263.
- 114 СУ, 1905, 11 дек., № 239.
- 115 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 166.
- 116 Там же, с. 9.
- 117 Стенограммы царскосельского декабрьского совещания.— Былое, 1917, № 5/6, с. 295; см. также: Новое время, 1905, 29 дек.
- 118 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 160, 201, 167, 268, 330, 337.
- 119 Там же, с. 205.
- 120 Цит. по: *Таганцев Н. С.* Указ. соч., с. 157.
- 121 См.: ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 7, л. 1.
- 122 *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма. М., 1975, с. 25, 32.
- 123 См.: *Ерошкин Н. П., Куликов Ю. В., Чернов А. В.* История государственных учреждений до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1968, с. 30.
- 124 См.: *Васильева Н. И., Гальперин Г. Б., Королев А. И.* Указ. соч., с. 106—111.
- 125 ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 2, д. 23, л. 379.
- 126 Там же, ф. 1276, оп. 2, д. 7, л. 39.
- 127 Там же, л. 32.
- 128 Цит. по: *Таганцев Н. С.* Указ. соч., с. 169—170.
- 129 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 7, л. 13.
- 130 Там же, ф. 1544, оп. 2, д. 23, л. 408.
- 131 Там же, ф. 1276, оп. 2, д. 7, л. 42—43.
- 132 Там же, ф. 1544, оп. 2, д. 23, л. 398.
- 133 Там же, л. 398.
- 134 Там же.
- 135 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 7, л. 48.
- 136 Там же, л. 51.
- 137 Цит. по: *Таганцев Н. С.* Указ. соч., с. 167.
- 138 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 7, л. 53.
- 139 Стенограммы царскосельского декабрьского совещания.— Былое, 1917, № 4, с. 190—192.
- 140 Там же, с. 234.
- 141 Там же, с. 236.
- 142 Там же.
- 143 Красный архив, 1905, т. 11/12, с. 116.
- 144 Подробно о тактике кадетов накануне открытия первой Государственной думы и в связи с этим отношением к проекту Основных законов см.: *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции, с. 257—261.
- 145 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 396.
- 146 См.: ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 140, л. 1—2.
- 147 См.: *Сидельников С. М.* Указ. соч., с. 86.
- 148 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 34, л. 6.
- 149 Там же, д. 44, л. 185; оп. 2, д. 8, л. 212—214.
- 150 Там же, д. 49, л. 186.
- 151 См.: Как выбирали в Государственную думу. СПб., 1906, л. 6.
- 152 Там же, л. 9.
- 153 Там же, л. 8.
- 154 Там же, л. 9.
- 155 Там же, л. 53.
- 156 Там же, л. 61.
- 157 Там же, л. 56.
- 158 Там же.
- 159 Там же, л. 98.
- 160 Там же, л. 233.
- 161 РОГБЛ, ф. 218, картон 1290, д. 5, л. 298.
- 162 Там же, л. 299.
- 163 См.: ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 62, л. 3.
- 164 *Лаверычев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России 1861—1917. М., 1972, с. 172.
- 165 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 62, л. 40.
- 166 Там же, л. 40.
- 167 Там же, л. 107.
- 168 Там же, л. 139.
- 169 Там же, л. 163.
- 170 Там же, л. 159.
- 171 Там же, с. 198.
- 172 Там же, с. 194.
- 173 Там же, д. 79, л. 18.
- 174 Там же, л. 2.
- 175 Там же, л. 23—34.

- 176 Там же, с. 58.
 177 Там же, л. 59.
 178 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 171—172; т. 16, с. 403.
 179 *Симонова М. С.* Аграрная политика самодержавия в 1905 г.— В кн.: Исторические записки. М., 1968, т. 81, с. 202—203.
 180 См.: *Симонова М. С.* Политика царизма в крестьянском вопросе накануне революции.— В кн.: Исторические записки. М., 1963, т. 75, с. 248.
 181 См.: *Сидельников С. М.* Земельно-крестьянская политика самодержавия в преддумский период.— История СССР, 1976, № 4, с. 130.
 182 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 4, л. 12.
 183 Там же, л. 14—16.
 184 См.: ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 57, л. 178, 186, 260, 261; оп. 1, д. 72, л. 30.
 185 Аграрный вопрос в Совете министров в 1906 г. М.; Л., 1924, с. 16.
 186 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 98, л. 8.
 187 См.: *Дубровский С. М.* Указ. соч., с. 67—69.
 188 Аграрный вопрос в Совете министров в 1906 г., с. 26—27, 23.
 189 *Витте С. Ю.* Указ. соч. М., 1960, т. 3, с. 199.
 190 Аграрный вопрос в Совете министров в 1906 г., с. 46.
 191 Там же, л. 38.
 192 Там же, л. 39.
 193 *Витте С. Ю.* Указ. соч., т. 3, с. 199.
 194 Аграрный вопрос в Совете министров в 1906 г., с. 77.
 195 Там же, с. 76—77, 79.
 196 Там же, с. 71.
 197 Там же, с. 78—79.
 198 Там же, с. 76.
 199 См.: *Сидельников С. М.* Земельно-крестьянская политика самодержавия в преддумский период.— История СССР, 1976, № 4, с. 130.
 200 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 60, л. 10.
 201 Там же, л. 78.
 202 Там же, д. 96, л. 80, 120.
 203 Аграрный вопрос в Совете министров в 1906 г., с. 120.
 204 Там же, с. 122.
 205 Там же, с. 128.
 206 Там же, с. 130.
 207 См.: *Дубровский С. М.* Указ. соч., с. 97—99.
 208 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 96, л. 156.
 209 См.: *Сидельников С. М.* Указ. соч., с. 131.
 210 См.: Аграрная реформа Столыпина: Сб. док. М., 1973, с. 66—67.
 211 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 87, л. 55, 59.
 212 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 140.
 213 РОГБЛ, ф. 218, картон 1290, д. 5, л. 317.
 214 Там же, л. 337.
 215 Там же, л. 336.
 216 ЦГАОР СССР, ф. 601, д. 249, л. 101.
 217 Красный архив, 1927, т. 3, с. 187.
 218 *Витте С. Ю.* Воспоминания, т. 3, с. 198.
 219 РОГБЛ, ф., 218, картон, 1290, д. 5, с. 383.
 220 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 36, л. 56.
 221 Там же.
 222 *Витте С. Ю.* Указ. соч., т. 2, с. 204.
 223 ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 107, л. 1.
 224 *Витте С. Ю.* Указ. соч., с. 212.
 225 Там же.
 226 ЦГАОР СССР, ф. 691, оп. 1, д. 249, л. 71—74.
 227 Новое время, 1906, 20 апр., с. 3.

ВО ГЛАВЕ НАСТУПАЮЩЕЙ РЕАКЦИИ
(апрель 1906 г.— июнь 1907 г.)

«Кабинет» И. Л. Горемыкина

Весной—летом 1906 г. волна революционного движения поднялась вновь. В апреле—сентябре стачечная борьба промышленных рабочих по размаху не уступала борьбе в те же месяцы 1905 г. Забастовочное движение в апреле—июле 1906 г., по данным фабричной инспекции, охватило около 650 тыс. рабочих, причем на долю участников политических стачек приходилось около 55% всех забастовщиков¹.

Под воздействием революционного пролетариата усилилось затихнувшее зимой 1906 г. крестьянское движение, охватившее 32 губернии Европейской России. Число крестьянских выступлений с апреля по июль возросло с 47 до 682². Совершенствовались методы борьбы народных масс. Она носила более организованный характер. Народ вел вооруженную партизанскую войну против царизма.

Несмотря на все старания правительства обеспечить победу на выборах правым партиям, первая Государственная дума по своему составу оказалась левой. Из 412 депутатов было 177 — от кадетов, 36 — от прогрессистов, 47 — от левых, 26 — от октябристов, 2 — от торгово-промышленной партии, 8 — от других правых партий, 4 — от партии демократических реформ, 29 — от национальных партий, 83 — от беспартийных³.

Видя, что политика лавирования и уступок не принесла ожидаемых результатов, самодержавие попыталось покончить с ней. В соответствии с этой целью подбирался и новый состав исполнительного органа.

Прекратились, правда еще на время, заигрывания с крупнейшей буржуазией и приостановились переговоры с лидерами буржуазных партий насчет министерских портфелей. Первая попытка кадетов доказать самодержавной власти, что в ее же интересах протянуть руку будущей Думе и сторговаться на замене, как говорил В. И. Ленин, «чиновничьего министерства министерством „честного буржуа“»⁴, не увенчалась успехом. У царя и камарильи были свои планы. Они хотели попытаться объявить войну первой Государственной думе, свести на нет вырванные революционным народом уступки, окончательно задуть аграрное и рабочее движение. Центральной фигурой сопротивления курсу лавирования был Николай II и стоявшие за ним столпы реакционного поместного дворянства. Поэтому в новый «кабинет» подбирались министры крайне консервативных взглядов. Заплани-

ровав еще до начала работы Думы ее разгон, Николай II и его «домашняя лаборатория» поставили на пост председателя Совета министров безынициативного, послушного камарилье чиновника, роль которого сводилась к одному — ответить твердым «нет» на все предложения кадетской Думы, дать понять Думе, что правительство считаться с ней не намерено, что полоса заигрываний подходит к концу.

И. Л. Горемыкин стал председателем Совета министров 20 апреля 1906 г. Карьера его началась со службы в Сенате, куда он поступил после окончания училища правоведения. В 1866 г. в возрасте 27 лет Горемыкин получил назначение в Польшу на должность вице-губернатора и в течение ряда десятилетий служил царизму на самых высоких постах бюрократической иерархии. В 1891 г., к этому времени уже товарищ министра юстиции, И. Л. Горемыкин руководил изданием «Свода узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского хозяйства». На посты товарища министра юстиции, а затем и министра внутренних дел И. Л. Горемыкин выдвинулся с наступлением реакции и был одним из проводников политического курса контрреформ. Горемыкину было доверено председательствование в Особом совещании «О мерах к укреплению крестьянского землевладения». Назначение И. Л. Горемыкина председателем Совета министров перед открытием Думы для многих, даже правых министров, было неожиданностью.

Такие его качества, как непоколебимая приверженность ультрамонархизму, и национализму, враждебность самой идее «представительных учреждений», полное отсутствие гибкости, по мнению царя, были лучшей гарантией твердого правительственного курса. Назначение Горемыкина главой Совета министров явилось своеобразным вызовом кадетской Думе.

Но именно такой председатель Совета министров нужен был тем, кто, пользуясь своим придворным всемогуществом, захватывал в свое полное и безраздельное владение официальное правительство — кабинет министров⁵. В беседе с В. Н. Коковцовым Николай II довольно откровенно заявил, что он не намерен впредь идти ни на какие уступки и уверен: Горемыкин не сделает этого за его спиной и не нанесет ущерба царской власти⁶. В противоположность своему предшественнику новый председатель Совета министров за его приверженность к старому этикету находился в числе сановников, наиболее приятных и императрице. «Что особенно нравилось императрице в нем, — отмечал А. П. Извольский, — так это то упрямство, с которым он обнаруживал свои ультрамонархические чувства»⁷.

В период «премьерства» Горемыкина в системе высшей исполнительной власти прослеживается тенденция к восстановлению прежних порядков. Ликвидировать Совет министров как высшее учреждение самодержавия уже не могло, так как это противоречило бы интересам самодержавия в условиях деятельности Думы. Но по характеру своей деятельности, роли председателя Совета

министров в государственном управлении горемыкинский «кабинет» более напоминал прежний, дореформенный Совет министров.

Новый председатель Совета министров не занимался формированием своего «кабинета». Совет министров подбирался ген. Треповым. Сами министры характеризовали министерство Горемыкина «странным сборищем чиновников». Единственно, что связывало их, «это антипатия к новому порядку вещей»⁸.

Большинство членов Совета состояло из представителей ультрамонархической бюрократии. Главноуправляющим землеустройством и земледелием был назначен А. С. Стишинский. Это назначение чуть не привело к конфликту даже в горемыкинском Совете, поскольку некоторые министры находили «неудобным» включать в Совет министров Стишинского, известного своими ультрареакционными взглядами⁹. Обер-прокурором Св. Синода стал А. А. Ширинский-Шихматов, слышавший даже у К. П. Победоносца реакционером. Государственного контролера Д. А. Философова сменил также ярый реакционер П. Х. Шванебах. На посту министра юстиции оказался И. Г. Щегловитов, к этому времени получивший в дворцовых сферах репутацию правого, впоследствии один из лидеров крайне правых в Государственном совете. И. П. Шипова сменил видный царский чиновник В. Н. Кокцов, без колебаний вошедший в горемыкинский совет. Министерство путей сообщения возглавил начальник Николаевской железной дороги Н. К. Шауфус, зарекомендовавший себя сторонником твердого курса в борьбе с забастовочным движением. Министерство народного просвещения перешло под начальство П. М. Кауфмана, лица, соответствующего по своим взглядам перечисленным членам Совета.

Из прежнего состава Совета министров в новое правительство вошли «несменяемые»: военные министры А. Ф. Редигер, А. А. Бирилев, в качестве управляющего министерством торговли и промышленности — М. М. Федоров, почти не присутствовавший на заседаниях Совета, на место министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа назначили бывшего посла в Дании А. П. Извольского — лицо, близкое царской семье. А. П. Извольский считал себя «белой вороной» в кабинете Горемыкина и примыкал к «умеренному» крылу Совета министров. И только пост министра внутренних дел занял еще малоизвестный высшим чиновничьим кругам Петербурга саратовский губернатор П. А. Столыпин. В официальных петербургских кругах ходили слухи, что Столыпин, как и Витте, будет лавировать и уступать. Но в Царском Селе придерживались иного мнения. Николаю II П. А. Столыпин был известен как «распорядительный и энергичный» губернатор. Особенно ценились его заслуги в период разгара крестьянского движения в Саратовской губернии. «Энергичный» губернатор по своей инициативе сурово расправился с восставшими.

Формирование нового министерства закончилось перед открытием первой Государственной думы.

Председатель Совета министров И. Л. Горемыкин и большин-

ство членов его «кабинета» были орудием политики дворцовой камарильи, решившей разогнать Думу и, если удастся, покончить разом с «новым» курсом путем государственного переворота. Почву для этого акта по указанию камарильи должно было подготовить правительство реакционной бюрократии.

С мая 1906 г. начал свою деятельность горемыкинский «кабинет». Она была кратковременной: за 2,5 месяца работы прошло 11 официальных заседаний: три — в мае, пять — в июне, три — в июле 1906 г. В их числе два секретных — 7 и 8 июня, на которых решалась судьба Думы. Большинство официальных заседаний было посвящено решению текущих административных дел (Малый Совет министров). По-прежнему в центре внимания были вопросы карательной политики. В ней «кабинет» Горемыкина четко следовал курсу «кабинета» С. Ю. Витте. Продлевались действия чрезвычайной и усиленной охраны, на усиленном положении объявлялись новые местности. Хотя военное положение частично отменялось, оно заменялось чрезвычайным или усиленным: исключительные меры управления были продлены в 4 областях, 8 губерниях, 10 уездах, 8 городах. Выделялись дополнительные средства на содержание полиции. Так, по росписи на «экстренные надобности» из казны было ассигновано 135 тыс. руб. на содержание полиции в Баку. В то же время революция заставляла даже «кабинет» И. Л. Горемыкина маскировать карательную политику. Прежде всего это сказалось при разработке проекта реформ в связи с революционным выступлением студенчества. Сославшись на заключение совещания министров и председателей департаментов Государственного совета, состоявшегося еще в феврале 1905 г., Совет министров признал «нежелательным немедленное применение репрессивных мер» против высшей школы, но счел необходимым отметить, что «образ действий многих профессоров... не соответствует требованиям долга», и поручил начальникам учебных заведений и соответствующим министрам принять «энергичные меры» для «водворения порядка во всех учебных заведениях». Только после этого Совет министров считал целесообразным перейти к рассмотрению вопроса о реформе университетского и народного образования. Продолжая наступление на революцию, Совет министров широко использовал выработанные «кабинетом» Витте карательные законы.

Что касается остальных вопросов, рассматривавшихся в Совете министров, то решение их было связано с кредитами на переселенческое дело или с обсуждением неотложных финансовых дел.

Карательная политика

О кредите на содержание полицейских установлений в Баку в усиленном составе

О продлении положений Совета министров об усиленной и чрезвычайной охране в губерниях, городах и уездах

Об увеличении численности и составе земель Сибирского казачьего войска

Об объявлении в положении усиленной охраны Закаспийской области

О разработке проекта реформы в связи с революционными выступлениями студенчества

Относительно изменений ст. 55—57 Уголовного уложения (вопрос возбужден в Государственной думе)

Аграрный вопрос

По ходатайству Владимирского земельного собрания о внесении в Городскую думу проекта увеличения площади крестьянского землевладения

Об обнаружении части закона 30 мая 1899 г. о мерах к облегчению уплаты выкупного долга

О выдаче ссуды в 50 тыс. руб. для устройства переселенцев

О водворении переселенцев в Енисейской губ.

Совет министров и Государственная дума

О роспуске Государственной думы

О проекте программы министерств, готовящихся к внесению в Государственную думу

Экономика и финансы

О финансовом положении некоторых учреждений долгосрочного кредита

Об изыскании сооружения железнодорожной линии Канск — Берингов пролив

О производстве изысканий на строительство железной дороги от Сре-тенска до Хабаровска

О разрешении увеличения кредита Брянскому рельсопрокатному заводу

Об учреждении вневедомственного совещания по вопросу претензий, вызванных Японской войной

Совет министров второго состава собирался преимущественно для решения чрезвычайного вопроса — определения тактики по отношению к Думе. Председатель Совета министров проводил неофициальные совещания членов Совета у себя на квартире. Деятельность Совета министров в этот период носила совещательный характер. Обсуждение поднимаемых вопросов в большинстве случаев ограничивалось обменом мнениями. «Ширинский-Шихматов, Стишинский,— вспоминал А. П. Извольский,— твердили, что для нормальной деятельности правительства надо восстановить самодержавие. Шванебах проводил время в нескончаемых нападках на Витте»¹⁰. Абсолютно безынициативный Горемыкин, считавший Совет министров «бесполезным новшеством», почти на каждом заседании Совета говорил, что ничего не будет предпринимать без прямых указаний Николая II¹¹.

Координация высшего административного управления осуществлялась в период горемыкинского «премьерства» царем путем «всепопданнейших докладов».

Совет министров и законодательные учреждения

«Кабинет» Горемыкина лицом к лицу встретился с первым в истории законодательным представительным учреждением. Сквозь призму их отношений прослеживается положение Совета министров в системе государственного управления Российской империи. Совет министров как «объединенное правительство» должен был играть роль посредника между Думой и царем, беря на себя ответственность за проведение политики как в целом, так и отдельных ее вопросов. Совет министров должен был также обеспечить самодержавию возможность лавирования при проведении им того или иного политического курса. Последнее обстоятельство отразилось и в законодательных актах 20 февраля 1906 г. Государственная дума получила законодательные права. Однако эти права были крайне ограничены. Пересмотр или изменение Основных законов, как и амнистия, восстановление политических прав ранее осужденных лиц оставались прерогативой монарха. Дума не имела права ставить вопрос об изменении Положения о выборах (ст. 10¹). Думские комиссии могли разрабатывать проекты предлагаемых депутатами законов только в случае отказа от этого министров, что практически исключалось¹². Таким образом, преимущественное право разработки законов получали министры, а 87-я статья Основных законов давала правительству возможность, помимо Думы, направлять законопроект на утверждение царя. До минимума были урезаны бюджетные права Думы. Она утверждала бюджет, но фактически не могла контролировать расход средств из казны. Это позволило «кабинету» не допускать вмешательства «законодательного учреждения» в тонкости кредитования ведомств. Так, Совет министров категорически отверг требование Государственной думы третьего созыва об изменении правил рассмотрения государственной росписи. «Представлялось бы нежелательным,— говорилось в ответе «кабинета» законодательной Думе,— применение к законодательным предположениям, предусматривающим изменение оснований или размеров производящихся из государственного казначейства денежных отпусков, ибо данными относительно существа удовлетворяемых за счет сметных ассигнований потребностей могут располагать лишь правительственные учреждения»¹³.

Государственная дума была лишена права контролировать действие членов «кабинета». Она получила лишь право, и то формальное, обращаться к министрам с запросом, на который министры могли не отвечать. Правда, в случае необходимости Дума через председателя Государственного совета могла поставить в

известность царя о незаконных действиях министра. На этом ее контролирующие функции и заканчивались. Серьезно урезал права Государственной думы Государственный совет. Как правильно отмечает А. Д. Степанский, «в созданной реформой громоздкой системе законодательных органов все было предусмотрено с таким расчетом, чтобы самодержавие, допуская буржуазию к законодательству в качестве „легальной оппозиции“, фактически сохранило за собой всю полноту власти»¹⁴. Государственный совет, несмотря на допуск в его состав представителей крупнейшей буржуазии, во многом оставался учреждением абсолютистской монархии. Поэтому его косвенное влияние на назначение и отставку министров, на одобрение или «обструкцию» правительственных законов имело большее значение, чем Государственной думы, но юридически Государственный совет также не имел права контроля за действиями министров и главноуправляющих. Это право приобрел путем влияния на царя и через дворцовую кармилью.

Совет министров, де-юре стоящий ниже (исполнительные функции) Государственной думы и Государственного совета (законодательная власть), де-факто оказался выше их в законодательном механизме России.

27 апреля в Зимнем дворце состоялось открытие первой Государственной думы. В. И. Ленин так характеризовал обстановку этого времени: «Начало заседаний Думы — начало черносотенных погромов. Начало „мирного парламентского“ пути, приводящего в восторг и умиление кадетов и всех мещан в политике, — начало самых грубых, самых прямых и непосредственных проявлений гражданской войны. Начало „правового“ способа решения государственных вопросов, решения посредством избирательных записок и счета голосов, — начало вспышек самого примитивного насилия, решающего государственные вопросы истреблением несогласно мыслящих, уничтожением... политических противников»¹⁵. Не имея возможности в условиях продолжавшейся революции сразу разогнать Думу, «кабинет» И. Л. Горемыкина вынужден был выступить перед ней с программой.

5 мая Государственная дума и Государственный совет обратились к царю с ответным адресом на его тронную речь¹⁶. В ответ на адрес Думы и Государственного совета «кабинет» подготовил декларацию, которая должна была объявить программные правительственные установки. В основу декларации Совет министров положил принципы, принятые на декабрьском царскосельском совещании: не допускать отмены права собственности на землю (даже в форме принудительного отчуждения за вознаграждение), пересмотра Основных законов; прямо и решительно выразить точку зрения правительства на думские заявления. Содержание декларации получило одобрение большинства Совета министров. Николай II, ознакомившись с декларацией, потребовал, чтобы текст ее был еще более резок и решителен¹⁷. Это говорило о том, что царизм взял курс на дальнейшее усиление реакции.

13 мая состоялась встреча Думы и правительства. В декларации правительство попыталось создать видимость готовности оказывать содействие при разработке Думой тех вопросов, «которые не выходят за пределы предоставленного ей законодательного почина»¹⁸. Было заявлено о незамедлительном удовлетворении нужд сельскохозяйственного населения, рабочего класса, о всеобщем начальном образовании и т. д. На этом декларативная часть мер правительственной программы. Правительство разъяснило царскому «парламенту», что «административная власть будет вооружена способами к тому... чтобы предотвращать злоупотребления дарованными свободами и противодействовать посягательству, угрожающему обществу и государству»¹⁹. И на этот раз правительство не замедлило напомнить Думе, что власть в руках у него и оно будет определять, насколько приемлемы просьбы Думы, заявленные в адресе Николаю II. В связи с этим «кабинет» И. Л. Горемыкина решительно отверг принцип отчуждения частновладельческих земель. «Совет министров,—говорилось в декларации,—считает своей обязанностью заявить, что решение этого вопроса на предположенных Государственной думой основаниях, безусловно, недопустимо»²⁰. В том же тоне ответило правительство на «законодательные предположения» Думы относительно ответственности перед Думой министров, упразднения Государственного совета. Установление ответственности министров перед Думой, упразднение Государственного совета и устранение пределов законодательной деятельности Думы, подчеркивалось в декларации, касаются коренного изменения Основных законов, и потому Государственная дума не имеет права поднимать подобных вопросов, как, впрочем, и вопроса о праве в армии. При этом правительство сослалось даже не на законность, а «на неизбывные основания, установленные с давних пор»²¹.

Совет министров специально остановился на третьей группе пожеланий Думы, касавшихся устранения исключительных положений и произвола административных властей. Правительство указало Думе, что она имеет лишь право запросов в этой области, а разработка новых законов по затронутым Думой вопросам будет производиться в ведомствах. Думе было отказано в пересмотре законов об исключительных положениях и амнистии ввиду того, что «правительство вынуждено и впредь ограждать ее (безопасность.— Н. К.) всеми существующими ныне законными способами»²².

Что касается конкретных мероприятий по аграрному вопросу, то «кабинет» Горемыкина повторил то, что предусматривалось решениями Особого совещания «О мерах к укреплению крестьянского землевладения»: разрешение малоземелья за счет казенных и частновладельческих свободных земель, приобретенных при содействии Крестьянского банка.

По сути дела декларация перечеркнула все заявленные манифестом 17 октября «свободы». Естественно, были преданы забве-

нию и обещания более раннего периода, в том числе и обозначенные в указе 12 декабря 1904 г., где говорилось о необходимости коренного пересмотра положения об усиленной охране, и, конечно, доклад 17 октября, декларативно провозгласивший «всеческую заботу о благе народном». Правительство на все пожелания Думы о реализации царских посулов ответило: «Нет!»

Декларация правительства, коротко охарактеризованная В. И. Лениным: «Ни земли, ни воли»²³, вызвала возмущение со стороны большинства депутатов Думы. Но кадеты весь «пыл» выступлений направили на юридическую сторону затронутых в декларации вопросов. Кроме председателя Совета министров, 13 мая выступал министр юстиции И. Г. Щегловитов. Основное внимание министр уделил обоснованию — в ответ на «критику» кадетов — юридической стороны декларации: «Правительственное сообщение исходит из начала законности и закономерности,— говорил Щегловитов,— закон для правительства, для его министров есть первая и главная основа деятельности»²⁴.

Дума приняла по настоянию левых депутатов резолюцию, требовавшую ухода правительства в отставку, но кадетское руководство Думы поспешило сгладить неприятное впечатление от министерской декларации и объявило о переходе к очередным делам²⁵.

Министерство Горемыкина решило не выступать с декларацией перед Государственным советом, поэтому Государственный совет не мог высказать своего отношения к правительственной программе²⁶.

По поводу конфликта Думы и правительства В. И. Ленин писал: «В чем сущность этого разлада..? Широкая масса крестьян, обывательская публика вообще, наконец, ряд буржуазных политиков (кадеты) воображают или пытаются уверить себя и других в том, что столкновение зависит от непонимания правительством его задач и его положения. Разъясните непонимание, привыкнут люди... к конституционным порядкам... и тогда все войдет в колею. По этому взгляду, перед нами „конфликт конституционный“...» Но «это не парламентский конфликт, и самая Дума — вовсе еще не парламент, не орган буржуазного „порядка“ при установившейся конституции. Она — только показатель и очень слабый выразитель народного движения, растущего вне ее или помимо ее»²⁷.

Декларация Горемыкина нанесла серьезный удар по политике лавирования. Горемыкин показал, что он не способен найти пути влияния на левую по составу Думу. Объективно это объяснялось продолжающейся в стране революцией и попыткой царизма подавить ее, опираясь на «жесткий политический курс», субъективно — консервативными воззрениями самого «премьера».

Первое появление в Думе министров определило взаимоотношения «кабинета» и «законодательного органа». Показательно, что уже через три дня после оглашения декларации, 16 мая, на заседании Совета министров решался вопрос: немедленно разо-

гнать Думу или занять выжидательную позицию. У некоторых членов Совета появились основания не спешить с роспуском Думы. Поведение кадетов в Думе в течение первого месяца ее работы давало надежду, что Дума и впредь будет ограничиваться малозначащими резолюциями. Министр внутренних дел П. А. Столыпин одним из первых разгадал тактику кадетов. Отлично уяснив себе, что дальше разговоров кадеты не пойдут, Столыпин признал возможным дать Думе «поговорить», хотя и не скрывал убеждения, что «ропуск Думы неизбежен»²⁸.

Что касается председателя Совета министров, то он и не пытался определить тактическую линию правительства по отношению к Думе, предложив просто не являться на заседания Думы. Такая позиция не только обрекала Думу на бездействие, но и парализовала в определенной степени деятельность «кабинета».

До конца мая Совет министров, придерживаясь горемыкинской тактики бойкотирования Думы, не внес на ее рассмотрение ни одного имеющего значение законопроекта.

«Инициативу» проявил лишь министр народного просвещения П. М. Кауфман, направив Думе 28 мая 1906 г. (то ли растерявшись, то ли издеваясь над «законодательной палатой») два законопроекта: об учреждении частных курсов с программой преподавания «выше средних учебных заведений» и об отпуске средств из казны на переоборудование пальмовой оранжереи и постройку прачечной при Юрьевском университете²⁹.

Пока председатель Совета министров бездействовал, министр внутренних дел по своей инициативе и с одобрения царя принимал меры к пресечению влияния демократически настроенных депутатов Думы на сельское население. Полиция следила за перепиской депутатов — членов левых партий, разгоняла собрания, где читались письма депутатов. Министр внутренних дел зорко следил за развитием революционного движения, обрушивая на него карательный аппарат.

Вопреки желанию председателя Совета министров министры, хотя и редко, вынуждены были появляться в Думе в связи с обсуждением предложенных Думой законопроектов. Постепенно вошло в практику «кабинета» уполномочивать выступать в Думе товарищей министров или специально назначенных «кабинетом» лиц (табл. 4), что тоже характеризует отношение Совета министров к «законодательному учреждению».

Чаще других в Думе пришлось появляться министру юстиции. 8 мая, чтобы спасти в глазах тех, кто верил в Думу, и отстоять ее законодательный авторитет, по заявлению 31 депутата был внесен законопроект «О неприкосновенности личности». В обсуждении его, по поручению Совета министров, принял участие И. Г. Щегловитов. Кадетское руководство Думы связывало с этим проектом большие надежды, пытаясь доказать общественности, что Дума в состоянии ставить и разрешать «наболевшие» вопросы. Однако правительство не спешило поддержать престиж зако-

Таблица 4

Выступления министров в первой Государственной думе

Выступавший	Количество выступлений	Вопрос
Министр юстиции И. Г. Щегловитов	3	<ol style="list-style-type: none"> 1. Обсуждение декларации 2. Обсуждение законопроекта о неприкосновенности личности, внесенного Думой 3. Обсуждение законопроекта Думы об отмене смертной казни, внесенного Думой, и ответ на запрос о смертных казнях
Главноуправляющий землеустройством и земледелием А. С. Стипшинский	2	<ol style="list-style-type: none"> 1. Обсуждение законопроекта 42-х, внесенного Думой 2. Обсуждение проекта 104-х, внесенного Думой
Министр внутренних дел П. А. Столыпин	2	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ответ на запрос о провокационных действиях полиции 2. Ответы на запросы
Товарищи министра внутренних дел А. А. Макаров, В. И. Гурко	3	<ol style="list-style-type: none"> 1. Обсуждение законопроекта 42-х 2. Обсуждение законопроекта 104-х 3. Ответы на запросы о смертных казнях
Министр финансов В. Н. Коковцов	1	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ассигнование 50 млн. руб. на помощь голодающим

нодательного учреждения, дав понять, что инициатива Думы «преждевременна» и надо ждать, когда «кабинет» сочтет нужным внести в Думу законопроекты об устройстве местного суда и об уголовной ответственности должностных лиц³⁰.

Наиболее остро проявились противоречия между «кабинетом» и Думой в связи с позицией правительства при рассмотрении аграрного вопроса, возбуждение которого решило судьбу Думы.

Кадеты, стремясь перехватить инициативу постановления аграрного вопроса у трудовиков, решили внести в Думу законопроект за подписью 42-х депутатов. Это был отредактированный проект основных положений аграрной реформы, в апреле 1906 г. рассмотренный III съездом кадетской партии. В проекте предусматривалось образование государственного земельного фонда за счет принудительного отчуждения церковных земель, земель частных учреждений и части лесных массивов, а также принудительное отчуждение части земли помещиков, но только в том случае, если их владения превышали высший размер, установленный законодательным порядком. В Государственный фонд поступали все земли, сдаваемые в аренду, земли, обрабатываемые наемным

крестьянским инвентарем, и земли пустующие, но годные для земледелия. Не подлежали принудительному отчуждению образцово-показательные имения, земли учреждений, заведовавших поземельным устройством, и т. д. Устанавливались категории крестьянства, подлежащие наделению землей, и нормы наделов³¹. Предусматривался выкуп помещичьих земель. Словом, «в своем проекте кадеты сделали все возможное для сохранения помещичьей собственности капиталистического типа»³².

В. И. Ленин, разоблачая политику кадетов по аграрному вопросу, писал: «Господствующие в Думе кадеты хотят, чтобы помещики были сыты и крестьяне были целы. Они соглашаются на принудительное отчуждение большей части помещичьей земли, но, во-первых, предполагают выкуп, а, во-вторых, стоят за либерально-чиновничье, а не революционно-крестьянское решение вопроса о средствах и путях проведения земельной реформы. В своей аграрной программе кадеты, как и всегда, ужом выкрутятся между помещиками и крестьянами, между старой властью и народной свободой»³³.

Проект 42-х обсуждался в Думе в середине мая 1906 г. Он противоречил намерениям, высказанным правительством в его декларации, и расценивался «кабинетом» как попытка внести «размежевание в само основание... государственности». Начиная с января 1906 г. Совет министров категорически отвергал принцип принудительного отчуждения земли. Но кадеты попытались еще раз своим проектом «образумить горемычников» и дать понять им, что лучше пойти на такую уступку, чем столкнуться вплотную с решением аграрного вопроса революционным путем. Совет министров еще не готов был выступить с последовательной программой по аграрному вопросу, так как окончательный ее вариант отработывался в комиссии В. И. Гурко, созданной при МВД по инициативе П. А. Столыпина. Главноуправляющий землеустройством и земледелием ограничился повторением основных положений декларации и от имени Совета министров признал проект 42-х неприемлемым³⁴. Курс на форсированное развитие хозяйств капитализирующихся помещиков, на усиление капиталистических отношений в деревне противоречил намерениям самодержавия. «Если убеждение собственника в том, что его имущество не может быть отчуждено иначе, как по закону, — демагогически продолжал А. С. Стишинский, — будет поколеблено, то он будет всегда под дамочловым мечом отчуждения и прочих частей своего имущества. Энергия его иссякнет, руки опустятся»³⁵.

Главноуправляющий землеустройством и земледелием, подчеркнув, что намеченные думским проектом меры не могут быть осуществлены, ибо они отразятся крайне разорительно на интересах государства, изложил уже известную программу Совета министров³⁶. «Улучшения положения населения, — заявил он, — надо искать в других мерах. Его надо искать в улучшении условий землепользования, в правильной и широкой постановке покупки земель Крестьянским банком и в широкой постановке

переселенческого дела. Эти предметы составляют заботу министерства, и по этим предметам составляется законопроект, который будет вскоре представлен Государственной думе»³⁷.

В том же духе выступил и товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко. Его речь была проникнута излияниями по поводу интересов крестьянства, которое, как доказывал представитель правительства, более всего не заинтересовано «в раздроблении имуществ», так как это ограничивает его «хозяйственную и экономическую свободу»³⁸.

Выполняя волю объединенного дворянства, представители правительства еще раз заявили, что о принудительном отчуждении земли даже в кадетском варианте не может быть и речи. I съезд уполномоченных дворянских обществ приветствовал «твердую позицию» членов Совета министров и расценил их выступление как «первый правительственный успех»³⁹.

Эта «твердая позиция», одобренная и Государственным советом, проявилась еще явственнее, когда правительству пришлось столкнуться с внесенным в Думу проектом аграрной реформы депутатов-трудовиков (проект 104-х) и проектом 33-х депутатов.

Это была первая попытка решения аграрного вопроса революционно-демократическим путем. Трудовики настаивали на ликвидации помещичьей собственности и перераспределении ее через общенародный земельный фонд на основе уравнилельно-трудового землепользования. Однако идея национализации земли не доводилась до конца. Если нормы владения землей не превышали трудовой нормы, то такая земля оставалась в руках прежних владельцев⁴⁰.

При всем нежелании кадетское руководство Думы вынуждено было поставить проект 104-х на обсуждение, хотя отлично сознавало, что отношения с «кабинетом» еще более обострятся. Совет министров, в свою очередь понимал, что кадеты не заинтересованы в том, чтобы левые депутаты Думы начали прения с правительством. Поэтому уполномоченные «кабинета», присутствовавшие на обсуждении проекта 104-х, В. И. Гурко и А. А. Макаров не особенно спешили вступить в острые прения между трудовиками и кадетами. Вместе с тем Совет министров был поставлен перед необходимостью срочно объявить об аграрной правительственной программе.

С этой целью в начале июня (6 и 10) МВД и ГУЗиЗ внесли в Думу частично разработанные законодательные меры по крестьянскому вопросу. Министрский проект был первой реализацией намеченной еще «кабинетом» Витте программы по аграрному вопросу. Основной его смысл сводился к разрешению свободного выхода из общины и к укреплению в личной собственности наделов, но только в тех общинах, где не было переделов в течение 24 лет.

Кадеты не рискнули вновь поднимать рассмотрение аграрного вопроса в Думе. Совет министров опередил Думу, и 20 июня

было опубликовано правительственное сообщение «О мерах к улучшению быта крестьянства». В нем подчеркивалось, что единственно возможный путь разрешения аграрного вопроса — это признание правительственных мер. Одновременно доказывалась «невыгодность» принудительного отчуждения земли для крестьян и подтверждались неприкосновенность частной собственности: «Принудительное отчуждение частновладельческих земель правительство признает совершенно неправильным и подтверждает, что будет неуклонно охранять имущественные права всех и каждого...»

«Кабинет» обещал немедленно принять «меры к улучшению быта земельного крестьянства». Они сводились в основном к следующему: 1) расширение крестьянского землевладения за счет казенных земель и за счет приобретенных в казну добровольно проданных землевладельцами земель (эти земли продавались крестьянам по «доступным ценам без права перепродажи»), 2) увеличение помощи переселенцам, 3) улучшение способа землепользования путем устранения чересполосицы, 4) облегчение выхода из общины с правом укрепления участков общинной земли в частную собственность, 5) учреждение земельных комиссий. Как видно, ничего нового «кабинет» Горемыкина по сравнению с программой «кабинета» С. Ю. Витте не внес в проекты по аграрному вопросу⁴¹. Но примечательно то, что с середины 1906 г. Совет министров взял курс на практическое проведение в жизнь аграрной политики, основанной на постепенной ломке общинного землевладения.

Чрезвычайные и военные положения, массовые казни, аресты, высылки в административном порядке захлестнули всю страну. Крестьяне, рабочие, интеллигенция искали защиты, обращаясь к депутатам Думы. Хотя запросы не имели практического значения, но, помимо желания и воли думских соглашателей, вызвали бурные выступления демократически настроенных депутатов в ответ на разъяснения министров. Чтобы как-то сгладить излишнее обострение отношений с Советом министров, председатель Государственной думы С. А. Муромцев в случае «необъявленной спешности» десятками отправлял запросы в комиссию. Отвечая на некоторые запросы по делам, особенно явно вскрывавшим беззаконие администрации, члены Совета являлись в Думу для представления разъяснений. Чаще же давались письменные ответы, нередко в форме отписки на несколько аналогичных запросов. Большинство запросов Государственной думы касалось необоснованных арестов, вынесения смертных приговоров, задержания под стражей, военной расправы, учинения полицейских погромов и других репрессий властей. Первая Дума за время своей деятельности 391 раз запрашивала министров. Из 391 запроса в Думе был оглашен 261 (остальные направлены в комиссию). Наибольшее количество запросов, как видно из произведенных нами подсчетов, получали министр внутренних дел, военный и военно-морской министры (смертные казни). Запросы

депутатов Думы распределялись следующим образом:

министру внутренних дел	198
военному и военно-морскому министрам	30
министру юстиции	22
председателю Совета министров	6
министру путей сообщения	4
министру народного просвещения	2

Отвечая на запросы Думы, Совет министров дал понять, что и впредь Думе не дано будет вмешиваться в дела административные, так как это «явилось бы совершенно непонятным и незаконным вторжением в их (генерал-губернаторов. — *Н. К.*) права и было бы стеснением полномочий высшей власти»⁴². Открытый вызов правительству заставил кадетское руководство Думы ограничиваться малозначащими резолюциями.

Каждый взрыв негодования на думских скамьях члены Совета министров встречали все более вызывающими заявлениями. После таких заявлений даже самые «доверчивые» депутаты видели, что Дума не может решить ни одного вопроса.

Наиболее ярко «твердый курс» правительства проявился при обсуждении проекта об отмене смертной казни. Оно состоялось 19 июня. По обсуждаемому проекту выступал от имени Совета министров министр юстиции И. Г. Щегловитов.

Министр юстиции, оставив в стороне уголовные законы, предусматривавшие высшую меру наказания, стал рассматривать чрезвычайные законы, к которым применялись нормы военного законодательства. Почин пересмотра таких законов Думе не принадлежал.

20 июня законопроект был передан в Государственный совет. Результаты прений показали, что «спор между сторонниками и противниками смертной казни в Государственном совете по существу был в значительной мере спором о методах расправы с революционерами»⁴³. Государственный совет поддержал позицию правительства. 27 июня вопрос об отмене казни был передан в специальную комиссию, так и не получив окончательного решения. «Кабинет» вновь указал законодательному учреждению на недопустимость вмешательства его в важнейшие вопросы государственной жизни. «Самодержавное правительство самым грубым образом глумится и издевается над представителями, посланными в Государственную думу населением России. Правительство отвергает все заявления Думы, в которых сколько-нибудь выражаются нужды и требования народа, и неуклонно продолжает политику убийств и насилий»⁴⁴, — говорилось в резолюции ЦК РСДРП.

Свое бессилие первая Государственная дума обнаружила при обсуждении вопроса о помощи голодающим. Она фактически уступила правительству, оставив в его руках распределение средств помощи для нужд голодающих. Но проблема была настолько острой, что в решение ее оказались вовлеченными и законодательные учреждения, и Совет министров. И. Л. Горемы-

кин, министр финансов В. Н. Коковцов, государственный контролер П. Х. Шванебах обвиняли Думу в «некомпетентности» в финансовых вопросах, требуя ассигнования 50 млн. руб. в распоряжение правительства сверх смет по государственной росписи. Дума соглашалась на 15 млн. с установлением «строгой отчетности» перед ней⁴⁵.

И хотя в данном случае законодательные учреждения совместно выступили против позиции Совета министров, правительство тем не менее по представлению министра финансов в июне 1906 г. получило требуемые 50 млн. руб., добившись выпуска займа на эту сумму⁴⁶. «Контроль» законодательных органов оказался фиктивным. Совет министров — правительственный орган при императоре по сравнению с Думой обладал реальной властью. И в системе созданных реформой 1905—1906 гг. высших учреждений Совет министров оказывался фактически бесконтрольным органом, вершившим политику царизма в обход «представительного учреждения».

Дума была бессильна что-либо изменить в правительственной политике. Однако в условиях революции речи левых депутатов, особенно в прениях по вопросу о помощи голодающим и по аграрному вопросу, мешали правительству.

Совет министров вынужден был разрабатывать свою тактику по отношению к Думе. А это, в свою очередь, не могло не вызвать конфликта внутри «кабинета». Дело в том, что в Совете министров в это время образовалось две группировки. Одна — ультрареакционная (в лице И. Л. Горемыкина, А. С. Стишинского, А. А. Ширинского-Шихматова) не способна была оценить обстановку и настаивала на немедленном разгоне Думы и возвращении к старым порядкам. Другая — преследовала те же цели, но ясно отдавала себе отчет в том, что полное возвращение к до-революционным методам управления невозможно. Инициативу во второй группе (А. П. Извольский, В. Н. Коковцов, П. М. Кауфман) довольно быстро взял в свои руки министр внутренних дел П. А. Столыпин.

Точка зрения ультрареакционных членов Совета министров импонировала Николаю II, но он испытывал страх перед все еще продолжавшимся революционным движением; оно, по словам В. И. Ленина, выражалось «еще очень и очень внушительно в усилении крестьянского движения, в широком разгроме гнезд крепостников-помещиков, в целом ряде солдатских восстаний. И реакция наступала тогда медленно, не решаясь сразу произвести государственный переворот»⁴⁷.

В этом и крылась причина того, что самодержавное правительство вновь вынуждено было перейти к политике лавирования. Группа Столыпина в Совете министров начала брать верх.

Министры, выступавшие за проведение осторожной и гибкой политики в отношении Думы, воспользовавшись «всеподданнейшими докладами», действовали за спиной председателя Совета министров. Министр внутренних дел прежде всего предпринял ряд

тактических шагов в Царском Селе с целью упрочить свое влияние при дворе.

Столыпин часто бывал у царя с докладами. Николаю II импонировала твердость и решительность министра внутренних дел, в то время как в Горемыкине он начал «сомневаться». Николай II все больше прислушивался к мнению министра внутренних дел, и последний довольно быстро оттеснил в Царском Селе фигуру «безразличного» Горемыкина. Столыпин попытался заручиться поддержкой камарильи в лице Фредерикса и Трепова, но вскоре понял, что Фредерикс пока неопасен, поскольку никаких планов, кроме «полного сумбура, в голове у него нет»⁴⁸. А между Треповым и министром внутренних дел началась борьба, окончившаяся победой Столыпина, и помог ему в этом сам Трепов. Дело в том, что авторитет и влияние Трепова на Николая II серьезно поколебались в связи с попытками генерала войти в соглашение с кадетами и составить кадетское министерство, которое помогло бы умиротворить Россию.

Бряд ли Николай II мог принять предложение Трепова или отнестись к нему положительно. В сохранении полноты самодержавной власти он видел основную задачу. Со «скрипом» соглашаясь на уступки, он был всегда на стороне тех, кто предлагал меньше⁴⁹. Поэтому он воспользовался планом Трепова лишь для выяснения настроений самих министров. Именно с этой целью при разговоре с глазу на глаз он показывал министрам список кадетского министерства и внимательно выслушивал их мнение. Кокцов, Извольский, Столыпин и большая часть камарильи в один голос называли этот план «безумным».

В. Н. Кокцов писал в воспоминаниях: «Насколько я мог в минуту охватившего меня волнения, я сказал: „Вы передадите всю власть в руки общественного мнения и останетесь без всякой власти“»⁵⁰. О том же свидетельствуют и воспоминания А. П. Извольского: «Мы были ошеломлены», — писал министр иностранных дел⁵¹.

Возня вокруг проекта о создании кадетского министерства, обсуждение, особенно в кадетской прессе, состава будущего правительства позволили Совету министров выиграть время. Думские лидеры спокойно торговались об условиях сделки, а правительство готовилось к разгону Думы. Сговор не мог иметь сколько-нибудь реальных шансов, ибо «камарилья не отдает власти, а играет в дележ власти»⁵².

Позиции членов Совета министров определялись на состоявшихся секретных заседаниях 7 и 8 июня 1906 г. Особые журналы точно и ясно отражают ход мысли и тактику членов «кабинета» по отношению к Государственной думе и к идее переговоров с лидерами буржуазии.

В Совете министров 7 июня 1906 г. обсуждался вопрос о явном революционном направлении печати. Совет министров отмечал, что с открытием Думы эта «задача стала еще более сложной вследствие открыто высказываемого Думой неуважения к ис-

полнительной власти»⁵³. Устанавливая связь частного вопроса о печати с «неизмеримо важным вопросом дальнейшего отношения правительства к Государственной думе», члены Совета министров пришли к выводу, что из создавшегося положения возможен только один выход — роспуск Думы.

Мнение это было единодушным, цель определялась четко, но пути достижения предлагались разные.

Вторая группа, во главе с Извольским, настаивала на более гибких вариантах. К числу вполне приемлемых методов В. Н. Кокцов и А. П. Извольский, П. М. Кауфман относили попытку войти в сношение с умеренными депутатами Думы, использовать соглашательскую линию кадетов. Совет, возглавляемый И. Л. Горемыкиным, не мог пойти на компромисс. А. П. Извольский и П. М. Кауфман ставили вопрос о перемене в составе Совета министров⁵⁴.

Таким образом, эта группа предлагала попытаться еще раз сторговаться с буржуазией. «Если нынешний состав Совета министров,— продолжал развивать свою мысль А. П. Извольский,— не может справиться, надо уступить место другим. При этом отнюдь не следует вовсе образовывать министерства парламентариев, а призвать к исполнению власти лиц, которые не имели бы одного безусловно порочащего для нынешнего Совета министров признака — облика непосредственного наследника прежнего министерства. Это — столь же преданные г. им. люди, но не связанные своим прошлым с прежним режимом — частью в вышедших чинах служилого класса, частью в общественных деятелях,— а главное, не поставленные силой обстоятельств в положение того полного разлада с Думой, в котором находится нынешний состав правительства»⁵⁵.

Остальные члены Совета министров, а именно: Горемыкин, Столыпин, Щегловитов, Фредерикс, Редигер, Бирилев, Ширинский-Шихматов, Шванебах, Стишинский, Шауфус,— подчеркнув, что «нынешний состав Государственной думы... прямо угрожает существованию государства», категорически отвергли идею создания министерства с участием общественных деятелей. «Компромисс с Думой,— подчеркивалось в журнале Совета министров,— мог бы выразиться в учреждении министерства 1) из партии конституционно-демократической, 2) из среды общественных деятелей, приемлемых для Думы. До каких же пределов можно идти на уступки — до уровня правых кадетов, или же и левых кадетов, или же и до программы трудовиков!?» — гневно вопрошало большинство членов «кабинета»⁵⁶.

В. Н. Кокцов вообще высказался против перемены личного состава Совета. В результате обсуждения в Совете министров вопроса о дальнейшем существовании Думы была выработана тактическая линия правительства, которая основывалась на принятии самых «решительных мер, способных предотвратить катастрофу», разогнать Государственную думу, «выбрав удачный момент, дабы оправдать в глазах благоразумной части населения го-

сударственную необходимость такой меры, объявить о роспуске Думы с назначением новых выборов». И все это надо было обставить так, чтобы отпал один очень важный аргумент против правительства, а именно: «упрек и подозрение, что действующие в нем лица остались прежние и что роспуск Думы последовал по инициативе министерства и даже в угоду ему». В этом, на наш взгляд, вся суть переговоров с лидерами буржуазии.

Первый центр переговоров существенно отличался от второго и третьего. Это отличие состояло в том, что Совет министров полностью и единодушно отверг состав правительства из думских лидеров, тогда как Д. Ф. Трепов вел переговоры именно о кадетском министерстве. Группа центра Государственного совета, боясь дальнейшего роста революции, ставила своей целью избежать с помощью думского министерства роспуска Думы, хотя бы на время. А это не входило в планы Совета министров.

К середине июня изменилась позиция министра внутренних дел. Рост аграрных выступлений, брожение в армии в июне вызвали опасение, что перевес сил окажется на стороне революционного лагеря и правительству не удастся безболезненно разделиться с Думой. Поэтому министр внутренних дел П. А. Столыпин разделил на какое-то время точку зрения А. П. Извольского. Но планы А. П. Извольского и П. А. Столыпина не совпадали. Столыпин привлечением «общественных деятелей» в состав правительства пытался обеспечить безболезненный роспуск Думы, тогда как Извольский предполагал сотрудничество с ней на определенное время. Переговоры с «общественными деятелями» о вхождении в состав правительства Николай II поручил П. А. Столыпину и А. П. Извольскому, что свидетельствовало об окончательном падении роли председателя Совета министров.

Из числа приемлемых кандидатов (С. А. Муромцев, П. Н. Миллюков, В. Д. Кузьмин-Караваев, Д. Н. Шипов, Н. Н. Львов) были выбраны те, кто мог проявить больше терпимости и уступчивости по отношению к самодержавию при разрешении наиболее важных вопросов, в первую очередь аграрного.

Министр иностранных дел в доме своего кузена А. С. Ермолова совещался с членами группы центра Государственного совета о составлении министерства с их участием (возможные кандидаты — А. С. Ермолов, В. И. Тимирязев, Б. А. Васильчиков и Е. Н. Трубецкой). Но переговоры А. П. Извольского не увенчались успехом вследствие того, что Совет министров и группа центра Государственного совета преследовали разные цели по отношению к Думе.

Неудачная попытка Извольского вступить в контакт с группой центра Государственного совета побудила министра внутренних дел взять на себя инициативу подготовки к разгону Думы. В дневнике Николая II между 15 и 28 июня дважды появилась одна и та же запись: «Принимал Столыпина от 6 до 7—30. Имел долгую беседу со Столыпиным»⁵⁷. По свидетельству

А. П. Извольского, Николай II вел предварительную беседу со Столыпиным по вопросу о думском министерстве⁵⁸.

Министр внутренних дел после бесед с царем приступил к переговорам с Д. Н. Шиповым и Н. Н. Львовым, не скрывая от них планов роспуска Думы.

П. А. Столыпин поставил условие о включении в состав коалиционного министерства министров из бюрократических кругов и дал понять, что участие его и Извольского в новом составе правительства обязательно⁵⁹. Хотя представителей думских партий не устраивала роль калифов на час, от переговоров они не отказались и пошли на уступки.

Новый этап переговоров с лидерами буржуазии существенно отличался от переговоров С. Ю. Витте о коалиционном министерстве, ибо цели, преследуемые царизмом, были иные: на первом этапе — стремление выстоять под натиском революции, используя тактику маневров и уступок. На втором — попытка, заручившись поддержкой контрреволюционного руководства Думы, повести наступление на завоевания революции, разогнать левую Думу и, если удастся, изменить закон 11 декабря 1905 г.⁶⁰

П. А. Столыпин не являлся сторонником включения в министерство кадетских лидеров, но вел переговоры с П. Н. Милюковым, выясняя условия сделки и с кадетами. Однако П. Н. Милюков дал понять министру внутренних дел, видимо надеясь на влияние Трепова, что кадеты согласны на формирование министерства лишь из своей среды⁶¹.

Начался именно тот дележ портфелей, о котором В. И. Ленин писал в связи с маневрами камарильи и царских министров: «...Назначить либеральных министров нам всего удобнее. Этим мы успокоим не только кадетов (т. е. большинство Думы), но и кадетствующих с.-д. А с неприятными министрами разделаться гораздо легче, чем хотя бы с Думой. Мы выиграем время, спутаем карты, внесем величайший хаос, взаимное недоверие, грызнию из-за министерских портфелей... мы замутиим воду, мы проведем за нос кадетов...»⁶²

В конце июня Дума оказалась в тисках между реакционным самодержавием и революционным народом⁶³. Кадеты начали метаться, разоблачая себя не только в глазах левых депутатов Думы, но и, что самое главное, в глазах народных масс. Думские иллюзии исчезали. Народ «не уставал ждать десятки лет, но он устал теперь в несколько недель... когда в нем самом просыпалась с невероятной быстротой жажда действия, и тусклыми, скучными, неинтересными стали казаться самые горячие, симпатичные слова, хотя бы с такой высокой трибуны, как Дума»⁶⁴.

В тот день, когда газеты напечатали статьи под разными заголовками, гадая, кто останется, Дума или министерство, Совет министров собрался на экстренное совещание. 7 июля, к 5 часам вечера, председатель Совета министров и министр внутренних дел были вызваны в Царское Село.

Столыпин решительно сообщил царю о едином мнении всех членов Совета министров не медлить с роспуском Думы и назвал наиболее приемлемое, по его мнению, число — воскресенье, 9 июля. Роспуск Думы министр внутренних дел планировал провести внезапно и в полной тайне, вплоть до обнародования указа. И. Г. Щегловитов обязан был обеспечить секретность напечатания указа в сенатской типографии. В Петербург вызвали дополнительные воинские части. Таврический дворец был окружен усиленной охраной⁶⁵.

С целью ослабить реакцию на роспуск Думы и показать, что царь считается с общественным мнением, П. А. Столыпин предложил Николаю II удалить из состава Совета министров лиц, присутствие которых раздражало общественное мнение, т. е. А. С. Стишинского, А. А. Ширинского-Шихматова, и предложить уйти в отставку И. Л. Горемыкину. Николай II принял предложения П. А. Столыпина. 7 июля он объявил И. Л. Горемыкину об отставке. Как свидетельствует запись в дневнике А. А. Половцева, отставка И. Л. Горемыкина была для последнего полной неожиданностью⁶⁶.

Возвратившись из Царского Села на заседание Совета министров, И. Л. Горемыкин сообщил о назначении на его место министра внутренних дел П. А. Столыпина. Заседание продолжалось до 3 часов ночи. Днем созыва второй Государственной думы было решено установить 20 февраля 1907 г. В этот же день в Совете министров поднимался вопрос о законе 11 декабря. Все пришли к выводу о необходимости хотя бы частичных изменений в избирательном законе.

В воскресенье, 9 июля, в «Правительственном вестнике» был опубликован указ о роспуске Думы*. Обвинив депутатов в покушении на Основные законы и прерогативы верховной власти, в подстрекательстве крестьян и возбуждении в их среде «преступных надежд, что вызвало в целом ряде губерний открытый грабеж... неповиновение закону и законным властям», — указ грозил репрессиями: «Мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всей силой государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению нашей царской воле»⁶⁷. Царское правительство, не сумев превратить левую Думу в орудие своей политики, разогнало законодательное учреждение. «Факт свершился, — писало „Новое время“. — Город встретил это грустное известие спокойно. Все как будто растерялись от неожиданности и замерли»⁶⁸. Но дело было не в неожиданности. Народ не подержал Думу, иллюзии «парламентаризма» рассеивались. Аграрное движение, забастовки рабочих, восстание в армии и во флоте

* О колебаниях и опасениях царя и дворцовой камарильи свидетельствуют записи в дневнике Николая II. 7 июля: «Подписал указ о роспуске Думы»; 8 июля: «Занятый, утомительный день, напомнивший мне дни, предшествующие 17 октября. С 5 до 8—30 разговаривал с Горемыкиным и со Столыпиным, назначенным на его место»; 9 июля: «Свершилось! Дума сегодня закрыта». (ЦГАОР, ф. 600, д. 250, л. 49—50).

свидетельствовали о новой волне революции. «Роспуск Думы,— подчеркивал В. И. Ленин,— самым наглядным и ярким образом подтвердил взгляды тех, кто предостерегал от увлечения „конституционной“ внешностью Думы... „Большие слова“, которых тьму наговорили наши кадеты (и кадетофилы) перед Думой... разоблачены теперь жизнью во всей их мизерности»⁶⁹. Итак, самодержавие расправилось со своим первым «представительным учреждением», но попытка окончательного наступления контрреволюции еще не удалась. Революция продолжалась.

За осуществление плана подавления революции взялся П. А. Столыпин.

«Кабинет» П. А. Столыпина и программа «умиротворения» России

Новый председатель Совета министров происходил из старинного дворянского рода, вошедшего в ряды высшего дворянства в XVIII в. Столыпины служили на высоких постах в армии, на гражданской службе, пытались укрепиться даже в литературной сфере. Отец Столыпина занимал в свое время видный пост при дворе; мать была дочерью ген. Горчакова. П. А. Столыпин в 20 лет закончил естественный факультет Петербургского университета. Служебную карьеру он начал в министерстве внутренних дел и ведомстве земледелия и государственных имуществ. С 1889 г. был губернатором в Гродненской губернии, затем в Саратовской. Столыпин был одним из «племенных губернаторов» и, надо сказать, нес эту миссию с «честью». Этот «культурный», образованный человек, владевший тремя иностранными языками, сталкиваясь с малейшими проявлениями недовольства крестьян, кричал, ругался, грозил крестьянам и Сибирью, и каторгой, и казаками, и всем чем угодно и отдавал приказы на аресты за любое возражение. Активно действовал Столыпин, уничтожая и рабочие организации в губернии. Но особенно «прославился» саратовский губернатор расправой над балашевскими крестьянами, педаром известие о балашевском погроме с возмущением встретила вся передовая Россия.

Умение энергично расправляться с революционными массами способствовало карьере Столыпина в 1905 г. Оценивая это назначение, В. И. Ленин писал: «Погромщик Столыпин подготовил себя к министерской должности именно так, как только и могли готовиться царские губернаторы: истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту азиатскую „практику“ — лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под „европейские“»⁷⁰.

Деятельность Совета министров во главе со Столыпиным протекала в период спада революции, сопровождавшегося серьезными боями. Летом 1906 г. волна революционного движения поднялась вновь, втягивая в борьбу значительные массы рабочего класса, крестьянства и армии. Поэтому правительство вынуждено

было на первых порах занять осторожную позицию, дабы не показать, что оно открыто вступает на путь реакции. На наш взгляд, именно этими мотивами руководствовался председатель Совета министров, продолжая переговоры, начатые им еще в «премьерство» Горемыкина с лидерами буржуазии. С середины июля начался торг октябристов с главой правительства. После разгона Думы октябристы готовы были вступить в состав правительства, возглавляемого П. А. Столыпиным, но предлагали принять их условия борьбы против революции.

Октябристы рассчитывали на портфели министров внутренних дел, юстиции, землеустройства и земледелия, обер-прокурора Св. Синода, народного просвещения, т. е. опять встал тот же неразрешимый вопрос о дележе власти. Были поставлены и программные условия: амнистия, расширение крестьянского землеустройства, признание принципа принудительного отчуждения части частновладельческих земель. Впрочем, программа не являлась основным пунктом разногласий. Лидеры буржуазии снова начали претендовать на ответственные министерские портфели, на то, чтобы взять исполнительную власть в свои руки. Но это не входило в расчеты правительства.

Столыпину переговоры нужны были как ширма, за которой бы он провел все неотложные и требовавшие скорейшего разрешения мероприятия, направленные на то, чтобы потушить революцию. Самодержавное правительство пыталось в своих интересах использовать буржуазные думские партии, но не собиралось делиться с ними политической властью. В этом была неустранимость противоречий между «договаривающимися» сторонами.

Состоявшаяся 15 июля встреча Столыпина с кн. Г. Е. Львовым и Д. Н. Шиповым показала, что Столыпин намерен закончить переговоры с лидерами буржуазии о вхождении их в состав правительства. Намерение Столыпина было подтверждено и в ответном письме Шипову и Львову от 18 июля 1906 г. Председатель Совета министров, известив лидеров октябристов, что он «будет заниматься делом» в оставшиеся 200 дней до созыва второй Думы, сообщил им, что царь с условиями, предъявленными общественными деятелями, не согласен, срок созыва Думы менять не намерен и сообщал, что министры останутся на своих местах, а свободные посты займут кн. Б. А. Васильчиков — главноуправляющий землеустройством и земледелием и П. П. Извольский — обер-прокурор Св. Синода; государственным контролером остался П. Х. Шванебах.

Несколько месяцев спустя председатель Совета министров в интервью американскому корреспонденту откровенно заявил: «Я никогда не считал практической идею о так называемом коалиционном министерстве... Общественные деятели этого рода не вошли в кабинет, так как не могли столкнуться ни с правительством, ни между собой. А передать им всю власть при таких условиях было бы преступлением»⁷¹.

Почувствовав силу после безболезненного роспуска первой Ду-

мы и подавления восстания в Свеаборге и Кронштадте, самодержавное правительство прекратило переговоры о коалиционном министерстве и приступило к осуществлению своей программы, направленной на окончательный разгром революции. Совет министров по-прежнему оставался главным штабом в борьбе с революцией. С июля 1906 по 3 июня 1907 г. состоялось 78 заседаний Совета министров. Кроме официальных, проходили и секретные заседания, иногда по нескольку раз в неделю. В период подготовки разгона Думы и осуществления государственного переворота было проведено 22 заседания.

Обычно Совет министров заседал в Зимнем дворце или на Елагином острове, на квартире председателя.

Совет министров во главе со Столыпиным собирался регулярно. За 11 месяцев деятельности, до третьешюньского переворота, через Совет министров прошли все законопроекты о карательных мерах борьбы с революцией, о крестьянской реформе, о реформе местного самоуправления, об изменении избирательного закона. Показательно, что правительство Столыпина не рассматривало в годы революции рабочий вопрос. Разработка его велась ведомственными комиссиями при МТиП.

Совет министров занимался текущими экономическими и внешнеполитическими вопросами. Многочисленные административные дела регулярно решались Малым Советом министров.

Итак, деятельность Совета министров третьего состава отличалась от деятельности его предшественников. Если Совет министров первого состава в основном рассматривал «чрезвычайные» вопросы, а «кабинет» Горемыкина носил характер высшей совещательной инстанции, то столыпинский «кабинет» обладал более реальной, в условиях революции, властью высшего исполнительного органа, чем предшествовавшие ему «кабинеты». Это было обусловлено тем, что на правительственный орган третьего состава легла задача не только силой подавить революцию, но и практически попытаться провести в жизнь те реформы, с помощью которых царизм пытался приспособиться к капиталистическому развитию страны.

Изменилась и роль председателя Совета министров. Сосредоточив в своих руках посты министра внутренних дел и председателя Совета, Столыпин занял в Совете довольно прочное положение. Уже в первый месяц своего премьерства он дал почувствовать членам своего «кабинета», что на него трудно «произвести какое-либо давление». «Столыпин сразу вырос,—вспоминал впоследствии В. Н. Коковцов,—и стал всеми признанным хозяином положения, который не постесняется сказать свое слово перед кем угодно»⁷². Если на председателя Совета министров коллегам было трудно влиять, то сам председатель оказывал давление на членов Совета по всем вопросам, проведение в жизнь которых он считал необходимым. Поэтому законопроекты, внесенные по инициативе Столыпина, получили согласие всех министров, хотя и не все были уверены в их своевременности.

**Перечень основных вопросов,
рассмотренных «кабинетом» П. А. Столыпина
с августа 1906 по июнь 1907 г.**

Государственные преобразования

Об установлении главных начал устройства местного управления	6 заседаний
О преобразовании местного суда	2 заседания
О переустройстве отдельных частей управления морским ведомством	1 заседание

Аграрный вопрос

Об обращении свободных сумм на приобретение земель Крестьянским банком	1 заседание
О прекращении обязательных отношений крестьян и поселян к помещикам в Закавказском крае	1 заседание
О предназначении казенных земель для расширения крестьянского землевладения	1 заседание
О покупке Крестьянским поземельным банком имений	1 заседание
Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей	1 заседание
О разрешении владельцам заповедных и майоратных земель отчуждать крестьянам участки	1 заседание
О выделении Крестьянскому поземельному банку ссуд под залог наделных земель	1 заседание
О выделении ГУЗиЗу кредита на переселенческие работы	2 заседания
По проекту положения о землеустройстве	1 заседание
О выдаче ссуд на продовольственные потребности сельским обществам	1 заседание
О дополнении некоторых постановлений действующего законодательства, касающегося вопроса о крестьянском землепользовании	1 заседание
О продлении на 1907 г. представленных министру финансов полномочий по установлению временного подесятинного оклада государственного подесятинного налога в Туркестанском крае	1 заседание
Об изменении состава землеустроительных комиссий	1 заседание

Карательная политика

Об объявлении г. Севастополя на военном положении	1 заседание
О продлении сроков действия Положения о мерах охраны государственного порядка	1 заседание
Об образовании временных генерал-губернаторств	4 заседания
Об объявлении управления гражданской и полицейской частью Кавказского края	1 заседание
Об участии служащих государственных учреждений в политических партиях, союзах и обществах	1 заседание
Об объявлении в исключительном положении Ставропольской губ.	1 заседание
Об усилении ответственности за распространение среди войск противоправительственных учений	1 заседание
О введении положения усиленной охраны в Ковенской губ.	1 заседание
Об учреждении Бакинского градоначальства	1 заседание
Об учреждении военно-полевых судов	2 заседания

Об увеличении штатов полиции на Сибирской и Закавказской железных дорогах	1 заседание
О временных правилах управления университетами	1 заседание
Об объявлении положения усиленной охраны г. Уральска, Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской обл., ряда уездов Астраханской губ.	5 заседаний
О мерах предупреждения побегов арестантов	
Об изменении подсудности дел, возникших в Иркутской, Семипалатинской, Кубанской губ.	5 заседаний
О введении положения усиленной охраны на Ср. Азиатской железной дороге	1 заседание
Об объявлении Кубанской обл. на военном положении	1 заседание
Об увеличении личного состава полиции г. Севастополя	1 заседание
О дальнейшем оставлении Саратовской губ. в положении усиленной охраны	1 заседание
О временном увеличении штатов полиции в городах Сырдарьинской и Ферганской обл.	1 заседание
О продлении усиленной охраны в Самарской, Курской и Пензенской губ.	1 заседание
Об увеличении кредита на содержание личного состава надзирателей в местах заключения	1 заседание
Об объявлении на положении усиленной охраны Минского уезда, Семиречья, Тульской, Гродненской, Владимирской, Херсонской, Вятской, Нижегородской, Костромской, Тамбовской, Бессарабской, Симбирской, Таврической, Акмолинской, Челябинской, Оренбургской, Тобольской, Витебской губ.	12 заседаний
Об установлении уголовной ответственности за восхваление преступных деяний в речи и печати	2 заседания
Об объявлении и оставлении на положении чрезвычайной охраны Бакинской, Петербургской, Екатеринославской губ.	3 заседания
Об установлении перевозки арестантов на подводах	1 заседание
О предоставлении чинам уездной полицейской стражи права руководствоваться правилами применения оружия в войсках при подавлении мятежей	2 заседания
О назначении на трехлетие мест в Енисейской губ. для приговоренных к ссылке	
Об устройстве Шлиссельбургской каторжной тюрьмы	1 заседание
По Проекту исключительных положений	2 заседания
Об оставлении Сибирской железной дороги на военном положении	1 заседание
О позаимствовании на тюремно-строительные надобности штрафных сумм	
О назначении суточного довольствия жандармским чинам, командированным для охраны железных дорог	1 заседание
Об отпуске 500 000 руб. на нужды Главного тюремного управления	1 заседание
Об изменении штатов жандармских управлений	1 заседание

Рабочий вопрос

Об отпуске 30 тыс. руб. на расходы по изготовлению проектов по рабочему вопросу

Промышленность, торговля

По проекту Положения о съездах представителей промышленности и торговли	1 заседание
О порядке составления смет на 1907 г.	1 заседание
О денатурации сахарных продуктов	1 заседание
О залоге сахарных заводов в обеспечение акциза за выкуп сахара	1 заседание
Об уменьшении основного капитала Алексеевского горно-промышленного общества	1 заседание
О ликвидации дел акционерного общества Ланге	2 заседания
Об отпуске 1 млн. 900 тыс. МПС на предпринятые работы в Привисливской губ.	1 заседание
О продлении действия Комитета по распределению заказов на рельсы	1 заседание
О введении в России подоходного налога	2 заседания
О способах сооружения Амурской железной дороги	3 заседания
Об отпуске кредитов по смете МИД	1 заседание
О кредите на продовольственную помощь населению	2 заседания
О назначении кредитов для выдачи ссуд землевладельцам	1 заседание
Об оказании правительственной поддержки предприятиям Кыштымских заводов	1 заседание
О допущении финляндских заводов к конкуренции с русскими (казенные заказы)	1 заседание
О порядке производства заказов Амурской речной флотилии	1 заседание
Об учреждении комиссии для оценки нефтяных промыслов	1 заседание
Об обеспечении казенной винной операции спиртом	1 заседание

Внешние сношения

Об отмене Сыккнигайского меморандума	1 заседание
О порядке утверждения международных договоров	1 заседание
О пропуске в Россию турецких изделий	1 заседание
О покупке английского угля	2 заседания
О пропуске из портов Персидского залива риса	1 заседание
Об учреждении консульства Маньчжурии	1 заседание
О беспопыльном пропуске из-за границы нефтяных остатков	1 заседание
Об участии России в международной выставке в Бордо	1 заседание
По составлению проекта правил о торговом мореплавании	1 заседание
Об уменьшении железнодорожных тарифов на перевозку вывозимых за границу железа, чугуна, рельсов	1 заседание
Об учреждении англо-русского торгового общества	1 заседание

Просвещение

О введении в России обязательного начального обучения	1 заседание
Об упорядочении школьного дела	1 заседание
Проект правил о студенческих организациях	1 заседание

Религия

О порядке образования и действия старообрядческих обществ	2 заседания
Об утверждении временных правил узаконения браков нехристианских исповеданий	1 заседание

До 3 июня 1907 г. П. А. Столыпину удавалось в известной мере парализовать влияние дворцовой камарильи, которая нуждалась в сильном «кабинете», способном осуществить помещичью программу реформ. Политика столыпинского правительства удовлетворяла на данном этапе черносотенное дворянство.

С первого месяца работы Совет министров развернул бурную деятельность. Особенно активно правительство П. А. Столыпина работало в период перерыва сессий Государственной думы, проведя по чрезвычайному-указному праву 60 законодательных актов.

Основные законодательные акты, принятые Советом министров по ст. 87 Основных законов в период междудумья

Общие вопросы

О выдаче пособий семьям казаков, задержанных на действительной службе

О беспопыльном пропуске из-за границы нефтяных остатков

О сохранении служащим технических училищ Сибири и Средней Азии добавочных окладов

О переименовании должности акмолинского и семипалатинского генерал-губернатора в губернатора

Об отмене действий правил 1892 г., запрещавших взыскания за тайное обучение

О продлении действия указа 31 декабря 1905 г. о залоге сахарных заводов

О денатурации сахарных продуктов, отпускаемых на технические нужды

Об учреждении в университетах должности проректора

О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин

Об увеличении размера пособий детям нижних чинов, подлежащих покровительству Алексеевского комитета

Об учреждении должностей смотрителей маяков

Об утверждении проекта уставов художественных училищ

Об увеличении числа присяжных заседателей по г. Москве с уездом

Об обеспечении нормального отдыха служащим торговых заведений

Об обеспечении нормального отдыха служащим ремесленных контор

О размере налога с городских недвижимых имуществ

Об изменении временных правил относительно секты мавриавитов

Об утверждении штатов генеральных консульств

О введении новых штатов карантинных учреждений

Об утверждении временного штата канцелярий Особого совещания по рассмотрению претензий военному ведомству

О замене в составе особых присутствий Судебных палат председателей департаментов членами сих палат

О содержании срочного пароходства на реке Лене

О продлении действий законов о выносной продаже виноградных вин

О продлении сроков действия установленного порядка снабжения лошадами казаков

Об увеличении штатов содержания начальников железнодорожных училищ

О некоторых изменениях в правилах приема процентных бумаг в залог по рассрочке акциза

Об утверждении положения о Московской окружной лечебнице для душевнобольных

Об учреждении оперативного отделения во Владивостокском порте

О продлении сроков действия правил о судоходстве в Петербургском порте

О ведении книг гражданского состояния

Об утверждении временных правил узаконения браков нехристианских исповеданий

Об отмене личной подати в Бессарабской губ.

О содержании срочного пароходства на реках Амурского бассейна

Об изменении временных правил для узаконения браков, не записанных в метрической книге

О рыболовстве в Закаспийской области

Карательная политика царизма

Усиление ответственности за распространение среди войск контрреволюционной пропаганды

О сохранении в штатах жандармских полицейских учреждений Забайкальской Сибирской железной дороги 110 добавочных должностей жандармов

Об учреждении военно-полевых судов

О мерах предупреждения побегов арестантов

Об установлении перевозки арестантов на подводах

Об образовании временных генерал-губернаторств

Об утверждении штатов временных генерал-губернаторов

Об учреждении временного Кронштадтского ген. губернаторства

Об утверждении штатов военных генерал-губернских управлений

О продлении действия ст. 344 Управления Сибири

Об учреждении Бакинского градоначальства

Усиление личного состава портовой полиции Севастополя

Об увеличении штата полиции в городах Ферганской обл.

Об установлении уголовной ответственности за восхваление преступных деяний в речи и печати

О продолжении командирования войск для содействия гражданским властям

Об образовании временного генерал-губернаторства в Екатеринбургской губ. в Области Войска Донского

Меры по осуществлению аграрной политики

О предназначении казенных земель к продаже для расширения крестьянского землевладения

Предоставление Крестьянскому поземельному банку кредита при производстве операций по землям в Особом отделе Государственного земельного банка

Передача земель кабинетских в Алтайском округе в распоряжение ГУЗиЗа

Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей

О понижении платежей заемщиков Крестьянского банка

О разрешении владельцам заповедных и майоратных имений отчуждать крестьянам участки

О дополнении некоторых постановлений действующего законодательства, касающегося вопроса о крестьянском землепользовании

О выдаче Крестьянскому банку ссуд под залог надельных земель

О продлении на 1907 г. предоставленных министру финансов полномочий по установлению временного подесятинного оклада государственного поземельного налога в Туркестанском крае

Таким образом, самыми значительными были законы, касавшиеся карательной политики и аграрной реформы.

Столыпин, став «главой правительства контрреволюции»⁷³, продолжал разрабатывать и осуществлять программу подавления революции. Ее первая часть была рассчитана на то, чтобы методами физической расправы (в диапазоне военно-полевых экзекуций и черносотенных погромов) окончательно раздавить революцию. «...Монархия Романовых не могла защищаться иными, как самыми грязными, отвратительными, подло-жестокими средствами»⁷⁴.

Программа «успокоения» не предназначалась для обсуждения в Государственной думе, о ней молчали на переговорах с октябристами, но она явилась практической установкой для деятельности центральной и местной администрации и поэтому излагалась в секретном циркуляре министра внутренних дел от 15 сентября 1906 г.

Первостепенное внимание уделялось крестьянскому движению. Разобщить и ослабить его правительство надеялось путем удовлетворения «легко осуществимых желаний крестьян при непременно, впрочем, условии, чтобы такого рода воздействие не создавало повода к возникновению у них неправильного представления о намерении правительства нарушить законные интересы помещиков»⁷⁵. Но к этим мерам правительство рекомендовало обратиться «во вторую очередь».

Центр тяжести в политике правительства падал на репрессии. Полицейские, жандармские и воинские команды должны были оказывать наиболее надежное «воздействие» на крестьян. Правительство требовало от местных властей вести самую упорную и решительную борьбу с агитацией, быстро расправляться с руководителями движения. В связи с чем подтверждалась эффективность постоянного пребывания войск в губерниях, где предполагались выступления крестьян.

Самое серьезное внимание Совет министров уделял борьбе с революционной агитацией в армии. Предусматривалось создать в воинских частях развернутую сеть внутренней агентуры и с ее помощью осуществлять надзор за поведением нижних чинов, установить строгое наблюдение за новобранцами. Особую опасность правительство видело в «преступном направлении отдельных офицеров, в бестактных разговорах их в отношении высшего правительства». Военачальникам вменялось в обязанность принимать самые решительные меры и немедленно изолировать «элементы, вносящие брожение»⁷⁶.

Определялось и отношение властей к политическим партиям, обществам и профсоюзам. Открытому преследованию подверглась социал-демократическая партия и другие, «явно республиканские партии». В рамки еще более жесткой полицейской регламентации ставились профессиональные общества.

Большие надежды возлагались на буржуазно-монархические партии и явные черносотенные организации. Совет министров прямо-таки призывал к созданию черносотенных союзов, расценивая их как силу, на которую можно надежно опереться. В циркуляре недвусмысленно говорилось, что «существенную услугу местным коренным органам могут оказать монархические и патриотические общества, образовавшиеся во многих областях империи»⁷⁷. Во время предвыборной компании в Государственную думу Столыпин, еще раз указав местным властям на необходимость преследовать собрания и отдельных агитаторов «революционных партий», специально разъяснил, что партию «17 октября», как и другие «умеренные организации, нельзя причислять к противоправительственным и распространять на них действие циркуляра»⁷⁸.

Теоретически обосновав политический курс, Совет министров перешел к проведению его в жизнь.

Летом 1906 г. наступил третий этап борьбы правительства с революцией. Если в период высшего подъема революции в октябре — декабре 1905 г. и во время аграрных выступлений весной 1906 г. царское правительство, проводя политику крайних репрессий, вынуждено было оглядываться назад и идти на уступки, то с конца лета 1906 г. реакция перешла в открытое наступление. Карательная политика достигла апогея. Совет министров в это время отказался от продолжительных заседаний с затянувшимися прениями по поводу того, «уместно или неуместно», «согласовывается или нет с манифестом» и т. д. Деятельного председателя Совета министров интересовала лишь эффективность карательной меры. Только посредством ст. 87 Основных законов Совет министров за 10 месяцев провел в жизнь 15 законодательных актов карательного характера. Разрабатывались они в МВД и МЮ и предлагались членам объединенного правительства для одобрения.

Председатель Совета министров доказал свою готовность претворить в жизнь намеченную программу уже в июле 1906 г., ког-

да вспыхнуло восстание солдат и матросов в Свеаборге и Кронштадте, поддержанное Красной гвардией финнов. После подавления восстания и массовых арестов Столыпин настаивал на немедленном предании всех задержанных, в том числе и гражданских лиц, военному суду. Очевидность беззакония была настолько явной, что генерал-губернатор Н. Н. Герард, боясь нового взрыва, обратился к царю с просьбой: «Хотя бы финляндских граждан предать гражданскому суду»⁷⁹. Столь «вредная нерешительность» вызвала недовольство председателя Совета министров.

События в Кронштадте и Свеаборге, солидарность петербургских и московских рабочих с восставшими моряками вновь поставили на повестку дня вопрос о преследовании революционной агитации в армии. С этой целью министр юстиции И. Г. Щегловитов представил в Совет министров новый законопроект. Он усиливал меру наказания. За революционную агитацию грозила каторга. Это суровое наказание распространялось только на лиц, ведущих пропаганду в казармах или «во время исполнения ими служебных обязанностей», т. е. во время подавления восстаний. Последнее положение вызвало серьезные возражения П. А. Столыпина, потребовавшего ввести столь же строгую кару за агитацию среди войск во всех случаях⁸⁰. Проект был проведен по ст. 87 Основных законов.

4 августа министерство П. А. Столыпина вернулось к вопросу, не получившему окончательного решения при С. Ю. Витте. Речь идет о праве служащих государственных учреждений принимать участие в политических партиях. Совет министров зорко следил за состоянием умов служилой бюрократии.

Небезынтересна попытка Совета министров определить партии, членами которых могли быть чиновники. В проекте «Мемории» упоминалось, что разрешается принимать участие служащим в партиях, «в программе коих лежит признание монархического принципа». Затем было внесено дополнение, согласно которому «служащим запрещается принимать участие в партии народной свободы и в еще более крайних партиях и сообществах»⁸¹. Однако в последней редакции «Мемории» Совета министров от 4 августа отсутствуют обе формулировки и вносится изменение, свидетельствующее о ставке правительства на черносотенные и крайне правые организации, деятельность которых «не вызывает со стороны правительства никаких опасений или даже признается им полезной»⁸². Основные положения, разработанные Советом министров, вошли в циркуляр от 14 сентября. Он был разослан всем министрам, главноуправляющим, начальникам ведомств, губернаторам и генерал-губернаторам.

«Кабинет» Столыпина, как и его предшественники, в карательной политике широко использовал полицейско-жандармские учреждения. Как и прежде, Совет министров увеличивает штаты полиции и жандармерии, учреждает градоначальства. С июля 1906 г. по январь 1907 г. Совет министров утвердил новые штаты полицейско-жандармских учреждений в 19 крупнейших городах

и 4 губерниях, предусмотрев дополнительные ассигнования на содержание полиции по смете 1906 г. на 20 млн. руб.⁸³ И это в тот момент, когда на каждом заседании упоминалось о необходимости сокращения сметных расходов по ведомствам. Сокращение проводилось, но в основном по ведомству народного просвещения или за счет уменьшения чрезвычайных сверхсметных кредитов, отпускаемых на удовлетворение семенных и продовольственных нужд населения⁸⁴. Для проведения карательных мероприятий средства находились всегда. Об этом свидетельствует, например, письмо военного министра А. Ф. Редигера от 25 ноября 1906 г. председателю Совета министров о необходимости возвращения к месту их службы войск, командированных в различные области страны для «поддержания общественного порядка».

В числе причин немедленного возврата войск к месту их службы военный министр указал на то, что кредит, определенный на содержание войск в размере 7,5 млн. руб., израсходован. В случае продления срока пребывания войск вне их постоянного расквартирования требовался ежемесячно дополнительный кредит в размере 3 млн. руб.⁸⁵

Письмо А. Ф. Редигера обсуждалось в Совете министров. Министр финансов В. Н. Коковцов напомнил на заседании о бедственном положении казначейства и признал, что финансовое состояние страны не могут поправить даже иностранные займы. Тем не менее Совет министров категорически отверг доводы военного министра и министра финансов и постановил оставить войска расквартированными по губерниям и уездам, хотя бы до зимы⁸⁶.

Правительство законодательным путем распространило на гражданский карательный аппарат «Правила применения войсками оружия».

Согласно действовавшему законодательству полицейская стража за нанесение телесных повреждений оружием привлекалась к уголовной ответственности. В революционной обстановке этот закон фактически был отменен. Правительство П. А. Столыпина решило узаконить полицейский произвол. 19 декабря 1906 г. министр внутренних дел П. А. Столыпин представил на заседание Совета министров проект указа о «распространении на чинов уездной полицейской стражи правил применения оружия войсками». Указ предусматривалось провести на основании ст. 11 Основных законов.

Однако министр юстиции И. Г. Щегловитов, дабы не менять «действующих узаконений», предложил отменить уголовную ответственность за применение полицейской стражей оружия просто в распорядительном порядке.

Совет министров принял поправки И. Г. Щегловитова и поручил ему циркулярно разъяснить чинов прокурорского надзора о принятом правительственном решении⁸⁷.

Правительство П. А. Столыпина летом 1906 г. легализовало широкое применение военно-полевых судов.

Обсуждение проекта о военно-полевых судах, составленного главным военным прокурором ген. Павловым еще в ноябре 1905 г. и не принятого «кабинетом» С. Ю. Витте, возобновилось по инициативе министра внутренних дел еще при И. Л. Горемыкине. Одним из инициаторов проведения в жизнь «скорострельной юстиции» был Николай П. 2 июня 1906 г. военный министр А. Ф. Редигер обратился к царю с ходатайством о замене одному из осужденных военным судом смертной казни каторжными работами. «...Смертная казнь,— отвечал на это Николай П,— в настоящее время явление, к сожалению, неизбежное. Но необходимо, чтобы лица, совершившие преступление, караемые смертной казнью, не томилась долгое время в ее ожидании и чтобы приговоры в этих случаях постановлялись и исполнялись не позже 48 часов после свершения преступления. Такое быстрое наказание будет вместе с тем иметь и более устрашающее действие»⁸⁸.

Председатель Совета министров поспешил дать ход царской «заботе» о приговоренных и запросил министра юстиции «о дальнейших предположениях по настоящему предмету», и, хотя И. Г. Щегловитов усмотрел «ущерб для дела правосудия введением в закон правила об обязательном окончании судебной процедуры в 48 часов», вопрос о военно-полевых судах обсуждался в Совете министров 17 и 19 августа. Эти заседания, судя по журналам заседаний, носили в значительной степени характер формального ознакомления членов Совета министров с готовым проектом нового закона.

17 августа на заседании Совета были подробно изложены П. А. Столыпиным все пункты «учреждения военно-полевых судов», а 19 августа Совет министров постановил: «На основании ст. 87-й Основных государственных законов в местностях, объявленных на военном положении или в положении чрезвычайной охраны, предавать обвиняемых, если преступление не требует расследования, военно-полевому суду по законам военного времени»⁸⁹. Военно-полевой суд учреждался по требованию генерал-губернаторов, военачальников или «лиц, облеченных их властью». При этом Совет министров подчеркнул, что закон распространяется в первую очередь на гражданских лиц.

Закон о военно-полевых судах был опубликован 25 августа и сопровождался правительственным сообщением. «Правительство не могло,— говорилось в нем,— не обратить внимания на то, что обыкновенное судебное разбирательство не вполне приспособлено к обстоятельствам настоящего времени и не дает возможности достаточно быстрой репрессии за преступления»⁹⁰.

Согласно новому закону военно-полевому суду предавались лица, «когда учинение преступного деяния является настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании». Итак, в основе обвинения лежит лишь «очевидность». Подобными двусмысленными формулировками пестрел текст «учреждения». Это давало возможность подвести под судебную ответственность любой со-

став преступления. Так, одесский генерал-губернатор предавал военно-полевому суду лиц, обвиняемых в поджогах, грабежах и иных преступлениях чисто уголовного характера. Двинский генерал-губернатор составил перечень преступлений, перечеркнувший не только Уголовный, но и Гражданский кодекс. К числу «преступлений» относилось «неуважение к начальству и чиновникам».

В итоге только с 31 августа 1906 г. по 31 января 1907 г. военно-полевые суды приговорили к казни в городах: Риге — 61 человека, Екатеринославе — 38; в Кельцах — 28; в Москве — 19, в Кронштадте — 17; в Тифлисе — 13; в Одессе — 11; Митаве — 11⁹¹. Число дел, рассматривавшихся военно-полевыми судами в порядке чрезвычайной подсудности, резко возросло. Если в 1902 г. их было 15, в 1903 — 43, в 1904 — 18, в 1905 — 308, в 1906 — 4698, в 1907 г. — 4335⁹².

Председатель Совета министров проявлял особую заботу о том, чтобы закон не стал «пустой угрозой». В циркулярах от 6 сентября и от 21 ноября, в многочисленных телеграммах, адресованных генерал-губернаторам, градоначальникам и другим должностным лицам, П. А. Столыпин требовал «проявить самую решительную энергию в пользовании предоставленными... чрезвычайными полномочиями для борьбы с крамолой»⁹³. Так, 9 сентября он сообщил генерал-губернаторам и командующим войсками, что «начальственные лица, которые допустят отступление от этого повеления (циркуляр от 6 сентября.— *Н. К.*), будут ответственны лично перед г. им.»⁹⁴. 11 сентября П. А. Столыпин обязывает командующих войсками «озаботиться, чтобы по приговорам военно-полевых судов не подавались телеграммы о помиловании». Предлагалось даже сделать специальное распоряжение почтово-телеграфному ведомству, запрещающее принимать телеграммы от лиц, осужденных военно-полевым судом⁹⁵. Введенные по решению Совета министров военно-полевые суды в течение шести месяцев выносили смертные приговоры. С приближением созыва второй Государственной думы Совет министров рекомендовал генерал-губернаторам и военачальникам «по возможности воздержаться на будущее время от применения военно-полевых судов»⁹⁶.

Но это еще не означало, что правительство полностью стало со «скорострельной юстицией». Путем дополнений статей военного и морского законодательства, расширивших перечень дел, подсудных военно-окружным судам, правительство закрепило практику применения к гражданским лицам чрезвычайной подсудности.

Правительство, в руках которого находилось все законодательство, вводило в действие, помимо «законодательных» учреждений, самые жестокие карательные законы. «Нельзя удерживать призывом к законности,— отмечал В. И. Ленин,— старую власть, которая всегда сама сочиняла законы, которая борется за свое существование последними, самыми отчаянными, дикими и бешеными средствами»⁹⁷.

В конце 1906 — начале 1907 г. революция продолжала отступать. Все свирепее становилась реакция. 94% губерний находилось на положении чрезвычайной охраны. В течение 11 месяцев «кабинет» Столыпина 69 раз рассматривал вопросы исключительного положения. По России прокатилась новая волна арестов, военно-полевые суды приговаривали тысячи людей к казни, каторжным работам. В. И. Ленин введение военно-полевых судов связывал с установлением в стране военной диктатуры. 8 сентября 1906 г. В. И. Ленин писал: «Мы сказали, что реакция „грозит“ военной диктатурой. Это, собственно говоря, неверно, ибо теперь, после введения военно-полевых судов во всех губерниях с „окраиной“, т. е. в 82 из 87 губерний империи, смешно говорить о военной диктатуре как о будущем. Это уже настоящее, и перемена названия, употребление более „страшного“ слова („диктатура“, вместо „чрезвычайная охрана“), назначение одного диктатора ровнехонько ничего *не могут* уже прибавить к массовым арестам, к ссылкам без суда, к карательным экспедициям, к обыскам на улице, к расстрелу по приговору офицеров. В России уже теперь царит военно-полицейская диктатура»⁹⁸.

Массовые аресты привели к тому, что к концу 1906 г. «население мест заключения» возросло настолько, что «кабинет» Столыпина вынужден был многократно обращаться к вопросам тюремного ведомства. Забыв о «бережливости в расходовании средств», Совет министров пошел на превышение сметы расходов по Главному тюремному управлению. Так, на увеличение штата тюремной охраны 19 сентября 1906 г. было выделено 128 тыс. руб., 10 октября — 650 тыс., 16 января 1907 г. — 120 тыс.⁹⁹; на отопление, освещение и приспособление под камеры разных тюремных помещений 30 сентября 1906 г. было ассигновано 650 тыс. руб.; на возмещение расходов по содержанию поднадзорных 9 января 1907 г. было отпущено 222 657 руб.¹⁰⁰

Пока обсуждались и удовлетворялись сверхсметные расходы Главного тюремного управления, министр юстиции разработал более действенное мероприятие. В стране, где миллионы людей не имели пригодной к жилью площади, министр юстиции предложил строить новые тюрьмы и расширять имеющиеся. 14 апреля 1907 г. И. Г. Щегловитов представил председателю Совета министров записку о необходимости расширения тюрем. В распоряжение тюремного ведомства передавались военные казематы, арендованные и приспособленные под тюрьмы частные дома, административные и хозяйственные здания, пустовавшие монастыри. Были расширены Иркутская и Нерчинская каторга. Тысячи осужденных направлялись в Амурскую и Иркутскую губернии на строительство дорог. Министр юстиции просил у Совета министров согласия на строительство новых тюремных зданий. При этом Щегловитов выдвинул «идею» — стоимость строительства тюрем и переоборудования казарм под них покрыть за счет штрафов, налагаемых на население, т. е. на средства тех, для кого места заключений предназначались.¹⁰¹

Узаконив физическую расправу над восставшим народом, Совет министров во главе со Столыпиным к лету 1907 г. расчистил путь третьеиюньскому перевороту.

«Новый курс» аграрной политики и реформа местного управления

Проводя активную политику усмирения страны, новый председатель Совета министров не мог не учитывать уроки революции. Политику репрессий «кабинет» Столыпина вынужден был сочетать с попытками найти иные средства не только для подавления революции, но и для предотвращения ее в будущем. В этой связи первостепенное значение имело решение аграрного вопроса.

В отличие от Витте, медленно и постепенно склонявшегося к отказу от цезаристской политики царизма, Столыпин решительно взял курс на создание из верхов деревенской буржуазии опоры для борьбы с революционным крестьянством. Характеризуя суть этой политики в период революции, В. И. Ленин писал: «С одной стороны, военно-полевые суды. С другой стороны, широко задуманная попытка сделки с деревенской буржуазией.

Правительство чувствует, что его единственное спасенье — укрепить деревенскую буржуазию из мужиков, внутри общины, чтобы опереться на них против крестьянской массы»¹⁰².

«Новый курс» аграрной политики явился практической реализацией высказанных помещным дворянством мнений, нашедших свое отражение в работе совещаний по аграрному вопросу во главе с Витте и Горемыкиным. Во время революции помещики на практике убедились, что только верхушка зажиточного крестьянства могла быть их союзницей в борьбе с революционным беднейшим крестьянством. П. А. Столыпин пришел к этому выводу еще в 1903 г. В основу коренного разрешения аграрного вопроса он предложил положить принцип создания класса мелких собственников как «основной ячейки государства, являющейся противником всяких разрушительных теорий»¹⁰³.

Собственно, это и были взгляды большинства помещного дворянства, о чем свидетельствуют материалы I и II съездов уполномоченных дворянских обществ, состоявшихся в мае и ноябре 1906 г. На I съезде раздалось требование крупнейших помещиков об «упразднении общин, которые есть рассадник социалистических бацилл»¹⁰⁴. Выступая за укрепление наделной земли в частную собственность, реакционное дворянство было заинтересовано лишь в том, чтобы собственники земли из числа зажиточного крестьянства «были сильны и дорожили своей собственностью»¹⁰⁵. «Мы должны добровольно идти навстречу продаже крестьянам земли...» — признавали крупные помещики Д. Д. Олсуфьев и О. Д. Дурново, — «и объединить мелких собственников в группы защитников частной собственности и протянуть им руку», — вторил им. А. Уваров¹⁰⁶.

Наряду с требованиями укрепления частной собственности, упразднения общин уполномоченные дворянских обществ настаивали, чтобы правительство снизило слишком высокие проценты по ссудам и дало возможность состоятельным крестьянам более активно покупать земли при посредстве Крестьянского поземельного банка.

Только такой путь разрешения аграрного вопроса дворянство признавало приемлемым. Основная идея новой аграрной реформы состояла, таким образом, в создании хуторско-отрубной системы землевладения и нового класса земельных собственников из верхушечной части крестьянства¹⁰⁷, в связи с чем аграрная программа столыпинского правительства предусматривала форсированную ломку общинного землевладения, усиление роли Крестьянского поземельного банка в продаже земель зажиточным крестьянам и активизацию переселенческой политики. Эта программа была реализована Советом министров в принятых им законопроектах.

Совет министров 9 августа 1906 г. принял решение об образовании комиссии «для рассмотрения вопросов, касающихся способов снабжения малоземельных крестьян землей и упорядочения крестьянского землевладения». Эта комиссия, возглавляемая товарищем министра внутренних дел В. И. Гурко, разработала проект указа о передаче Крестьянскому банку части удельных земель, который был утвержден 12 августа; 22 августа главноуправляющий землеустройством и земледелием Б. А. Васильчиков внес в Совет министров проект второго указа о передаче Крестьянскому поземельному банку части казенных земель и о продажах ее продажи крестьянам¹⁰⁸.

«Кабинет» Столыпина хотел дать понять крестьянству, что правительство во главу угла ставит вопрос об увеличении земельных наделов малоземельных крестьян. С этой целью Совет министров постановил: «По весьма льготным ценам, определяемым по капитализации доходов в данной местности, применительно к правилам оценки земель Крестьянским банком предоставить право крестьянам и лицам других сословий, не отличающихся от крестьянства по быту, на покупку земель». Хотя продажа земли производилась с понижением против номинальной стоимости на 20%, цена ее была высокой, «она не должна была превышать двадцатикратной средней за последнее трехлетие арендной платы за пазванные участки»¹⁰⁹. Сосредоточивая в государственном фонде запас земель, правительство преследовало цель в первую очередь усилить экономически зажиточных крестьян, именно поэтому поощрялось расселение крестьян по хуторам и предусматривалась выдача ссуд для хозяйственного обзаведения на приобретенных землях. Хозяйственное положение откупщиков, количество продаваемой земли и продажные цены на местах устанавливались землеустроительными комиссиями.

Оба указа были приняты по ст. 87 Основных законов¹¹⁰.

12 сентября П. А. Столыпин, обращаясь к членам Совета, указал, что «настало время сделать шаг по пути гражданского равноправия и слияния крестьян с остальными сословиями»¹¹¹, и предоставил на усмотрение Совета проект указа «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий». Отмена ограничений касалась в основном порядка поступления на службу, свободного избрания места жительства и профессии, а также незначительного изменения прав земских начальников. Им запрещалось без постановления волостного суда и волостной администрации штрафовать и арестовывать крестьян. Указом разрешалось производить семейные разделы и получать паспорта без согласия сельского общества.

Члены Совета министров, одоблив основные положения проекта, высказали дополнительные соображения. Так, в замечаниях В. Н. Коковцова и Б. А. Васильчикова проявилась тенденция отстоять охранительную политику устоев сословного строя. Они высказались против общей ломки крестьянского быта и протестовали против нарушения прежнего порядка семейных разделов, отстаивали право земских начальников вести «упрощенный суд в местностях, далеко расположенных от центра волости». Однако большинство членов Совета не поддержало их¹¹². Проект указа был принят по ст. 87 Основных законов и утвержден Николаем II 5 октября 1906 г.

От предварительных мер частичного ослабления зависимости крестьян от общины правительство П. А. Столыпина перешло к решительному уничтожению общинного землепользования. В начале октября 1906 г. комиссия под председательством В. И. Гурко подготовила проект указа о выходе из общины. Этот проект вместе с объяснительной запиской комиссии был 12 октября внесен министром внутренних дел и председателем Совета министров на обсуждение «кабинета». Царское правительство пыталось покрепостнически за счет одних только крестьянских надельных земель, оставляя в полной неприкосновенности помещичье землевладение, провести ломку сложившихся после реформы 1861 г. поземельных отношений с тем, чтобы предотвратить эту ломку революционным путем. Указ обеспечивал право свободного выхода из общины домохозяев с укреплением в собственность находящейся в фактическом их пользовании земли¹¹³. Столыпин настаивал на немедленном оформлении проекта указа законодательно, путем внесения «соответствующих дополнений некоторых постановлений действующих законов, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». «Без соответствующего изменения законодательства,— уверял председатель Совета министров,— для значительного большинства крестьян право свободного выхода из общины остается столь же призрачным, каким оно было до настоящего времени»¹¹⁴.

В целях устранения «имеющихся в действующих узаконениях препятствий к действительному осуществлению крестьянами при-

надлежащих им прав на наделные земли» предлагалось закрепить «законодательным путем право за каждым домохозяином, владеющим наделной землей на общинном праве, требовать укрепления в личную собственность причитающейся ему части означенной земли». Предусматривалось закрепление в личную собственность и всех тех участков общинной земли, которые при новом переделе могли быть изъяты. За порвавшими с общиной крестьянами сохранилось право пользования сенокосами, лесными угодьями, которые подлежали переделу, «равно как и непеределываемыми угодьями, как-то: мирской усадебной землей, выгонами, пастбищами».

Как и в предыдущих законодательных актах, поощрялось хуторское расселение крестьян: «Каждый домохозяин имеет право во всякое время требовать, чтобы общество выделило ему взамен участков наделной земли собственный участок, по возможности к одному месту».

Процедура выхода из общины упрощалась. Достаточно было подать заявление через сельского старосту обществу об укреплении в личную собственность части общинной земли. Для вынесения приговора общества достаточно было простого большинства голосов. Если через месяц со дня подачи заявления приговор не исполнялся, то все решал земский начальник, который «объявлял по сему предмету свое постановление». Высшей апелляционной инстанцией на решения общества и земского начальника был уездный съезд¹¹⁵. Это был курс на форсированное расхищение общинных земель кулачеством, на выделение в лице хуторян и отрубников надежного в политическом отношении слоя, который мог быть использован царизмом в качестве социальной опоры в деревне. С помощью крепкого крестьянина-кулака царское правительство надеялось сохранить помещичье господство и монархическую власть. Беднейшее, малоземельное крестьянство при таких условиях оставалось «в старом, кабальном, крепостническом положении»¹¹⁶.

Новая законодательная мера вызвала различные мнения в Совете министров. По-прежнему министр финансов В. Н. Кокцов, главноуправляющий землеустройством и земледелием князь Б. А. Васильчиков выступали против «торопливости» в этом деле. Ломка традиционных институтов казалась им слишком рискованным шагом. Особенно опасались они увеличения земельных наделов в руках зажиточных крестьян, т. е. усиления сельской буржуазии. В. Н. Кокцов попытался доказать, что от «планируемой меры выиграют только те немногочисленные домохозяева, которых закон застаёт в положении статус-кво и закрепит за ними наделы, превышающие по своим размерам нормальный для данной общины надел»¹¹⁷. Главноуправляющий землеустройством и земледелием представил Столыпину письменное возражение от имени своего ведомства, где, в частности, отмечалось, что «не замедление на некоторое время применения упомянутых правил, а наоборот, издание их вне установленного общезаконодательного

порядка... может иметь нежелательные, с точки зрения государственных интересов, последствия»¹¹⁸. Если Коковцов опасался экономического роста сельской буржуазии, то Васильчикова пугали результаты проведения указа по ст. 87 Основных законов. Он опасался, что правительство обострит тем самым отношения с будущей Думой.

Председатель Совета министров резко отверг сомнения министра финансов и главноуправляющего землеустройством и земледелием. «Он дал понять нам,— писал В. Н. Коковцов,— что этот вопрос составляет для него предмет, не допускающий какой-либо принципиальной уступки, и высказался за немедленное издание подготовленного указа»¹¹⁹.

Председателя Совета министров поддержало большинство Совета: П. М. Кауфман, Д. А. Философов, П. Х. Шванебах, Н. К. Шауфус, И. Г. Щегловитов, А. П. Извольский, П. П. Извольский. В докладе Столыпина Николаю II, приложенном к Особому журналу, от 9 ноября 1906 г. подчеркивалось не столько экономическое значение укрепления наделов в личную собственность, сколько важность этой меры с социально-политической точки зрения. «Только таким путем,— говорилось в заключение доклада,— будет создана та крепкая среда мелких и средних собственников, которая повсеместно служит оплотом и цементом государственного порядка»¹²⁰.

9 ноября на Особом журнале Совета министров Николай II писал: «Согласен с мнением председателя и 7-ми членов»¹²¹. Проект получил утверждение и был принят по ст. 87 Основных законов¹²². Так в порядке чрезвычайной меры начал осуществляться курс на изменение политики царизма в аграрном вопросе.

15 ноября Николай II утвердил указ «О праве залога наделных земель». Эта мера проводилась в манифесте от 3 ноября 1905 г. Указ 15 ноября 1906 г., предусматривавший выдачу ссуд под залог наделных земель, был проведен также по ст. 87 Основных законов. Совет министров спешил провести аграрную реформу в чрезвычайном порядке, с тем чтобы поставить вторую Государственную думу перед свершившимся фактом. Опыт с первой Думой показал, что «кабинету» крайне невыгодно выносить на обсуждение Думы проекты законов по острым политическим вопросам. Другое дело — заставить Думу обсуждать уже утвержденный императором закон.

Указами от 9 и 15 ноября и связанными с ними законодательными положениями открывался последний клапан для развития капитализма в сельском хозяйстве России при сохранении и укреплении помещичьего землевладения. Развитие капитализма в деревне обрекалось на медленный, болезненный, противоречивый прусский путь.

«Это — откровенно помещичья программа,— писал В. И. Ленин, оценивая столыпинский аграрный бонапартизм.— Но можно ли сказать, что она реакционна в экономическом смысле, т. е. что она исключает или стремится исключить развитие капитализ-

ма? не допустить буржуазной аграрной эволюции? Ни в каком случае. Напротив, знаменитое аграрное законодательство Столыпина по 87-й статье насквозь проникнуто чисто буржуазным духом... Оно... ускоряет экспроприацию крестьянства, распадение общины, создание крестьянской буржуазии»¹²³.

Средством реализации мероприятий аграрной политики правительство сделало Крестьянский поземельный банк, расширив его деятельность и увеличив кредиты.

Со ставкой царизма на постепенное переустройство деревни по прусскому пути капиталистического развития непосредственно была связана активизация деятельности Совета министров в области переселенческой политики. Она должна была обеспечить, по замыслам правительства, выселение крестьян из центральных районов России, особенно страдавших от малоземелья и особенно ненадежных в политическом отношении. Освободившаяся земля передавалась в руки кулаков. Таким образом, правительство при проведении аграрной реформы пыталось сочетать интересы хозяев полукрепостнических латифундий российского центра, являвшихся главным оплотом социально-экономического и политического строя в России и кровно заинтересованных в освобождении Центра страны от массы недовольного крестьянства, с интересами деревенской буржуазии.

Вопросы переселенческой политики проходили через Совет министров в связи с представлениями Главного управления землеустройством и земледелием об отпуске кредитов на переселенческое дело и об отводе участков земель для водворения переселенцев. В 1906—1907 гг. Совет министров рассмотрел ходатайства ГУЗиЗа о выделении кредита на расходы по переселению в Алтайский край, Енисейскую губернию, Туркестанский край. Для «кабинета» каждое обсуждение вопроса о кредитовании переселенческого дела было тягостным. Министр финансов и государственный контролер неизменно выступали за уменьшение средств, выделяемых из казны на переселенческое дело. Это заставило главу ведомства земледелия и землеустройства Б. А. Васильчикова составить специальную записку на имя П. А. Столыпина. «Неустойчивый до последнего времени, — писал Васильчиков, — взгляд правительства на государственное значение переселения отражался всегда и на сметных на этот предмет назначениях, которые никогда не были в соответствии с действительной потребностью. В то же время все попытки регулировать размер переселенческого движения рамками бюджета оказались бесплодными; постоянное сокращение ассигнований на необходимые расходы... нарушало планомерность деятельности переселенческих организаций и привело к той неудовлетворительной постановке дела, которая вызывает... нарекания на правительство»¹²⁴. В записке определялся расход на землеустроительные нужды в районах переселения в сумме 41 млн. 730 тыс. руб.¹²⁵ Министр финансов определил «предельную общую сумму, какая могла бы быть отпущена на переселенческое дело» в 1907 г.

в 7,5 млн. руб.¹²⁶ Совет министров под давлением Столыпина разрешил ведомству землеустройства и земледелия «отпустить кредиты в размерах, превышающих те суммы, которые ассигнованы были... по смете 1906 года», но при этом признал необходимым «произвести соответствующее сокращение по другим кредитам Главного управления»¹²⁷.

Заметим, что в годы третьей монархии Совет министров, несмотря на то что именно в этот период правительство уделяло самое серьезное внимание переселенческой политике, постоянно сокращал расходы ГУЗиЗа по сметам на переселенческое дело. Начиная с 1908 г. усиливается процесс возвращения крестьян в центральные районы. Переселенческая политика правительства оказалась в кризисном состоянии.

Экономическое усиление буржуазии вызвало необходимость ломки сословных перегородок и ликвидации социальной неполноправности крестьянства, что не могло не повлечь за собой реформу местного управления.

Система местного управления, основанная на принципе сословности, находилась в остром противоречии с развивающимися капиталистическими отношениями в деревне. Противоречия особенно усилились в годы революции, когда капитализм в сельском хозяйстве достиг такого уровня, при котором он должен был сломать старые аграрные отношения. Буржуазно-демократическая революция 1906—1907 гг. не сумела решить этого вопроса в пользу крестьянства. В. И. Ленин писал, что столыпинская реформа расчищала путь не крестьянскому, а помещичьему капитализму¹²⁸. Но и помещичий капитализм не мог не углублять пропасти между экономическими условиями развития страны и старой архаичной политической надстройкой, частью которой являлась система местного управления.

Царизм с трудом переваривал необходимость изменений сложившихся, наполовину патриархальных форм управления крестьянством.

Этот вопрос рассматривался с 90-х годов XIX в. в особых комиссиях и совещаниях. Но решение его отодвигалось в будущее даже в 1905 г. А между тем без преобразования местных учреждений аграрная реформа носила половинчатый характер. Это лучше других понимал председатель Совета министров.

11 декабря 1906 г. министерство внутренних дел представило в Совет министров законопроект «Об установлении главных начал устройства местного управления». Стержнем реформы было уничтожение сословного управления крестьянства. Сословные учреждения заменялись последовательной цепью бессословных организаций. Управляемые сословные сельские общества заменялись всесословным сельским округом, состоявшим из сельских обществ. Сельский округ являлся низшей единицей сельского самоуправления. Членами этих обществ были все владельцы недвижимого имущества и торгово-промышленных заведений, если оценочная

стоимость имущества достигала 150 руб.¹²⁹ Исполнительным органом сельских обществ был сельский староста.

Сельские общества соединялись в волость. Новая волость представляла собой по новому положению сплошной территориальный округ. В его состав входили все земельные владения «без различия сословия и положения их владельцев»¹³⁰. Распорядительный орган волости организовывался на выборных началах, но число избранных зависело от удельного веса имущественного владения членов волости, оценочная стоимость которого определялась 7500 руб. Исполнительные функции волостного управления оставались в руках волостного старшины.

Новый закон отказался от детальной регламентации компетенции волостных учреждений, определив лишь в общем круг их занятий. Однако этот принцип проводился непоследовательно. Для осуществления контроля за самоуправляющейся волостью учреждалось особое должностное лицо в правительственной власти — участковый начальник, так как царские реформаторы не в силах были отказаться от традиционного института самодержавной власти на местах. Участковый начальник по своему юридическому положению был аналогичен земскому начальнику, хотя и с более узкой компетенцией. Он лишался судебных функций, но за ним оставалось право получать копии постановлений волостных организаций, производить ревизии волостных управ¹³¹. Волости объединялись в уезд.

Органы уездного самоуправления и учреждения уездной администрации реформировались в соответствии с вышеизложенными принципами. Первостепенное внимание уделялось созданию системы правительственной администрации в уезде. В целях укрепления правительственной власти на местах проектировалось объединить многочисленные уездные присутствия в одно целое и учредить должность представителя общей правительственной администрации в уезде, который и возглавил бы всю систему бессловных учреждений в уезде*.

Координировать уездное управление должен был начальник уезда. «Достигнуть единства уездного управления, — отмечалось в проекте, — можно лишь учреждением органа правительственной власти, специально предназначенного для этой цели и являющегося в пределах уезда таким же представителем правительства, подчиняющим себе все прочие власти, каким в губернии является губернатор»¹³². Специального представителя правительства, назначаемого министром внутренних дел, предполагалось именовать вице-губернатором. Последний возглавлял коллегиальное учреждение — уездный совет, подразделявшийся на присутствия:

* Уездный предводитель дворянства был председателем всех присутствий в уезде. Он являлся попечителем народных училищ, председателем уездной землеустроительной комиссии и т. д. См. подробно: *Зырянов П. П.* III Дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления. — История СССР, 1969, № 6.

распорядительное, административное, дисциплинарное и полицейское. Во всех присутствиях председательствовал вице-губернатор. Членами уездного совета являлись различные чины уездной администрации, представители судебного ведомства, органов самоуправления и уездный предводитель дворянства¹³³. Коллегиальный орган собирался лишь в экстренных случаях.

Создание системы административной власти в уезде, особенно института вице-губернаторства, преследовало две цели. Первая (в известной степени позитивная) — упорядочение и объединение бессловного управления на местах. Вторая (негативная) — надзор и контроль за органами самоуправления — уездными земскими учреждениями.

Новый закон изменял порядок выборов в земские учреждения. Предполагалось построить трехступенную выборную систему. Первое избирательное собрание предназначалось для уездных землевладельцев, второе — для владельцев городской недвижимости, третьим было волостное земское собрание. Крупные собственники городов и сельских местностей составляли особые группы. Новая система расширяла круг участвующих в земских выборах. Но число уездных земских гласных зависело от числа полных цензов, составляющих собственность участников собрания. Закон повысил полный ценз до 150 тыс. руб.¹³⁴

Следовательно, подавляющее большинство гласных избиралось в первом и втором собраниях, где преобладали крупные собственники. Особыми привилегиями пользовались владельцы имущества, оценочная стоимость которого превышала 150 тыс. руб. Крупнейшие собственники входили в состав гласных уездного земского собрания без выборов, на основе так называемого личного права¹³⁵. Итак, новая система выборов обеспечивала перевес в земском собрании представителям крупного землевладения и владельцам торгово-промышленных предприятий.

Проект МВД несколько расширял компетенцию земских учреждений. Уездное земское собрание по аналогии с губернским могло издавать обязательные постановления при условии соответствия их распоряжениям местных властей и губернских местных учреждений. Волостные и уездные земские учреждения получали известную самостоятельность и некоторый оттенок исполнительной власти на местах. Предоставляя земству самостоятельность, министерство внутренних дел в то же время усиливало правительственный контроль «за законностью деятельности земства». Непосредственные контрольные функции принадлежали вице-губернатору. Он присутствовал в уездных земских собраниях, проводил ревизию хозяйственной деятельности земских учреждений, наблюдал за законностью¹³⁶.

Реформа местного управления, так же как и аграрная реформа, явилась попыткой столыпинского правительства частично решить «сверху» задачи буржуазного развития.

Противоречивость и сложность этой попытки проявилась уже на первом этапе при обсуждении в Совете министров проекта ре-

формы. Если указ 9 ноября был в целом одобрен всеми членами правительства, то обсуждение проектов реформы местного управления, проходившее 12 и 24 декабря 1906 и 3 и 6 января 1907 г., вызвало в столыпинском правительстве серьезные разногласия.

Как вспоминал В. Н. Коковцов, П. А. Столыпин поставил вопрос о реформе на «принципиальную высоту и дал понять, что он так же близок его сердцу, как и земельный вопрос»¹³⁷. Первый подводный камень, на который натолкнулся Столыпин, проводя реформу местного управления, обнаружился именно в Совете министров. Это был вопрос о сословных привилегиях дворянства. Министр финансов В. Н. Коковцов, новый министр торговли и промышленности Д. А. Философов, присоединившись к мнению государственного контролера — ультрареакционера П. Х. Шванебаха, подвергли критике те стороны законопроекта, которыми частично ущемлялись права и интересы дворянского сословия. Получив в период революции союзника в лице буржуазии, дворянство не очень-то желало делиться с ней своими вековыми привилегиями и гражданскими правами. Безраздельно господствовавший при самодержавном строе класс привык к тому, чтобы все нововведения производились за счет эксплуатируемого крестьянства, а не за счет его собственных привилегий. Не случайно объединенное дворянство, монархические партии ответили бурей негодования на проектируемую реформу, особенно на новый порядок земских выборов. «Если в разряд землевладельцев внесут собственников, имеющих две десятины земли, то наше положение будет отчаянное», — заявлял III съезд уполномоченных дворянских обществ¹³⁸. Вторя черносотенному дворянству, В. Н. Коковцов, Д. А. Философов и П. Х. Шванебах настояли на внесении поправок в статьи проекта о роли предводителя дворянства и о полномочиях начальника уезда. Большинство членов Совета министров, поддержав трех министров, рекомендовали допустить факультативное совмещение должностей начальника уездного управления и уездного предводителя дворянства там, где это окажется возможным¹³⁹. К тому же министр финансов был обеспокоен порядком выборов в волостное собрание. «Как бы владелец самого незначительного клочка земли, ввиду введения оценочного ценза, — заявил В. Н. Коковцов, — не попал в выборное волостное собрание, а оттуда в уездное земское собрание»¹⁴⁰. В оценочном цензе Совет министров вообще усмотрел введение всеобщего избирательного права для земских учреждений¹⁴¹. Было предложено ввести определенный ценз при выборах в волостное собрание. Опасаясь усиления роли крупной буржуазии в делах самоуправления, члены Совета не менее единодушно высказались против включения в число уездных земских гласных крупных собственников без выборов. «Этим путем, — говорилось в замечаниях министров, — вводится в земскую организацию принцип преобладания капитализма, едва ли могущий встретить в массе населения сочувственное отношение»¹⁴².

Столыпин добился одобрения проекта не без серьезного нажима на членов своего «кабинета». Совет министров в конце концов решил положить предложенную министерством внутренних дел меру в основу законопроектов о реформе местного управления.

Реформой местного управления расширялось влияние и значение выборных учреждений, намечался известный допуск их к решению дел общественной и хозяйственной жизни местности. Правительство в то же время приняло меры, направленные на усиление централизации учреждений правительственного аппарата на местах. Именно этой цели служила третья, заключительная часть проекта местного управления — «Об установлении главных начал устройства губернских установлений». Пересмотренным Положением о должности губернатора последнему присваивалось, хотя это было и не ново, «исключительное значение главного в губернии органа высшего правительства, снабженного необходимыми полномочиями»¹⁴³. Губернатор должен был стать надежным звеном в общей цепи правительственной власти — от Совета министров до управления губернией. Поэтому в проекте основное внимание уделялось двум вопросам: усилению ответственности начальников местных учреждений перед главой правительственной администрации в губернии и должностной ответственности губернатора перед председателем Совета министров и министром внутренних дел. Проводя бюрократическую централизацию административного управления, Совет министров возлагал на губернатора надзор за всеми находящимися в губернии учреждениями гражданского ведомства (кроме судебных, государственного контроля и кредитных органов) и должностными лицами¹⁴⁴.

Губернатор получал право потребовать от должностных лиц губернии необходимые ему сведения, производить ревизию всех местных учреждений, включая и органы самоуправления¹⁴⁵. Усиливая ответственность губернского начальства перед высшей правительственной властью, П. А. Столыпин тем самым добивался быстрого и беспрекословного исполнения всех решений правительства и укрепления административного аппарата. О неисполнении решений центральной или местной власти губернатор обязан был немедленно ставить в известность председателя Совета министров и министра внутренних дел.

Более широко был поставлен вопрос об ответственности губернаторов за их служебные действия. Начальник губернии становился основным ответственным лицом за работу землеустроительных органов, за поступление в казну окладных сборов, за взыскание недоимок и особенно за «общественное спокойствие» в губернии. В связи с этим учреждалась особая должность помощника губернатора по полицейской части, на которого возлагались и обязанности заведования губернским жандармским управлением. Как и раньше, губернаторам разрешалось издавать обязательные постановления «в целях ограждения благополучия и безопасности» местности, но указанное право в новом проекте стало более объемным. Губернатор мог прибегнуть к этой мере и для

«предупреждения и пресечения нарушения общественного спокойствия и государственного порядка»¹⁴⁶, пользуясь при этом и правом применения чрезвычайных мер.

С задачами централизованного управления на местах не мог справиться громоздкий механизм губернского управления, с многочисленными присутствиями, изолированными бюрократическими и функциональными перегородами. Поэтому упразднились мало что дающие губернское присутствие и канцелярия. Функции органа, призванного объединить губернское управление, передавались губернскому совету. При нем учреждалась общая канцелярия. В состав губернского совета входили губернатор — председатель Совета, два его помощника — по административной и полицейской части, прокурор окружного суда, управляющий казенной палатой, начальники ведомств, представители органов самоуправления и фабричный инспектор. Этот коллегиальный орган собирался исключительно для решения экстренных вопросов. Рабочими органами по-прежнему являлись присутствия.

Наиболее уязвимой частью реформы было проектируемое главное административное учреждение губернии. Сохранение присутствий нарушило принцип единообразия всей системы местного управления и сделало невозможным объединение деятельности отдельных звеньев губернского аппарата. Поэтому члены Совета министров попытались привести в соответствие возросшую власть губернатора и рассыпанную хранину губернских учреждений. Было решено создать три основных присутствия и сосредоточить в них все вопросы управления губернии. Присутствия подразделялись на административное, распорядительное и дисциплинарное.

Проект МВД «Об устройстве губернского управления» обсуждался в Совете министров 20 и 27 января 1907 г. В отличие от проекта о волостном управлении он особых прений не вызвал. Замечания касались частных вопросов. Лишь министр финансов В. Н. Коковцов (его поддержал министр торговли и промышленности Философов) обрушился с критикой на право губернатора испрашивать ассигнования из казны для нужд земств. Министр финансов даже поставил вопрос о своей отставке¹⁴⁷, но в дальнейшем уступил Столыпину, якобы «желая сохранить перед Думой единство кабинета»¹⁴⁸. Совет министров принял решение одобрить представленный проект, приняв его за основу выработки законопроекта об устройстве губернского управления.

Совет министров во главе со Столыпиным вернулся к вопросу о местном суде в связи с реформой местного управления. Необходимость преобразования местного суда была предметом обсуждения еще в «премьерство» И. Л. Горемыкина (министерство юстиции подготовило проект его преобразования к 1 июня 1906 г.). Однако ни первой, ни второй Думе не суждено было заняться этим проектом.

11 декабря 1906 г. министр юстиции Щегловитов представил в Совет министров проект изменения «Учреждения судебных установлений». Реформируя органы местной юстиции, правитель-

ство уступило требованиям сельской буржуазии, не желавшей терпеть устаревший атрибут патриархального уклада — сословный крестьянский волостной суд.

Проектом было предусмотрено упразднение волостных судов, лишение земских начальников судебных функций. Вместо волостных судов создавался бессословный единоличный мировой суд, в пределах компетенции до 1000 руб. Новые суды вводились лишь в тех губерниях, где было земское управление. Мировой судья, избираемый уездным земским собранием, утверждался Сенатом. Для мирового судьи устанавливался возрастной, имущественный, образовательный и нравственный цензы. Председатель съезда мировых судей назначался министерством юстиции. Съезд был апелляционной инстанцией в системе уездного суда. Законопроект посредством имущественного ценза и способа избрания мирового судьи делал крупные уступки дворянству. В то же время реформой местного суда частично проводился буржуазный принцип разделения администрации и суда ¹⁴⁹.

Вопрос о преобразовании местного суда слушали в Совете министров. Основным оппонентом Щегловитова оказался председатель Совета министров, министр внутренних дел П. А. Столыпин. Более всего его беспокоило отсутствие в проекте ценза благонадежности мировых судей. Он внес дополнение, по которому в мировые судьи не могли быть избраны лица, когда-либо состоявшие под надзором полиции. В проекте министра юстиции пересматривался прежний порядок одновременного представления земскими учреждениями в Сенат и губернатору списков избранных судей (вместе со списком губернатор представлял в Сенат свои соображения о нравственных качествах и благонадежности этих лиц, после чего Сенат утверждал или отвергал предложенные кандидатуры). По требованию председателя Совета министров в новом проекте была восстановлена эта процедура утверждения мировых судей. «Правительству известно,— заявил Столыпин,— что избранниками земств и городов не всегда оказывались лица безупречные и ожидать возможности повторения подобных случаев в будущем едва ли допустимо» ¹⁵⁰. П. А. Столыпин потребовал также исключить из проекта пункт, которым мировым судьям разрешалось делать низшим полицейским чинам предостережения в случаях нарушения ими закона, усмотрев в этом угрозу авторитету полицейской власти.

В связи с обсуждением в Совете министров проекта о преобразовании местного суда был затронут вопрос о проекте полицейского устава, разработанного в министерстве внутренних дел. Проект еще более усиливал полицейскую власть на местах. Полиция могла вмешиваться в функции административных и судебных властей и даже подменять их обязанности. Так, ей было дано право собственной властью налагать взыскания на нарушителей обязательных постановлений администрации. Это дополнение было внесено в проект П. А. Столыпиным. Несмотря на то что Щегловитов пытался доказать, что «едва ли можно почитать

совместимым с достоинством судей устранение их от дел их компетенции и поручение таковых ведению полицейских чинов»¹⁵¹, Совет поддержал председателя. Были одобрены и дополнения министра внутренних дел о включении в окончательный вариант полицейского устава правил о полицейских карательных постановлениях¹⁵². Переработанный в соответствии с замечаниями Совета министров проект министерства юстиции о местных судах был внесен в Государственную думу только третьего созыва.

Столыпинские проекты реформы местного управления и преобразования суда были подготовлены накануне третьей думской переворота. Третья Государственная дума, созванная на основе нового избирательного закона, должна была провести в жизнь столыпинское обновление политической и правовой надстройки. От того, насколько удалось бы это обновление царизму, во многом зависела дальнейшая судьба революционного движения в России. Поэтому В. И. Ленин призвал пролетариат и его партию «разъяснять, пропагандировать, бросать в массы лозунг крестьянского восстания вместе с пролетариатом, как *единственного* возможного средства помешать столыпинскому методу „обновления“ России»¹⁵³.

«Кабинет» Столыпина и представительные учреждения

Правительству удалось осуществить свой замысел и распустить первую Думу. Но разгон «народного представительства» не мог пройти безболезненно для царизма. Роспуск Думы внес отрезвление в массы крестьянства, веривших в «народное представительство, созванное царем». «Из опыта с Думой,— указывал В. И. Ленин,— революционные классы выходят более сплоченными, более близкими друг к другу, более способными к общему натиску. Самодержавие получило еще рану. Оно еще более изолировано. Оно еще более беспомощно перед задачами, которые разрешить совсем ему не по силам»¹⁵⁴.

Активно используя в целях осуществления своей программы период междудумья, Совет министров приступил к подготовке выборов во вторую Государственную думу. В течение трех месяцев срок выборов не назначался, что являлось грубейшим нарушением избирательного закона. «План правительства ясен,— писал В. И. Ленин.— Оно совершенно правильно рассчитало, определив срок созыва Думы и не определив, *вопреки закону*, срока выборов. Правительство не хочет связывать себе рук и раскрывать своих карт. Во-1-х, оно выигрывает время для размышления об изменении избирательного закона. Во-2-х,— и это главное — оно держит про запас назначение срока выборов для такого момента, когда сможет быть вполне определен характер нового подъема и его сила»¹⁵⁵.

Учитывая опыт первой Думы, столыпинское министерство внутренних дел принимало все меры с целью создать в будущей

Думе перевес правым партиям, поэтому в докладе Николаю II Столыпин еще в июле 1906 г. признал необходимым оказывать самое энергичное «правительственное давление на ход выборов»¹⁵⁵. Методы «делания» выборов были взяты из арсеналов политики «кабинета» Витте. Однако состав Государственной думы второго созыва, несмотря на политические и военно-полицейские репрессии, не оправдал надежд правительства. «Вторая Дума — левее первой Думы, — отмечал В. И. Ленин. — Во второй Думе гораздо больше социал-демократов и больше революционных демократов... Первая Дума была Думой надежд на мирный путь. Вторая Дума — Дума острой борьбы между черносотенным царским правительством и представителями массы...»¹⁵⁷

Совет министров во главе с П. А. Столыпиным определял свою тактику по отношению ко второй Государственной думе в иных условиях, по сравнению с «кабинетом» И. Л. Горемыкина. Революция отступала, хотя в конце 1906 — начале 1907 г. революционные бои пролетариата продолжались. В этих условиях правительство могло надеяться, что соглашательская линия кадетского руководства Думы, несмотря на ее левый состав, даст возможность «кабинету» провести в жизнь намеченные им реформы, окончательно подавить революцию и незаметно подготовить новый избирательный закон.

Совет министров, попытавшись воспользоваться кадетским тактическим лозунгом «беречь Думу», стремлением лидеров кадетов поддерживать лояльный тон по отношению к правительству, решил захватить законодательную инициативу в свои руки.

12 января 1907 г. состоялась заседание Совета министров по вопросу о законопроектах, подлежащих внесению в Государственную думу. Отстаивая интересы помещиков, правительство было вынуждено считаться и с интересами второго экономически господствующего класса — с интересами крупной буржуазии. В известной степени эта тенденция сказалась в правительственной программе.

Министерство внутренних дел представило в Думу законодательные акты по аграрному вопросу, которые были проведены по ст. 87 Основных законов. Думе предлагалось утвердить их пост-фактум. Ряд законопроектов, таких, как неприкосновенность личности, жилища, соблюдение тайны переписки, объявление местностей на исключительном положении, касались острых политических вопросов и готовились на тот случай, если кадетская Дума попытается в той или иной форме затронуть их. Министерство внутренних дел разработало также новые законодательные акты о религиозных обществах старообрядцев.

Ведомство юстиции дополнило программу «кабинета» Витте проведенным в междудумский период законом «О разрешении владельцам временно заповедных и майоративных земель отчуждать крестьянам участки из состава подлежащих им имений»¹⁵⁸.

В программе министерства финансов обозначилась старая тенденция к увеличению налогообложения. При этом проектиро-

валось и введение более прогрессивного подоходного налога. В целом программа оставалась прежней. По ст. 87 министерство финансов намечало провести законы о Крестьянском поземельном банке в целях приведения в соответствие роли банка с задачами аграрной реформы.

Министерство народного просвещения вносило предложения о введении всеобщего начального обучения и об утверждении правил о домашнем обучении первоначальной грамоте¹⁵⁹.

Министерство торговли и промышленности и министерство путей сообщения представляли законодательные меры, намеченные для обсуждения Думы первого созыва.

Самым серьезным вопросом программы, определившим отношения «кабинета» и Думы, был аграрный вопрос.

6 марта состоялось выступление председателя Совета министров с правительственной декларацией перед Государственной думой и Государственным советом. В ней П. А. Столыпин подробно остановился на характеристике тех законопроектов, которые рассматривал Совет министров и с которыми правительство собиралось выступить. Все вносимые законопроекты, подчеркивал Столыпин, устанавливают «твердые устои новой, складывающейся государственной жизни России»¹⁶⁰. Предоставляя Думе «право» работать над «проведением в жизнь начал манифеста 17 октября», председатель Совета министров сразу же дал и направление, в котором должна осуществляться ее законодательная деятельность. Дума могла осуждать законопроекты, но последнее слово оставалось за министерством. «Правительство, войдя в оценку той мысли, которая противопологается мысли законопроекта, — дипломатически заявил председатель Совета министров, — добросовестно решит, совместима ли она, по мнению правительства, с благом государства, с его укреплением и возвеличением и потому приемлема ли она»¹⁶¹. В самой общей форме П. А. Столыпин упомянул о законодательных мерах, принятых по ст. 87 Основных законов.

Дума услышала от председателя Совета министров далеко не обо всех «неотложных мерах», не было сказано, например, о карательных законах, в том числе и о таких, как «Учреждение военно-полевых судов», «Увеличение штата полицейских органов», «Временные правила командирования войсковых частей».

Предметом особых забот Совета министров и лично П. А. Столыпина явилась аграрная реформа. Уже при первом появлении на трибуне Думы председатель Совета министров настоятельно потребовал принять правительственную реформу и «не медлить с мерами, могущими предупредить совершенное расстройство самой многочисленной части населения России»¹⁶².

В действительности объектом заботы Совета министров были поместное дворянство и зажиточная верхушка деревни.

Давая Думе понять, что правительство выполняет обещания манифеста 17 октября, Столыпин упомянул в декларации об «обычных для правовых государств» гарантиях, которые якобы устанавливались правительственным проектом «О неприкосновен-

ности личности». Председатель Совета министров сделал лишь одну «маленькую» оговорку: «Отклонение от этих начал допустимо только во время исключительных положений»¹⁶³. Подобного рода оговорки и дополнения сопровождали каждое обещание правительства. Говоря о готовности правительства оказать «положительную помощь» рабочим: врачебное наблюдение, страхование, понижение продолжительности рабочего дня для детей и женщин, — председатель Совета министров в то же время подчеркнул, что и впредь будут устраняться всякие меры, направленные «к искусственному поощрению рабочего движения»¹⁶⁴. Предлагая Думе определенный план сотрудничества, Столыпин ставил и неперемное условие принять правительственную программу по аграрному вопросу и одобрить правительственную политику в целом.

Давая оценку правительственной декларации, В. И. Ленин писал: «Правительство не хочет считаться с волей народных представителей. Оно требует, чтобы народные представители помирились с его политикой, помогали ему развиваться, усовершенствовать, точнее и полнее применять эту правительственную политику.

Что означает собой политика правительства?

Она означает отстаивание интересов кучки крупнейших помещиков, придворных и сановников, отстаивание их права эксплуатировать и угнетать народ»¹⁶⁵.

Столыпин с самых первых шагов деятельности второй Думы пытался превратить ее в орудие политики «кабинета». Однако эта задача осложнялась для правительства тем, что в стране еще продолжалась революция и левые депутаты Думы, особенно социал-демократическая фракция, выражая настроение революционных масс, разоблачали политику правительства. Это мешало ему создать блок правых и буржуазных партий, на который правительство могло опереться при проведении удобного ему политического курса. Антагонизм правительства и левых фракций Думы проявился уже при обсуждении декларации Совета министров.

В результате, несмотря на противодействие кадетов, социал-демократическая фракция выразила недоверие правительству. Выступавшие социал-демократы требовали поднять в Думе вопрос о том, что правительство уже сделало, а не о том, что оно намерено делать. Заявления социал-демократов депутаты правых партий встретили криками: «Это призыв к революции!»¹⁶⁶

Председатель Совета министров вторично вышел на трибуну. Маска «либерализма» слетела с него. С угрозой бросил П. А. Столыпин всему революционному лагерю: «Не запугайте!» — и в то же время дал понять кадетам, что они могут встретить понимание со стороны правительства¹⁶⁷.

Декларация получила одобрение абсолютного большинства Государственного совета — двух наиболее влиятельных групп: центра и правых. От лица правых бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново поддержал столыпинское министерство в деле

водворения порядка и законности в государстве¹⁶⁸. Черносотенное дворянство встретило заявление председателя Совета министров в Думе и Государственном совете с одобрением. Николай II расценил речь Столыпина как удачную¹⁶⁹. На имя председателя Совета министров приходили телеграммы, в которых особенно приветствовалось второе выступление Столыпина в Думе¹⁷⁰. Через два дня после оглашения декларации состоялось экстренное заседание императорского яхт-клуба. Столыпин был избран в почетные члены клуба, и командор клуба, министр двора В. Б. Фредерикс лично известил об этом председателя Совета министров¹⁷¹. Влияние П. А. Столыпина усиливалось: его поддерживало большинство дворцовой камарильи, возлагавшей большие надежды на твердость Столыпина¹⁷².

Не остались равнодушными к обещаниям председателя Совета министров и думские лидеры. Милюков в газете «Речь» писал, что глава правительства «обнаружил, наконец, в своей второй речи желание найти тот общий язык, на котором он мог говорить с большинством Думы»¹⁷³. Весь контрреволюционный лагерь поддержал председателя Совета министров.

В годы революции начали проявляться все признаки перехода царского правительства к политике бонапартизма, одним из основных элементов которого является лавирование¹⁷⁴.

Совет министров во главе со Столыпиным в 1906—1907 гг. использовал методы бонапартистского лавирования между реакционным дворянством и крупной буржуазией. Они проявились в попытке создания блока из группы центра и правых в Государственном совете, и в попытках соглашения с буржуазными партиями в Государственной думе, и в аграрной и местной реформе. Бонапартистская политика Столыпина уже на первых порах наталкивалась на серьезные препятствия. И одной из причин этого была зависимость правительства от столпов реакционного дворянства, которое переходило постепенно от поддержки «кабинета» Столыпина к противоборству с ним. Но в годы революции «кабинет» Столыпина пользовался поддержкой помещного дворянства в связи с активным проведением им карательной политики и аграрной реформы. Однако тот подводный камень, который обнаружился в Совете министров при обсуждении реформы местного управления, очень скоро стал явным и достаточно острым для П. А. Столыпина. Чем больше крепла реакция, тем более настойчивым становилось требование крупнейшего дворянства покончить с уступками. Крупнейшие помещики России не разделяли столыпинских планов предотвращения революции за счет некоторого ущемления своих вековых классово-сословных привилегий и начали вступать в конфликт с председателем Совета министров.

Так, III съезд уполномоченных дворянских обществ особенно обрушился на проект местной реформы и потребовал выступить «без проволочек против тех предложений, которые дворянство находит вредными и опасными»¹⁷⁵.

Недовольство поместного дворянства политикой Совета министров в области местной реформы проявилось в Государственном совете и в Государственной думе, в демарше правых с запросом министерству народного просвещения по поводу студенческих волнений¹⁷⁶. Через правые группы «представительных учреждений» Совет министров получил от черносотенного дворянства первое предупреждение за его тактические маневры по отношению к кадетскому руководству Думы и за законопроекты местной реформы. Нападки правых на министерство народного просвещения вызвали трения в Совете министров.

Трижды на заседаниях Совета министров, 20, 27 февраля и 3 марта, В. Н. Коковцов и П. Х. Шванебах, (П. М. Кауфман обвинил последних в составлении запроса Государственного совета) требовали принять меры к университетскому профессорскому руководству, вплоть до предания ректоров суду, и резко критиковали министерство народного просвещения. П. М. Кауфман и обер-прокурор Св. Синода П. П. Извольский выступили с защитой кадетской профессуры. Недовольство правых заставило председателя Совета министров запретить министрам давать ответы на запросы без предварительного обсуждения их в Совете министров¹⁷⁷. Демарши правых насторожили Столыпина, но Совет министров не отказался внести в Думу законопроекты о местной реформе, тем более что кадеты высказывали готовность поддержать аграрную реформу. Однако первый конфликт в столыпинском «кабинете» показал, что избежать усилившегося влияния организации объединенного дворянства не удастся.

Несмотря на то что в соответствии с тактикой «беречь Думу» руководство Думы старалось предотвратить обращение к министрам с думскими запросами, члены Совета министров за время работы второй Государственной думы получили 35 запросов по заявлениям социал-демократов и трудовиков; 28 из них были адресованы председателю Совета министров и министру внутренних дел П. А. Столыпину, 5 — министру юстиции. Большинство поданных запросов по поводу действия администрации имели большое политическое значение и разоблачали карательную политику правительства Столыпина. Совет министров в специальной записке на имя председателя Думы квалифицировал запросы, как попытку контролировать деятельность правительства.

Выступления левых демократических депутатов Думы, их запросы, критика правительственных проектов мешали политическому курсу Совета министров. Особенно раздражали правительство выступления социал-демократов. Вопрос о социал-демократических депутатах на заседаниях Совета министров поднимался неоднократно. Было решено при первой возможности привлечь к суду членов социал-демократической фракции¹⁷⁸ за агитацию.

Враждебное отношение «кабинета» Столыпина к левым фракциям Думы особенно проявилось в ходе обсуждения в Думе чрезвычайного закона, принятого по ст. 87 Основных законов о военно-полевых судах.

Еще до открытия второй Государственной думы, 6 февраля, на заседании Совета министров П. А. Столыпин высказал опасение, что в Думе сразу «начнут с боя по поводу военно-полевых судов», и предложил накануне открытия Думы отменить их циркуляром или указом¹⁷⁹. Николай II отверг это мнение, признав возможным лишь ограничить применение чрезвычайной юстиции.

Кадеты, однако, не спешили приносить неприятности правительству. Понимая, что вопрос о военно-полевых судах встанет неизбежно, если Дума начнет обсуждать выдвинутый по инициативе левых фракций законопроект об амнистии, кадетское руководство Думы настояло на том, чтобы передать проект об амнистии на рассмотрение комиссии. Но 20 апреля истекал срок внесения в Думу проекта о военно-полевых судах, принятого по ст. 87 Основных законов, и кадетское руководство Думы вынуждено было так или иначе заговорить о военно-полевых судах. Председатель Совета министров и министр юстиции, выступившие 17 апреля в Думе, отстаивали правомерность действий правительства при введении военно-полевых судов по чрезвычайному законодательству. Главным аргументом «неотложности» принятой правительством меры была ссылка на «эпидемию убийств должностных лиц и анархических погромов»¹⁸⁰.

Оправдывая чрезвычайность введения военно-полевых судов, министр юстиции И. Г. Щегловитов не настаивал на продолжении их действия, поскольку правительство не было заинтересовано более в «скорострельной юстиции» в форме военно-полевых судов.

У Столыпина появился, в связи с постановкой в Думе вопроса о военно-полевых судах, тактический ход: добиться через правых осуждения с думской трибуны убийств по политическим мотивам, спровоцировать нападки правых на левые фракции, обвинив их в политической агитации. Для правительства было немаловажным осуждение самой Думой вооруженного сопротивления народа, и кадеты были готовы уступить Столыпину¹⁸¹. Но левые депутаты Думы во главе с социал-демократической фракцией сорвали планы правительства и буржуазных соглашателей.

Неоднократно получив подтверждение лояльности кадетских лидеров, правительство Столыпина выдвинуло кадетам основное требование, при выполнении которого оно могло бы еще терпеть вторую Думу. Совет министров, и особенно его председатель, настаивал на немедленном утверждении всех законопроектов аграрной реформы и местного самоуправления. Руководство Думы отлично понимало, что обсуждение в Думе аграрного вопроса решало ее судьбу.

В момент разгара прений вокруг думских аграрных проектов правительство провело в Думе тактическую разведку. 19 марта в Думе выступил главноуправляющий землеустройством и земледелием Б. А. Васильчиков. Остановившись на характеристике основных направлений правительственной аграрной политики, Б. А. Ва-

Васильчиков заявил: «Мы не отступаем от начала частной собственности вообще, помещиков и крестьян в частности, охранять которую государство призвано». Одновременно главноуправляющий признал, что правительство в некоторых случаях может прибегнуть к принудительному передвижению границ землепользования для землеустроительных целей¹⁸². Этим заявлением прокладывался компромиссный путь решения аграрного вопроса в Думе. Но этот путь не одобряло черносотенное дворянство. III съезд уполномоченных дворянских обществ воспринял слова Васильчикова как предательство правительства и подверг нападкам тактику Совета министров. «Успокоительные уверения правительства, ведь это есть все та же постоянная тактика нашего правительства,— говорили выступавшие,— одной рукой делать возмутительные вещи, а другой гладить по голове и говорить, что это ошибка. Правительство заигрывает с теми слоями населения, на которые оно надеется опереться»¹⁸³. Объединенное дворянство не поняло, что это были определенные тактические шаги правительства, и «кабинет» натолкнулся еще раз на сопротивление поместного дворянства.

Для Совета министров ситуация обострялась тем, что думская комиссия в основном одобрила проект земельного закона, внесенного трудовиками. Он почти полностью повторял проект 104-х. Позиция левых депутатов Думы, поддерживавших проект трудовиков, заставила председателя Совета министров выступить в Думе 10 мая с программным заявлением. Столыпин подчеркнул, что «правительство никогда не признает принципа национализации земли и не допустит обездоливания 130 000 владельцев». Он также дал понять, что ни о каких думских проектах по аграрному вопросу не может быть и речи¹⁸⁴. Высказав намерение твердо придерживаться объявленных правительством принципов разрешения аграрного вопроса, председатель Совета министров вместе с тем повторил слова Б. А. Васильчикова о возможном принудительном передвижении земельных границ в исключительных случаях¹⁸⁵. Таким образом, в Думе создавалась видимость готовности правительства идти на уступки. Кадеты поняли ход П. А. Столыпина и заговорили о необходимости при обсуждении правительственной программы аграрных преобразований придерживаться более гибкой тактики.

Кадеты высказались за поддержку предложенных правительством мер с небольшими, не ущемлявшими интересы помещиков поправками¹⁸⁶. Но тщетными оказались попытки лидеров кадетской партии повлиять на трудовиков и левые группы других фракций, заставить их отказаться от признания принципов национализации и принудительного отчуждения земли. Кадеты пытались показать правительству, что при более удобном случае они готовы вернуться к обсуждению аграрного законодательства, принятого по ст. 87 Основных законов. Столыпин такая позиция руководства Думы не удовлетворяла. Он спешил с утверждением чрезвычайных законов по крестьянскому вопросу.

Ход обсуждения аграрной программы в Думе вызвал полное охлаждение председателя Совета министров к кадетской партии. Рухнула последняя попытка П. А. Столыпина сторговаться с кадетами и создать блок буржуазных и правых партий Думы. Очередному сговору царского правительства с буржуазией помешала левая часть Думы. Оценивая назревший конфликт Думы и Совета министров, В. И. Ленин писал: «Для правительства созыв Думы был вынужденной необходимостью. Надо было попытаться еще раз, при наивысших возможных репрессиях, созвать народное представительство ради соглашения с буржуазией. Опыт явно не удался. Военно-полевые суды и все прочие прелести столыпинской конституции чрезвычайно помогли революционной агитации в незатронутых дотоле массах и дали из глубины мужицких масс левую Думу»¹⁸⁷. Столыпинский «кабинет», как и горемыкинский, не смог превратить левую по составу Думу в орудие собственной политики. Революция, вырвавшая у царизма уступки, окончательно отступала, и это позволило Совету министров заняться осуществлением планов разгона второй Государственной думы, к которому он готовился еще до ее созыва.

И. Г. Щегловитов заявлял, что пора прекратить мучения министров и распустить ненавистную Думу¹⁸⁸. Председатель Совета министров давал наставления своим коллегам как можно резче отвечать на нападки депутатов¹⁸⁹. Это делалось с целью спровоцировать Думу на политический скандал.

16 апреля правым удалось учинить такой скандал («зурабовский инцидент») — Дума повисла на волоске.

Но Совет министров был заинтересован в некотором продлении срока деятельности Думы, поскольку еще не закончилась подготовка к государственному перевороту. Столыпин, несмотря на требования ультраправых скорее покончить с Думой, действовал осторожно, считая необходимым акт роспуска Думы обставить более серьезными обвинениями, чем «зурабовский инцидент». 17 апреля и Совет министров пришел к такому же выводу¹⁹⁰. За исключением П. Х. Шванебаха, все министры предлагали поременить с разгоном Думы. Б. А. Васильчиков, Д. А. Философов, А. П. Извольский еще надеялись на влияние в Думе кадетов, В. Н. Коковцов опасался, что правительство будет застигнуто врасплох последствиями подобного акта¹⁹¹. Но министры недооценивали решительности председателя. П. А. Столыпин, лавируя в Думе, в любой момент мог встать на противоположный путь — путь разгона Думы. И председатель Совета министров первым заговорил об этом еще до начала работы Думы. В беседе с американскими журналистами он откровенно заявил: «У меня лично надежд на Думу мало, не будет работать — распустим. После опыта с первой Государственной думой это совсем не так страшно»¹⁹². План разгона Думы у него был готов давно¹⁹³. Осталось лишь выждать удобный момент.

Столыпин появился в Думе через 20 дней после «зурабовского инцидента». 7 мая он выступил с ответом на провокационный

запрос правых по поводу слухов о раскрытии государственного заговора (убийство царя, вел. кн. Николая Николаевича и председателя Совета министров). П. А. Столыпин сообщил Думе о ведущемся расследовании и об «изобличении значительной части арестованных в причастности к заговору»¹⁹⁴. Это была прелюдия к цепи правительственных провокаций. Провокация правительства Столыпина против социал-демократической фракции второй Государственной думы была началом осуществления государственного переворота, закончившегося актом 3 июня.

После 7 мая председатель Совета министров лично вел разработку обвинения социал-демократической фракции при «самом близком участии всего Совета»¹⁹⁵. В конце мая Совет министров собирался по нескольку раз в неделю. Состряпав ложное обвинение, Совет министров боялся разоблачения своей фальшивки. Строго секретные заседания Совета напоминали заговорщическую организацию. Предметом особых забот был способ публикации обвинения. Надо было обеспечить полную тайну его, вплоть до официального объявления. Министр юстиции И. Г. Щегловитов отказался передать акт в сенатскую типографию, высказав опасение, что наборщики могут выдать планы правительства. Столыпин не рискнул передавать акт и в типографию «Правительственного вестника»¹⁹⁶. В. Н. Коковцов переслал обвинение в типографию корпуса пограничной стражи.

Вероятно, часть министров опасалась столь откровенных незаконных действий Совета министров. В дневнике А. Поливанова есть запись: «...Военный министр отказался быть в заседании Совета министров... он ответил, что не желает быть участником этих суждений»¹⁹⁷.

15 мая Совет министров обсуждал планы, связанные с вызовом в столицу войсковых частей на случай расправы с народом. 18 мая, накануне поездки председателя Думы Ф. А. Головина в Царское Село, председатель Совета министров представил Николаю II записку о последних заседаниях второй Думы. Истинную причину разгона Думы Столыпин раскрыл в ней: «Самым же серьезным является отношение большинства Думы к земельному вопросу, в котором не видно ни малейшего желания пойти навстречу серьезным предположениям в работе правительства»¹⁹⁸.

Не имея возможности даже в условиях полного отступления революции упразднить Государственную думу и перейти к управлению страной через систему высших учреждений, существовавших до 1905 г., царизм прибегнул к изменению избирательного закона, надеясь с его помощью созвать послушную правительству черносотенную Думу.

Неудовлетворенность контрреволюционного лагеря избирательной системой, выработанной законом 11 декабря 1905 г., сказала еще при обсуждении его на декабрьском царскосельском совещании. Вопросы изменения избирательного закона не сходили с повестки дня I и II съездов уполномоченных дворянских обществ. На II съезде, в ноябре 1906 г., кн. Касаткин-Ростовский

предложил потребовать от правительства произвести изменения в избирательном законе¹⁹⁹. «С таким предательски нечестным законом,— констатировал съезд,— никакой нормальной Думы не может быть созвано»²⁰⁰. Поместное дворянство с негодованием заявляло, что при существующем законе дворянам невозможно добиться избрания, и сетовало на правительство за отсутствие решимости в изменении избирательной системы²⁰¹. Требуя разработки более консервативного закона, объединенное дворянство в то же время сознавало опасность свершения переворота и рекомендовало создать комиссию из общественных элементов. Но правительство имело свой план.

Пересмотр закона о выборах начался в Совете министров с осени 1906 г.²⁰² Все министры, кроме А. П. Извольского и Д. А. Filosofova, высказывались за необходимость такого пересмотра. Практически правительство приступило к созданию новой избирательной системы значительно раньше. В воспоминаниях В. Н. Коковцова есть упоминание о том, что еще в премьерство Горемыкина кто-то работал над проектом нового избирательного закона²⁰³.

Проект разрабатывался в министерстве внутренних дел С. Е. Крыжановским.

В апреле 1907 г. Столыпин поручил Крыжановскому «составить набросок такого закона, который, не нарушая общей схемы выборов, обеспечивал бы прохождение в Думу более состоятельных слоев»²⁰⁴. К концу мая Крыжановский составил три проекта избирательного закона. Первый вариант основан на принципе имущественного ценза. Министр внутренних дел мог делить избирательные съезды на отделения по местностям или по разрядам цензов. Это давало правительству возможность избавляться во время выборов от нежелательных элементов.

Второй вариант основывался на системе, выработанной законом 11 декабря. Но он так перераспределял выборщиков между различными категориями избирателей, что обеспечивал преимуществу крупного землевладения и крупнейшей буржуазии. Эти классы получали и контроль над выборами. Сам автор нового избирательного закона писал об этом проекте следующее: «Главная цель заключалась в перераспределении количества выборщиков между отдельными разрядами избирателей, дававшим перевес более крупному владению и численное преимущество местностям, более культурным»²⁰⁵.

Второй вариант нового закона был метко назван «бесстыжим».

Третий проект строил избирательную систему на основе выборов депутатов через земские собрания, городские думы или избирательные собрания там, где не было земств. Этим проектом круг избирателей суживался до минимума.

Параллельно вносились дополнения к актам учреждения Государственной думы и Государственного совета, еще более ограничивавшим права Думы. Правительство могло вмешиваться в порядок рассмотрения дел путем определения очередности вопро-

сов. Советом министров устанавливались сроки обсуждения вопросов в Думе, несоблюдение которых влекло за собой право правительства вводить своей властью в дело те или иные меры, требовать вторичного рассмотрения дел в Думе²⁰⁶.

В Совете министров никому, кроме П. А. Столыпина, вплоть до начала конспиративных заседаний ничего не было известно о существовании разрабатываемого проекта. Об этом говорится и в воспоминаниях Коковцова В. Н.: «Заслуга разработки и критики закона может быть целиком приписана МВД и тем, кто готовил его в тиши, а не Совету министров»²⁰⁷. В записке П. Х. Шванебаха имеется упоминание о нежелании председателя Совета министров отвечать на вопросы по поводу избирательного закона: «Столыпин тут же тушил поднятый мною вопрос»²⁰⁸.

Получив от Николая II согласие о передаче Совету министров окончательного решения вопроса о роспуске Думы, Столыпин в десятых числах мая объявил о начале конспиративных заседаний Совета министров. Секретные совещания не протоколировались. В них принимали участие только министры и лишь на последнее заседание были приглашены члены Государственного совета — И. Л. Горемыкин, М. Г. Акимов, А. С. Ермолов и А. Г. Булыгин. Государственный контролер П. Х. Шванебах и министр финансов В. Н. Коковцов предложили внести законопроект в Государственный совет, но Столыпин отказался от столь опасного шага. Он настаивал на издании «нового выборного закона манифестом в день роспуска Государственной думы, без предварительного обсуждения... в Государственном совете»²⁰⁹. Председателя Совета министров поддержал председатель Государственного совета М. Г. Акимов. Министр иностранных дел А. П. Извольский, обер-прокурор Св. Синода П. П. Извольский, министр финансов В. Н. Коковцов и государственный контролер П. Х. Шванебах высказывались за разделение актов роспуска Думы и обнародования нового закона²¹⁰.

Из трех проектов П. А. Столыпина и С. Е. Крыжановский отстаивали второй, наиболее консервативный проект. В. Н. Коковцов писал, что Столыпин защищал закон, так же отлично зная все его детали, как и составитель Крыжановский. Председатель Совета министров фактически не допустил обсуждения проекта, дав понять, что суждение нежелательно, и, не вдаваясь в подробности, Совет министров принял второй проект²¹¹.

Закончив подготовку избирательного закона, Совет министров приступил к разгону Думы. 1 июня председатель Совета министров известил председателя Государственной думы Ф. А. Головина о том, что он делает заявление, не терпящее отлагательств²¹². Столыпин огласил в тот же день постановление о привлечении социал-демократической фракции к суду и о немедленном аресте 16 депутатов социал-демократов, обвиненных в участии в заговоре против государственного строя.

Лидеры кадетов пошли на открытое предательство. Председатель Думы Головин не допустил прений по обвинению, предъяв-

леяному Думе. Оно было передано в специальную думскую комиссию, которая должна была рассмотреть заявление правительства в течение 24 часов. Совет министров не мог дожидаться разоблачения состряпанной полицейской фальшивки о военном заговоре и решил с ходу разогнать вторую Государственную думу.

В ночь со 2 на 3 июня в Петергофе Николаем II были подписаны манифест о роспуске Думы и новый закон о выборах. Манифест и избирательный закон были приняты в нарушение Основных государственных законов. Исходившие от высшей власти, они не подлежали последующему одобрению Государственной думой и Государственным советом. Сенаторы приняли новый закон и подписали прошедшим числом «Определение». К документам было приложено письмо Николая II с требованием немедленно разогнать Думу: «Дума должна быть завтра, в воскресенье утром, распущена. Твердость и решимость — вот что нужно показать России»²¹³. Третьеиюньские события свидетельствовали о поражении первой революции и наступлении реакции.

Самодержавие совершило государственный переворот, обнаружив призрачность дарованной царем конституции. «Давно уже указывала социал-демократическая печать, — писал В. И. Ленин, — на непрочность, на беспочвенность пресловутого русского „конституционализма“. Пока держится старая власть и держит в руках всю громадную машину государственного управления, — до тех пор нельзя и говорить серьезно о значении народного представительства, о возможности удовлетворить наболевшие нужды миллионов народа»²¹⁴.

* * *

Еще в середине 1906 г. Советом министров во главе с И. Л. Горемыкиным были предприняты попытки покончить с завоеваниями революции. Но революция, несмотря на отступление, заставила самодержавное правительство убедиться в том, что полный возврат к порядку, существовавшему в государственном управлении России до 1905 г., был невозможен. Продолжая политику реакции и репрессий, «кабинет» Столыпина в целях сохранения самодержавной власти и господства помещичьего дворянства попытался, используя методы бонапартистского лавирования, решить частично задачи, поставленные историческими условиями, и приспособиться тем самым к капиталистическому развитию.

Совет министров во главе со Столыпиным провел по ст. 87 Основных законов важнейшие законодательные акты аграрной реформы. Были разработаны основы реформы местного управления. Однако в ходе обсуждения последней в Совете министров выявились разногласия, свидетельствовавшие о нежелании царских сановников, камарильи и, самое главное, объединенного дворянства, чье мнение выражали министры, выступавшие против столыпинского проекта местной реформы, быть последовательными при проведении политики реформ.

Острота классовой борьбы в России и глубина классовых противоречий не могли быть сняты реформами. Они были обречены на провал, и с этими явлениями «кабинет» Столыпина столкнулся в трехеюньский период своей деятельности.

Примечания

- 1 См.: Рабочий класс в первой российской революции. 1905—1907 гг. М., 1981, с. 113.
- 2 См.: Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1975, с. 305—311.
- 3 Сидельников С. М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962, с. 162.
- 4 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 300.
- 5 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 140—141.
- 6 См.: Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания, Париж, 1923, т. 1, с. 169.
- 7 См.: Извольский А. П. Воспоминания. Пг.; М., 1924, с. 68.
- 8 См.: Там же, с. 67.
- 9 См.: Новое время, 1906, 29 апр., с. 2.
- 10 См.: Извольский А. П. Указ. соч., с. 120.
- 11 См.: Там же, с. 119—120.
- 12 См.: Сидельников С. М. Указ. соч., с. 90—92.
- 13 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 39, л. 29—30.
- 14 Степанский А. Д. Реформа Государственного совета в 1906 году.— Труды МГИАИ, 1975, т. 20, с. 211.
- 15 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 70.
- 16 Подробно об этом см.: Степанский А. Д. Государственный совет в период революции 1905—1907 гг. (из истории второго шага): Канд. дис. М., 1964, с. 138.
- 17 См.: Коковцов В. Н. Указ. соч., т. 1, с. 184.
- 18 См.: Государственная дума: Стеногр. отчеты, 1906 г. Сессия первая. СПб., 1906, т. 1, стб. 320.
- 19 См.: Там же, стб. 322.
- 20 См.: Там же, стб. 323.
- 21 См.: Там же.
- 22 См.: Там же.
- 23 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 106.
- 24 Государственная дума: Стеногр. отчеты, 1906 г. Сессия первая, т. 1, стб. 341.
- 25 Там же, стб. 353.
- 26 См.: Степанский А. Д. Государственный совет в период революции 1905—1907 гг. (из истории второго шага): Канд. дисс., с. 191.
- 27 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 111, 113.
- 28 Цит. по: Коковцов В. Н. Указ. соч., т. 1, с. 189.
- 29 Государственная дума: Стеногр. отчеты, 1906 г. Сессия первая, т. 1, стб. 306.
- 30 Там же, с. 374.
- 31 Шелохаев В. В. Аграрная программа кадетов в первой русской революции.— В кн.: Исторические записки. М., 1970, т. 86.
- 32 Там же, с. 204.
- 33 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 101.
- 34 Государственная дума: Стеногр. отчеты, 1906 г. Сессия первая, т. 1, стб. 512.
- 35 Там же, стб. 509.
- 36 Там же, стб. 512.
- 37 Там же, стб. 374.
- 38 Там же.
- 39 Труды I съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1906, с. 10—12.
- 40 См.: Шелохаев В. В. Указ. соч., с. 209; Колесниченко Д. А. Аграрные проекты трудовой группы в первой Государственной думе.— В кн.: Исторические записки, т. 65, с. 62—68.
- 41 См.: Правительственный вестник, 1906, 20 июня, № 1.
- 42 Государственная дума: Стеногр. отчеты, 1906 г. Сессия первая, т. 1, стб. 912.
- 43 См.: Степанский А. Д. Государственный совет в период революции 1905—1907 гг., с. 201—207.
- 44 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 170.
- 45 См.: Сидельников С. М. Образование и деятельность первой Государственной Думы, с. 256—257.
- 46 См.: Степанский А. Д. Государственный совет в период революции 1905—1907 гг., с. 210—212.

- ⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 120.
- ⁴⁸ Цит. по: Коковцов В. Н. Указ. соч., т. 1, с. 191.
- ⁴⁹ Красный архив, 1929, № 6(19), с. 125; Книга воспоминаний вел. кн. Александра Михайловича. Париж, 1933, т. 2, с. 178.
- ⁵⁰ Коковцов В. Н. Указ. соч., т. 1, с. 199.
- ⁵¹ Извольский А. П. Указ. соч., с. 44.
- ⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 257.
- ⁵³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 1, л. 16.
- ⁵⁴ Там же, л. 17.
- ⁵⁵ Там же, л. 17—18.
- ⁵⁶ Там же, л. 19—20.
- ⁵⁷ ЦГАОР СССР, ф. 601, д. 250, л. 81.
- ⁵⁸ См.: Извольский А. П. Указ. соч., с. 34, 35.
- ⁵⁹ См.: Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.
- ⁶⁰ Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции, с. 447.
См.: Миллюков П. Н. Три попытки. Париж, 1921, с. 34.
Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 257—258.
- ⁶³ Там же, с. 297.
- ⁶⁴ Там же, с. 207.
- ⁶⁵ Коковцов В. Н. Указ. соч., т. 1, с. 213.
- ⁶⁶ Красный архив, 1932, т. 4, с. 120.
- ⁶⁷ Правительственный вестн., 1906, 9 июля.
- ⁶⁸ Новое время, 1906, 10 июля.
- ⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 307.
- ⁷⁰ Там же, т. 20, с. 327.
- ⁷¹ Тверской П. А. К материалам о П. А. Столыпине.— Вестн. Европы, 1912, № 4, с. 187.
- ⁷² Коковцов В. Н. Указ., соч., т. 1, с. 231.
- ⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 325.
- ⁷⁴ Там же, с. 326.
- ⁷⁵ Красный архив, 1939, т. 9, с. 164.
- ⁷⁶ Там же, с. 168.
- ⁷⁷ Там же, с. 180.
- ⁷⁸ Там же, с. 181.
- ⁷⁹ Там же, с. 147.
- ⁸⁰ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 3, л. 34—35.
- ⁸¹ Там же, д. 2, л. 19—20.
- ⁸² Там же, д. 89, л. 166.
- ⁸³ Там же, д. 2, л. 64.
- ⁸⁴ Там же, л. 99.
- ⁸⁵ Там же, оп. 20, д. 3, л. 59—61.
- ⁸⁶ Там же, л. 159.
- ⁸⁷ Там же, д. 6, л. 88.
- ⁸⁸ Там же, оп. 1, д. 92, л. 11.
- ⁸⁹ Правительственный вестн., 1906, 25 авг.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1954, т. 4, с. 77.
- ⁹² Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905—1907 гг., М., 1958, с. 197.
- ⁹³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 92, л. 43—44.
- ⁹⁴ Там же, л. 55.
- ⁹⁵ Там же, л. 56.
- ⁹⁶ Там же, л. 91.
- ⁹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 198—199.
- ⁹⁸ Там же, с. 385.
- ⁹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 3, л. 66, 107.
- ¹⁰⁰ Там же, оп. 1, д. 107, л. 5.
- ¹⁰¹ Там же, оп. 2, д. 93, л. 9.
- ¹⁰² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 386.
- ¹⁰³ ЦГАОР СССР, ф. ДП, д. 56, л. 61.
- ¹⁰⁴ Труды I съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 26.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 29—30.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 61.
- ¹⁰⁷ Трапезников С. П. Аграрный вопрос и ленинские аграрные программы в трех революциях. М., 1963; То же. 2-е изд., перераб. М., 1975; Першин Н. Н. Аграрная революция в России. М., 1966. Кн. 1; Симонова М. С. Аграрная политика самодержавия в 1905 г.— В кн.: Исторические записки. Т. 81; Василевский Е. Г. Идейная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы, М., 1960; Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963.
- ¹⁰⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 2, л. 121.
- ¹⁰⁹ Там же, л. 122.
- ¹¹⁰ ЗПСЗ, 1906, т. 25, с. 846—847.
- ¹¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 2, л. 122.
- ¹¹² Там же, д. 3, л. 47.
- ¹¹³ См.: Анфимов А. М. Ленин о российском крестьянстве.— В кн.: В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970, с. 89.
- ¹¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 4, л. 53.
- ¹¹⁵ Там же, л. 53—55.

- 116 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 175.
- 117 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 4, л. 58.
- 118 Там же, л. 67.
- 119 Кокорцов В. Н. Указ. соч., т. 1, с. 225.
- 120 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 4, л. 62.
- 121 Там же, л. 69.
- 122 ЗПСЗ, 1906, т. 24, с. 900—974.
- 123 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 219.
- 124 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 409, л. 10.
- 125 Там же.
- 126 Там же, л. 46.
- 127 Там же, л. 289.
- 128 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 424.
- 129 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 63, л. 2, 3.
- 130 Там же, л. 5.
- 131 Там же, л. 6.
- 132 Там же.
- 133 Там же, л. 8.
- 134 Там же, л. 11.
- 135 Там же, л. 12.
- 136 Там же.
- 137 Кокорцов В. Н. Указ. соч., т. 1, с. 241.
- 138 Труды III съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1907, с. 22.
- 139 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 4, л. 131.
- 140 Там же, л. 132.
- 141 Там же, оп. 2, д. 63, л. 110.
- 142 Там же, л. 118.
- 143 Там же, оп. 3, д. 13, л. 7.
- 144 Там же, д. 18, л. 9.
- 145 Там же, л. 10.
- 146 Там же, л. 14.
- 147 Там же, л. 80.
- 148 Там же, оп. 20, д. 4, л. 126.
- 149 См.: Зырянов П. Н. Третья дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления.— История СССР, 1969, № 6, с. 52.
- 150 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 74, л. 773.
- 151 Там же, л. 830.
- 152 Там же.
- 153 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 425.
- 154 Там же, т. 13, с. 337.
- 155 Там же, с. 344—345.
- 156 ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 912, л. 22.
- 157 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 25.
- 158 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 4, л. 532.
- 159 Там же, л. 533.
- 160 Государственная дума: Стеногр. отчеты, 1906 г. Сессия первая. СПб., 1907, т. 1, стб. 107.
- 161 Там же, стб. 108.
- 162 Там же, стб. 110.
- 163 Там же, стб. 112.
- 164 Там же, стб. 119.
- 165 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 27.
- 166 Государственная дума: Стеногр. отчеты, 1906 г. Сессия первая, т. 1, стб. 129.
- 167 Там же, стб. 172.
- 168 Там же, стб. 43.
- 169 ЦГАОР, ф. 601, д. 251, л. 50.
- 170 ЦГИА, ф. 1276, оп. 2, д. 2.
- 171 Государственная деятельность ст. сек. П. А. Столыпина: Сб. док. СПб., 1911, с. 6.
- 172 См.: Книга воспоминаний вел. кн. Александра Михайловича, т. 2, с. 285.
- 173 Речь, 1907, 7 марта.
- 174 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 359.
- 175 Труды III съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 28.
- 176 См.: Степанский А. Д. Государственный совет в период революции 1905—1907 гг., с. 237.
- 177 См.: Поливанов А. А. Указ. соч., с. 20.
- 178 Там же, с. 18.
- 179 Там же, с. 19.
- 180 Государственная дума: Стеногр. отчеты, 1906 г. Сессия первая, т. 2, стб. 2212.
- 181 См. об этом: Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции, с. 343—358.
- 182 Государственная дума: Стеногр. отчеты, 1906 г. Сессия первая, т. 2, стб. 775.
- 183 Труды III съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 262.
- 184 Государственная дума: Стеногр. отчеты, 1906 г. Сессия первая, т. 2, стб. 444—445.
- 185 Там же, стб. 445.
- 186 Там же, стб. 443.
- 187 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 69.
- 188 См.: Кокорцов В. Н. Указ. соч., с. 251.
- 189 Поливанов А. А. Указ. соч., с. 27.
- 190 Там же.
- 191 Шванебах П. X. Записки савонни-

- ка.— Голос минувшего, 1918, № 1/3, с. 127.
- ¹⁹² *Тверской П. А.* Указ. соч., с. 192.
- ¹⁹³ *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. Берлин. Б. г., с. 107.
- ¹⁹⁴ Государственная дума: Стеногр. отчеты, 1906 г. Сессия первая, т. 2, стб. 139.
- ¹⁹⁵ *Коковцов В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 271.
- ¹⁹⁶ Там же, с. 236.
- ¹⁹⁷ *Полливанов А. А.* Указ. соч., с. 28.
- ¹⁹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 948, л. 252.
- ¹⁹⁹ Труды II съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1906, с. 20.
- ²⁰⁰ Там же, с. 29.
- ²⁰¹ Там же, с. 30.
- ²⁰² *Коковцов В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 233.
- ²⁰³ Там же, с. 234.
- Подробнее см.: *Островский А. В.* Третьеиюньский переворот 1907 г.: Канд. дис. Л.; 1976.
- ²⁰⁴ *Крыжановский С. Е.* Указ. соч., с. 107.
- ²⁰⁵ Там же, с. 109.
- ²⁰⁶ Там же, с. 110.
- ²⁰⁷ *Коковцов В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 234.
- ²⁰⁸ *Шванебах П. Х.* Указ. соч., с. 121.
- ²⁰⁹ Новые документы Чрезвычайной следственной комиссии.— Вопр. истории, 1964, № 4, с. 97.
- ²¹⁰ *Шванебах П. Х.* Указ. соч., с. 127.
- ²¹¹ *Коковцов В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 235.
- ²¹² Красный архив, 1926, т. 29, с. 139.
- ²¹³ ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 251, л. 20.
- ²¹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 198.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В годы первой революционной ситуации самодержавная форма правления претерпела известные изменения. Реформы 60—70-х годов XIX в. явились первым шагом по пути превращения самодержавия в буржуазную монархию.

Однако Россия, вступившая в конце XIX в. в эпоху империализма, сохранила старую, феодальную политическую надстройку — абсолютную монархию с дворянским бюрократическим аппаратом.

В начале XX в. усиливается процесс перемещения центра революционного движения в Россию. Противоречия, присущие капитализму в его последней стадии, в России были обострены многочисленными пережитками и остатками крепостнической системы и в базе, и в надстройке. Назревший кризис привел к первой народной революции. Во время революции самодержавию были нанесены сильные удары. Но ему все же удалось перестроиться, прикрыться лжеконституционными формами, собрать силы и перейти в наступление против революции. Для того чтобы осуществить этот сложный процесс, самодержавию пришлось консолидировать правые силы. Поэтому царизму необходимо был центральный штаб, где определялись бы методы и формы борьбы с революцией. Возобновивший на старых организационных основаниях деятельность Совет министров не мог дать должного эффекта и объединить административный механизм, потому что был лишь совещательной коллегией царя с чиновниками, и не мог быть пригоден к условиям модернизированной государственной системы. Этими причинами была обусловлена реформа высшего правительственного учреждения. Стабильный состав постоянно действующего Совета министров, юридически оформленная должность председателя, связующего звена в системе царь — представительные учреждения, обязательное рассмотрение в Совете всех дел высшего административного управления позволяют, на наш взгляд, считать реформированный Совет министров одним из элементов второго шага царской монархии по пути к буржуазной монархии.

Итак, реформой высшей исполнительной власти преследовалась цель создать объединенное сильное правительство, способное справиться с революцией, и, ограничившись минимумом уступок, приспособиться к новым условиям и противостоять всеми силами революционным преобразованиям в буржуазно-демократическом направлении.

В. И. Ленин, определяя значение революции 1905—1907 гг. как целой исторической полосы в экономической и политической жизни страны, указывал: «Мы переживаем дальнейший сдвиг всего уклада российского государства, *еще один шаг* по пути превращения в буржуазную монархию»¹. Но и в этот период российское самодержавие, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин (вплоть до 1917 г.), сохраняло свою старую, полукрепостническую сущность. Оно не смогло ни в годы революции, ни после нее реформистски преобразоваться в буржуазную монархию, по подобию бисмарковской империи².

Несмотря на провозглашенные де-юре «правовые и конституционные начала государственного строя России» после октября 1905 г., сущность российского самодержавно-бюрократического политического строя осталась старой. По-прежнему удельный вес царской бюрократической машины во всей системе управления был настолько велик, что и при наличии законодательных учреждений (Государственная дума и Государственный совет) она сохранила всевластие и фактическую бесконтрольность в государственном управлении. Несмотря на то что реформированный Совет министров носил на себе известный отпечаток норм буржуазного права, его нельзя рассматривать как орган конституционного управления — правительственный кабинет. И после реформы Совет министров остался органом самодержавной власти.

Совет министров, ответственный только перед царем и подчиненный только ему, испытывал на себе решающее влияние со стороны двора и камарильи.

Не изменилось и социальное лицо представителей высшей бюрократии. Не произошло ее обуржуазивания. Правящая бюрократия, определявшая в годы первой революции варианты бонапартистского курса в экономике и политике, оставалась организованной силой дворянско-помещичьего государства. Анализируя экономические и политические отношения в России, сложившиеся после первой революции, В. И. Ленин писал: «Шаг по пути превращения в нечто новое несколько не устраняет старого, скажем, „бюрократического“ строя с его громадной самостоятельностью и независимостью, с его толмачевски-рейнботовским (и пр., и пр.) „своеобразием“, с его финансовой бесконтрольностью. „Почерпая силы“ от поддержки верхов буржуазии, бюрократия рекрутируется *не* из них, а из старого, совсем старого, не только дореволюционного (до 1905 г.), но и дореформенного (до 1861 г.) поместного и служилого дворянства»³.

В период революции 1905—1907 гг. состав Совета министров менялся трижды. Во главе стояли С. Ю. Витте, И. Л. Горемыкин, П. А. Столыпин. В зависимости от специфики задач момента подбирался состав Совета и его председатели. Основной «заботой» всех трех «кабинетов», несмотря на различия их отношения к Государственной думе и к курсу уступок, было сохранение и укрепление устоев самодержавного строя. На этой позиции обеспечивалась преемственность деятельности трех «кабинетов».

Борьбу против революции Совет министров вел в двух направлениях. Первое — подавление революции силой, второе — лавирование между классами и попытки разрешения некоторых вопросов буржуазного развития реформистским путем в целях предотвращения революции в будущем

Но оба эти направления были двумя сторонами одной медали. Надо подчеркнуть, что репрессивная политика в годы революции преобладала над большими или меньшими, в зависимости от развития революции, элементами политики лавирования.

В годы революции Совет министров объединял и направлял деятельность всех карательных звеньев, как гражданских (администрация, полиция, жандармерия, суд, тюрьмы и т. д.), так и военных (карательные отряды, военно-полевые и военно-окружные суды), разрабатывая новые репрессивные законы, ужесточая ранее действовавшие. Ряд карательных мер проводился непосредственно председателями Совета министров. Разные по своим правительственным методам, по отношению к буржуазии и Государственной думе, С. Ю. Витте, И. Л. Горемыкин и П. А. Столыпин были едины в отношении к революции, направляя весь государственный механизм страны на жестокое подавление ее. Верховное руководство кровавой деятельностью Совета министров осуществлял сам Николай II.

Самодержавие боролось «за свое существование последними, самыми отчаянными, дикими и бешеными средствами», — отмечал В. И. Ленин⁴.

Политика самодержавного правительства по отношению к рабочему движению определялась в годы революции наращиванием карательных мер и незначительными частичными уступками при широковещательных декларациях. Если Совет министров во главе с Витте обсуждал частичные меры разрешения рабочего вопроса, то в «кабинете» Горемыкина и Столыпина специально он не рассматривался. Разработкой его занимались ведомственные комиссии.

С конца 1905 г. в Совет министров переносится обсуждение важнейших вопросов крестьянской реформы. Революция заставила царское правительство отказаться от старой политики по аграрному вопросу и перейти к мерам коренного переустройства крестьянского землепользования.

Появление в Совете министров проекта о принудительном отчуждении части частновладельческих земель и отстаивание некоторыми членами Совета возможности, хотя бы на крайний случай, использования этого принципа вызвали бурю негодований помещного дворянства, требовавшего осуществить аграрную реформу, не ущемляя материально и не ограничивая средневековых привилегий помещного дворянства. В премьерство Витте была начата разработка основных мероприятий будущей аграрной реформы. Но практическое решение этой задачи осуществлялось уже Советом министров во главе со Столыпиным. Позаимствовав политический багаж «кабинета» Витте, Столыпин форси-

ровал проведение аграрной реформы в намеченном крупным поместным дворянством направлении, придав ей полицейское содержание.

Совет министров во главе с П. А. Столыпиным в междудумский период провел по ст. 87 Основных законов главные законодательные мероприятия по аграрному вопросу.

Аграрная политика правительства, осуществлявшаяся в интересах сохранения экономического могущества и политической власти дворянства, преследовала цель медленного, постепенного перерастания полукрепостнических помещичьих хозяйств в полубуржуазные, обеспечения привилегий небольшой группе кулацких хозяйств в деревне. В лице кулаков правительство искало надежную опору в борьбе с беднейшим крестьянством. В тесной связи с аграрной реформой надо рассматривать и преобразования политической и правовой надстройки, т. е. реформу местного управления. Цель и той и другой реформ — определить «сверху» путь медленного, болезненного капиталистического развития деревни.

Вторая часть — реформа местного управления — «столкнула» политику Совета министров с требованиями объединенного дворянства, переходившего от поддержки Столыпина к противоборству с ним. Именно с этого момента начала усиливаться зависимость «кабинета» Столыпина от влияния камариллы и черносотенных помещиков.

Аграрная реформа, как и реформа местного управления, в годы третьейюнкерской монархии закончилась крахом. Вековые противоречия, накопившиеся в ходе исторического развития России, не могли быть решены мирным путем.

Совет министров призван был сыграть роль посредника между царем и законодательными органами. Тактическая линия по отношению к Государственной думе выработывалась тремя правительствами. «Кабинет» Витте пытался превратить Думу в послушное орудие своей политики. Председатель Совета министров вступил в контакт с лидерами буржуазных партий, но первая попытка «сторговаться» в вопросе о власти не принесла своих результатов.

Проводимую Советом министров, во главе с Горемыкиным, тактику игнорирования Думы надо рассматривать как попытку царизма вернуться к прежним, традиционным методам и средствам управления. Революция сорвала эту попытку.

Разогнав первую Государственную думу, Совет министров во главе со Столыпиным продолжил поиски форм сотрудничества с руководством Думы, пытаясь создать работоспособный центр во второй Государственной думе и в Государственном совете. Но правительство смотрело на «законодательные учреждения», как на инструмент своей политики, и отвергло требование лидеров буржуазии вести борьбу с революционным движением на условиях равного или почти равного партнерства. «Внутри страны, — отмечал незадолго до созыва второй Думы В. И. Ленин, — прави-

тельство не может опереться ни на одну партию, колеблясь между шайками хулиганов (истинно русские люди) и октябристами. Вполне спеться оно не могло даже и с октябристами»⁵.

Окончательный удар по второй Государственной думе был нанесен обсуждением в ней аграрного вопроса.

К середине 1907 г. силы революции настолько ослабли, что царское правительство получило возможность распустить неудобную ему вторую Думу и одновременно изменить избирательный закон, чего так упорно добивались черносотенцы всех оттенков.

Совершив государственный переворот, царское правительство расчистило себе дорогу для осуществления курса политического бонапартизма в значительной мере определившего политику третьеиюньской монархии.

Рассмотрев основные направления правительственной политики в 1905—1907 гг. можно сделать вывод, что в Совете министров разрабатывались и осуществлялись методы и формы борьбы с революцией, готовились основные реформы, определившие политику царского правительства. Революция положила начало второму шагу самодержавия к буржуазной монархии. Это проявилось в области социально-экономической — аграрной реформой, в политической области — подновлением форм правления, укреплением союза контрреволюционных классов. Однако эволюционные возможности царизма были очень узкими, самодержавие оставалось крайне консервативной силой. Политическая и правовая надстройка, несмотря на известные сдвиги, не соответствовала задачам капиталистического развития и являлась крупнейшим препятствием для него. Вступая в союз с буржуазией, самодержавие сохраняло «власть и доходы за крепостниками-помещиками»⁶. За этим классом сохранялись и командные посты в политическом строе страны. Стремление крупной буржуазии, ее политических партий добиться реформистским путем изменений политически-правового строя страны наталкивалось на все большее сопротивление реакционного крупнопоместного дворянства. Царизм пытался строить «государственную систему управления — да и не одного только управления — на блоке крепостников-помещиков с верхушками буржуазии, причем первый социальный элемент сохранял в этом блоке гигантский перевес, а над обоими элементами стояла фактически неурезанная старая власть»⁷.

Царское правительство выиграло первую серьезную битву с народными массами. Ему удалось, хотя и с напряжением всех сил, осуществить шаг за шагом кровавое подавление революции. Но поражение первой русской революции лишь отсрочило гибель царского самодержавия.

Большевики во главе с В. И. Лениным, обобщив и проанализировав опыт борьбы с самодержавием, разработали тактическую линию партии в период господства реакции, нового революционного подъема и первой мировой войны. Уже в октябре 1907 г. В. И. Ленин нацелил партию на то, «чтобы богатые политические

уроки нашей революции и контрреволюции были глубже продуманы и тверже усвоены широкими массами»⁸.

Через десять лет руководимый большевиками пролетариат России в союзе с крестьянством свершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, навсегда покончив с царским самодержавием. Никакие реформы не могли остановить закономерного исторического хода развития России.

«История первой народной революции в России,— подчеркивается в Постановлении ЦК КПСС о 70-летию революции 1905—1907 гг. в России,— неиссякаемый источник творческого вдохновения, школа политической борьбы для новых поколений революционных борцов»⁹.

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 169.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 300; т. 31, с. 151; т. 20, с. 307; т. 17, с. 359, 411.

³ Там же, т. 21, с. 58.

⁴ Там же, т. 13, с. 199.

⁵ Там же, т. 14, с. 201.

⁶ Там же, т. 19, с. 244.

⁷ Там же, т. 22, с. 320.

⁸ Там же, т. 16, с. 124.

⁹ О 70-летию революции 1905—1907 годов в России. М., 1975, с. 5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Примечания	23
Глава первая	
РЕФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ В 1905 г.	27
Примечания	44
Глава вторая	
В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИЕЙ	45
Формирование «кабинета» Витте	45
Карательная политика царизма (октябрь — ноябрь 1905 г.).	57
Попытки приспособления самодержавия к новым историческим условиям	71
Вопросы государственных преобразований в Совете министров	71
Рабочий вопрос	87
Аграрный вопрос	92
Отставка «кабинета»	102
Примечания	108
Глава третья	
ВО ГЛАВЕ НАСТУПАЮЩЕЙ РЕАКЦИИ (апрель 1906 г.— июнь 1907 г.)	112
«Кабинет» И. Л. Горемыкина	112
Совет министров и законодательные учреждения	117
«Кабинет» П. А. Столыпина и программа «умиротворения» России	133
«Новый курс» аграрной политики и реформа местного управления	148
«Кабинет» Столыпина и представительные учреждения	161
Примечания	174
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178
Примечания	183

1 р. 40 к.